

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
ФГБОУ ВО «Ярославский государственный педагогический университет
им. К. Д. Ушинского»
Юго-Западный университет КНР
Центр по изучению русскоговорящих стран (ЦИРС) ЮЗУ
при Министерстве Образования КНР

Мир русскоговорящих стран

俄语国家评论

World of Russian-speaking countries

Научный журнал

2020 – № 1 (3)

Ярославль
2020

Учредитель: ФГБОУ ВО «Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского».

Юго-Западный университет КНР.

Центр по изучению русскоговорящих стран (ЦИРС) ЮЗУ при Министерстве Образования КНР.

Мир русскоговорящих стран = 俄语国家评论 = World of Russian-speaking countries :
научный журнал. – Ярославль : РИО ЯГПУ, 2020. – № 1 (3). – 119 с. – ISSN 2658-7866. – DOI 10.20323/2658-7866-2020-1-3
2020, № 1 (3). – 500 экз.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Се Чжоу, доктор филологических наук, профессор, декан факультета русского языка Юго-Западного университета КНР, директор Центра по изучению русскоговорящих стран Юго-Западного университета при Министерстве образования КНР, член Всекитайского комитета по делам преподавания русского языка при Министерстве образования КНР (шеф-редактор); **Болдырева Елена Михайловна**, доктор филологических наук, профессор кафедры русской литературы Ярославского государственного педагогического университета им. К. Д. Ушинского, профессор Института иностранных языков Юго-Западного университета КНР (главный редактор); **Лю Вэньфэй**, доктор филологических наук, профессор, председатель Китайской ассоциации по исследованию русской литературы, ведущий научный сотрудник Пекинского центра по изучению стран и регионов славянских народов; **Чжэн Тиу**, доктор филологических наук, профессор, директор Института литературы Шанхайского университета иностранных языков, вице-президент МАПРЯЛа; **Сюй Полин**, доктор экономических наук, профессор, начальник отдела российской экономики Института по исследованию России, Восточной Европы и Центральной Азии Китайской академии общественных наук (КАОН); **Син Гуанчэн**, доктор юридических наук, профессор, академик КАОН, директор Института краеведения КАОН; **Пан Дапэн**, доктор юридических наук, профессор, начальник отдела российской политики Института по исследованию России, Восточной Европы и Центральной Азии КАОН; **Дай Гуйцзюй**, доктор исторических наук, профессор, заместитель директора Института русского языка Пекинского университета иностранных языков (ПУИЯ), директор Центра русского языка ПУИЯ, заместитель председателя Китайской ассоциации по изучению истории Советского Союза и Восточной Европы; **Чэн Ицзюнь**, доктор филологических наук, профессор, ведущий научный сотрудник отдела российской экономики Института по исследованию России, Восточной Европы и Центральной Азии КАОН; **Сюэ Фуци**, доктор филологических наук, профессор, начальник отдела стратегических исследований Института по исследованию России, Восточной Европы и Центральной Азии КАОН; **Ли Сютао**, доктор филологических наук, профессор факультета русского языка Юго-Западного университета КНР, ведущий научный сотрудник Центра по изучению русскоговорящих стран Юго-Западного университета при Министерстве образования КНР; **Кондаков Игорь Владимирович**, доктор философских наук, профессор кафедры истории и теории культуры факультета истории искусства ФГБОУ ВО «Российский государственный гуманитарный университет»; **Закс Лев Абрамович**, доктор философских наук, профессор, ректор Гуманитарного университета, г. Екатеринбург; **Разлогов Кирилл Эмилевич**, доктор искусствоведения, Заслуженный деятель искусств РФ, профессор Всероссийского государственного университета кинематографии им. С. А. Герасимова; **Шапинская Екатерина Николаевна**, доктор философских наук, профессор, ведущий научный сотрудник ФГ НИУ «Российский институт культурологии»; **Блиц Наталья Леонидовна**, доктор филологических наук, профессор кафедры русской литературы Белорусского государственного университета; **Власова Галина Ивановна**, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой филологии Казахского филиала МГУ имени М. В. Ломоносова; **Злотникова Татьяна Семеновна**, доктор искусствоведения, Заслуженный деятель науки РФ, профессор кафедры культурологии Ярославского государственного педагогического университета им. К. Д. Ушинского; **Новиков Михаил Васильевич**, доктор исторических наук, Заслуженный деятель науки РФ, заведующий кафедрой теории и методики профессионального образования Ярославского государственного педагогического университета им. К. Д. Ушинского; **Ходнев Александр Сергеевич**, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой всеобщей истории Ярославского государственного педагогического университета им. К. Д. Ушинского; **Кучина Татьяна Геннадьевна**, доктор филологических наук, профессор кафедры русской литературы Ярославского государственного педагогического университета им. К. Д. Ушинского; **Ухова Лариса Владимировна**, доктор филологических наук, профессор кафедры теории коммуникации и рекламы Ярославского государственного педагогического университета им. К. Д. Ушинского; **Коряковцева Ольга Алексеевна**, доктор политических наук, декан факультета дополнительного профессионального образования, профессор кафедры социальной педагогики и организации работы с молодежью Ярославского государственного педагогического университета им. К. Д. Ушинского; **Кальсин Андрей Евгеньевич**, доктор экономических наук, профессор кафедры экономической теории и менеджмента Ярославского государственного педагогического университета им. К. Д. Ушинского.

Публикуемые в журнале материалы рецензируются членами редакционной коллегии.

Адрес редакции: 150000, г. Ярославль, Республиканская ул., 108/1. Тел.: (4852)72-64-05, 32-98-69 (издательство)

Адреса в Интернете: <http://yspu.org/>; <http://mir.yspu.org/>

Свидетельство о регистрации средства массовой информации:

Федеральная служба по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций

(Роскомнадзор): ПИ № ФС 77-75509 от 12 апреля 2019 г.

© ФГБОУ ВО «Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского», 2020

© Юго-Западный университет КНР, 2020

© Авторы статей, 2020

Founding parties: FSBEI HE «Yaroslavl State Pedagogical University named after K.D. Ushinsky», Southwest University of the People's Republic of China, The Center for Russian-Speaking Countries Studies (CRCS) in SWU at the Ministry of Education of the People's Republic of China.

World of the Russian-speaking countries = 俄语国家评论 = World of Russian-speaking countries : scientific journal. – Yaroslavl : YSPU RIO, 2020. – №. 1 (3). – 119 pages. – ISSN 2658-7866. – DOI 10.20323/2658-7866-2020-1-3
2020, № 1 (3). – 500 pieces.

EDITORIAL BOARD

Xie Zhou, Doctor of Philology, Professor, Dean of the Faculty of the Russian Language of Southwest University of the People's Republic of China, Director of the Center for studying of Russian-speaking countries of Southwest University at the Ministry of Education of the People's Republic of China, member of All-China committee on affairs of teaching Russian at the Ministry of Education of the People's Republic of China (managing director); **Boldyreva Elena Mikhailovna**, Doctor of Philological Sciences, Professor of the Department of the Russian literature of Yaroslavl state pedagogical university named after K.D. Ushinsky, Professor of the Institute of foreign languages of Southwest University of the People's Republic of China (editor-in-chief); **Liu Wenfei**, Doctor of Philology, Professor, Chairman of the Chinese Association on Research of the Russian literature, leading researcher of Beijing center for studying of the countries and regions of the Slavic people; **Zheng Tiwu**, Doctor of Philology, Professor, Director of the Institute of Literature of Shanghai University of Foreign Languages, Vice President MAPRYAL; **Xu Pauline**, Doctor of Economics, Professor, Head of the Department of the Russian economy of the Institute on research of Russia, Eastern Europe and Central Asia of the Chinese Academy of Social Sciences (CASS); **Xing Guangcheng**, Doctor of Jurisprudence, Professor, academician of CASS, Director of the Institute of study of local lore of CASS; **Pang Dapeng**, Doctor of jurisprudence, Professor, Head of the Department of the Russian Policy of the Institute on research of Russia, Eastern Europe and Central Asia of CASS; **Dai Guiju**, Doctor of History, Professor, Deputy Director of the Institute of the Russian language of Beijing University of Foreign Languages (BUFL), Director of the Center of the Russian Language of BUFL, Vice-Chairman of the Chinese Association on Study of History of the Soviet Union and Eastern Europe; **Cheng Ijun**, Doctor of Philology, Professor, leading researcher of the Department of the Russian Economy of the Institute on research of Russia, Eastern Europe and Central Asia of CASS; **Xue Fuqi**, Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of Strategic Researches of the Institute on research of Russia, Eastern Europe and Central Asia of CASS; **Li Xiaotao**, Doctor of Philology, Professor of the Faculty of the Russian Language of Southwest University of the People's Republic of China, leading researcher of the Center for Study of the Russian-speaking countries of Southwest University at the Ministry of Education of the People's Republic of China; **Kondakov Igor Vadimovich**, Doctor of Philosophical Sciences, Professor of the Department of History and Theory of Culture of the Faculty of Art History of FSBEI HE «Russian State Humanitarian University»; **Zaks Lev Abramovich**, Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Rector of the Humanitarian University, Yekaterinburg; **Razlogov Kirill Emilievich**, Doctor of Art Criticism, Honored worker of arts of the Russian Federation, Professor of Gerasimov Institute of Cinematography; **Shapinskaya Ekaterina Nikolaevna**, Doctor of Philosophical Sciences, Professor, leading researcher of FS RI «The Russian Institute for Cultural Research»; **Blishch Nataliya Leonidovna**, Doctor of Philological Sciences, Professor of the Department of the Russian literature of the Belarusian State University; **Vlasova Galina Ivanovna**, Doctor of Philological Sciences, Professor, Head of the Department of Philology of the Kazakhstan Office of Lomonosov Moscow State University; **Zlotnikova Tatiyana Semenovna**, Doctor of Art Criticism, Honored worker of Science of the Russian Federation, Professor of the Department of Culturology of Yaroslavl State Pedagogical University named after K. D. Ushinsky; **Novikov Mikhail Vasilievich**, Doctor of Historical Sciences, Honored worker of Science of the Russian Federation, Head of the Department of the Theory and Methods of Professional Education of Yaroslavl State Pedagogical University named after K.D. Ushinsky; **Khodnev Aleksandr Sergeevich**, Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of the Department of General History of Yaroslavl State Pedagogical University named after K. D. Ushinsky; **Kuchina Tatiyana Gennadievna**, Doctor of Philological Sciences, Professor of Department of the Russian Literature of Yaroslavl State Pedagogical University named after K. D. Ushinsky; **Ukhova Larisa Vladimirovna**, Doctor of Philological Sciences, Professor of the Theory of Communication and Advertizing of Yaroslavl State Pedagogical University named after K. D. Ushinsky; **Koryakovtseva Olga Alekseevna**, Doctor of Political Sciences, Dean of the Faculty of Additional Professional Education, Professor of the Department of Social Pedagogics and Organization of Work with the Youth of Yaroslavl State Pedagogical University named after K. D. Ushinsky; **Kalsin Andrey Evgenievich**, Doctor of Economical Sciences, Professor of the Department of the Economic Theory and Management of Yaroslavl State Pedagogical University named after K. D. Ushinsky.

The materials published in the journal are reviewed by members of the editorial board.

Address of the editorial office: 150000, Yaroslavl, Respublikanskaya St., 108/1. Ph.: (4852) 72-64-05, 32-98-69 (publishing house)

Internet addresses: <http://yspu.org/>; <http://mir.yspu.org/>

Certificate of mass media registration:

Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media (Roskomnadzor): PI No. FS 77-75509 dated from April 12, 2019.

© FSBEI HE «Yaroslavl state pedagogical university named after

K. D. Ushinsky», 2020

© Southwest University of the People's Republic of China, 2020

© Authors of articles, 2020

Мир русскоговорящих стран

СОДЕРЖАНИЕ

ПОЛИТОЛОГИЯ

Цзян И Китайско-российское сотрудничество в пограничных портах5

Эпштейн В. А., Вильчинский А. С. Проблемные узлы интеграционного взаимодействия России и Белоруссии22

Зайцев А. В. Гражданское общество и делиберативная демократия в Китае.....35

ФИЛОЛОГИЯ

Ли Сютао, Никкарева Е. В. «Вот когда я взрослым стану...»: эволюция ментальной модели будущего в поэзии для детей47

Шаравьёва И. В. Выявление типа семантического примитива в языке с идеографическим типом письменности.....58

Кучина Т. Г. Поэтика интертекстуальности в лирике Ербола Жумагулова69

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

Се Чжоу, Сосновцева С. А. Два топоса в житнетворческой судьбе Игоря Северянина77

Летина Н. Н. Формы мистического сектантства в художественной рефлексии А. Блока (поэма «Возмездие»).....87

Гавриков В. А. Песни Высоцкого о Великой Отечественной войне в контексте советской кинематографической историографии101

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ113

Условия публикации статьи в научном журнале «Мир русскоговорящих стран» и требования к оформлению рукописей .117

THE CONTENT

POLITICAL SCIENCE

Jiang Yi Chinese-Russian cooperation in border ports.....6

Epshteyn V. A., Vilchinskii A. S. Major sticking points on the way of integration between Russia and Belarus22

Zaitsev A. V. Civil society and deliberative democracy in China35

PHILOLOGY

Li Xiaotao, Nikkareva E. V. "When I become a grown-up...": the evolution of a mental model of the future in children's poetry.....47

Sharavjova I. V. The identifying of a type of semantic primitive in a language with an ideographic type of writing59

Kuchina T. G. Poetics of intertextuality in Erbol Zhumagulov's lyrics69

CULTURAL SCIENCE

Xie Zhou, Sosnovtseva S. A. Two toposes in Igor Severjanin's life-destiny77

Letina N. N. The forms of mystical sectarianism in artistic reflection of A. Block (poem "Retribution" or "Vozmezdie").....88

Gavrikov V. A. Vysotsky's songs about the Great Patriotic War in the context of Soviet cinematic historiography101

INFORMATION ABOUT AUTHORS115

Conditions of publication of the article in the scientific journal «World of Russian-speaking countries» and requirements for manuscripts119

Цзян И

УДК 327

<https://orcid.org/0000-0001-8297-3786>

Китайско-российское сотрудничество в пограничных портах

Для цитирования: Цзян И Китайско-российское сотрудничество в пограничных портах // Мир русскоговорящих стран. 2020. № 1 (3). С. 5-21. DOI 10.20323/2658-7866-2020-1-3-5-21

В статье рассматривается ситуация с китайско-российским сотрудничеством в пограничных портовых зонах, отмечается, что благодаря совместным усилиям обеих сторон китайско-российская граница, которая когда-то была символом противостояния государств и демонстрацией постоянной готовности к военным действиям, стала важным мостом для дружественных обменов и тесного сотрудничества между двумя странами. Рассматривается функционирование пограничных портов как главных инструментов для международного сотрудничества. В статье определяются характеристики экономики китайско-российской пограничной портовой зоны: приоритеты импорта и экспорта, статус портов как транзитных станций и логистических перевалочных узлов, привлечение иностранных работников из Китая как эффективное дополнение к рабочей силе на российском Дальнем Востоке, совместное создание ферм, лесоперерабатывающих предприятий и других отраслей промышленности на Дальнем Востоке России, появление трансграничной электронной торговли, строительство крупных объектов инфраструктуры, связывающей Китай и Россию. В статье констатируется неравномерность развития китайских портов, приводится классификация портов с учетом специфики их роли в торгово-экономическом сотрудничестве Китая и России, дается подробная характеристика основных пограничных портов, анализируются проблемы, препятствующие развитию портовой экономики, предлагаются рекомендации по оптимизации механизма сотрудничества портов между двумя странами, намечаются аспекты развития международного сотрудничества в области строительства объектов инфраструктуры, охраны окружающей среды, расширения инвестиционного сотрудничества, сотрудничества в области сельского хозяйства, разработки трансграничных туристических ресурсов и развития приграничного туризма.

Ключевые слова: китайско-российские отношения, пограничные порты, торгово-экономическое сотрудничество, экономика порта, китайско-российская граница, экспорт, импорт, инфраструктура, инвестиции, пассажирские и грузовые перевозки.

Jiang Yi

Chinese-Russian cooperation in border ports

The article deals with the situation concerning Chinese-Russian cooperation in border ports and underlines the idea that due to mutual efforts from both sides, Chinese-Russian border which used to be the symbol of confrontation between the states and demonstration of permanent readiness to war actions, have become an important bridge for friendly exchanges and cooperation between two countries. Border ports are seen as the main tool for international cooperation. The article highlights the core ideas of Chinese-Russian border ports zone economy: import and export priorities, the status of ports as transitional stations and logistic points, employment of foreign workers from China as an effective addition to the main labour force on the Russian Far East, co-farming, timber processing enterprises and other industries on the Russian Far East, appearance of transborder electronic trade, construction of large infrastructure objects which connect China and Russia. The article goes on saying about the irregularity of Chinese ports development, the classification of ports taking into consideration their role in trade-economic cooperation between China and Russia. Then the article gives a detailed description of the main border ports, analyses problems, preventing the development of port economy, gives recommendations on the optimisation of the mechanism of cooperation between two countries, provides the aspects of development of international cooperation, in construction sphere, expanding of investment cooperation, agriculture cooperation, working out transborder tourist resources and development of border tourism.

Keywords: Chinese-Russian relationships, border ports, trade-economic cooperation, port economy, Chinese-Russian border, export, import, infrastructure, investments, passenger and freight transportation.

В XXI веке отношения между Китаем и Россией полностью раскрыли свой потенциал, страны достигли больших результатов во взаимовыгодном сотрудничестве в различных областях. В связи с изменениями в международной обстановке и новым этапом экономического и социального развития взаимодействия между Китаем и Россией направление стратегического партнерства между этими странами стало более четким и целенаправленным, и одним из клю-

чевых направлений стало развитие двустороннего взаимовыгодного сотрудничества, основанного на объединении сотрудничества двух стран с учетом их внутреннего развития, объединении сотрудничества в области международной политики с расширением пространства для экономического развития Китая и России.

Благодаря совместным усилиям обеих сторон китайско-российская граница, которая когда-то была символом противостояния госу-

дарств и демонстрацией постоянной готовности к военным действиям, стала важным мостом для дружественных обменов и тесного сотрудничества между двумя странами. Среди них 20 портов, открытых в трех провинциях (регионах): Хэйлуцзян [黑龙江省商务运行年度分析报告”, 黑龙江省商务厅], Внутренняя Монголия и Цзилинь, которые стали главными «окнами» для практического сотрудничества. Эти порты сыграли важную роль в содействии местному экономическому развитию, укреплению китайско-российских торгово-экономических отношений и содействии развитию сотрудничества между Северо-

Восточным Китаем и Дальним Востоком России. В то же время экономические и торговые обмены и обмены кадрами между двумя сторонами также укрепили взаимопонимание и доверие между двумя странами, обеспечили социальный мир в приграничных районах и укрепили стратегическое партнерское сотрудничество между Китаем и Россией.

Граница между Китаем и Россией составляет более 4 300 км. В настоящее время насчитывается 20 пограничных портов, которые сформировались как особые структуры с разными условиями развития (см. Табл. 1).

Таблица 1.

Перечень китайско-российских пограничных портов [5]

Название порта	Статус порта	Тип порта	Состояние импорта и экспорта (2015 г., 100 млн \$ США)	Российские порты-партнеры	Примечания
Маньчжурия	Открытый	Пассажирские и грузовые перевозки, общественный транспорт, железнодорожные перевозки, функционирует постоянно	27,74	Байкальск, Чита, Иркутск (авиация)	
Суйфэньхэ	Открытый	Пассажирские и грузовые перевозки, общественный	16,6	Гродеково (железная дорога), Пограничный	

Мир русскоговорящих стран

Название порта	Статус порта	Тип порта	Состояние импорта и экспорта (2015 г., 100 млн \$ США)	Российские порты-партнеры	Примечания
		транспорт, железнодорожные перевозки, функционирует постоянно		(шоссе)	
Хэйхэ	Открытый	Пассажирские и грузовые перевозки, водный транспорт, работа в течение 10 месяцев	6,6	Благовещенск	Строящийся мост через реку Китай-Россия. Открытие газотранспортных трубопроводов
Донгнинг	Открытый	Пассажирские и грузовые, автомобильные перевозки, функционирует постоянно	6,8	Полтавка	
Хуньчунь	Открытый	Пассажирские и грузовые перевозки, государственные, железнодорожные перевозки, функционирует постоянно	3,65 (2014 год)	Краскино	
Мохэ	Открытый	Пассажирские перевозки, водный транспорт	5,2	Джалинда	Открытие нефтепроводов
Тунцзян	Открытый	Пассажирские перевозки, водный транспорт, в течение	2,6	Нижнеленинское	Строится мост Китай-Россия через реку

俄语国家评论

Название порта	Статус порта	Тип порта	Состояние импорта и экспорта (2015 г., 100 млн \$ США)	Российские порты-партнеры	Примечания
		10 месяцев			
Фуюань	Открытый	Пассажирские перевозки, водный транспорт, в течение 10 месяцев	1,8	Хабаровск	
Мишан	Открытый	Пассажирские и автомобильные перевозки, функционирует постоянно	1,27	Турий Рог	
Рао Хе	Открытый	Пассажирские перевозки, водный транспорт, работа в течение 10 месяцев	1,1	Покровка	
Халин	Открытый	Пассажирские и автомобильные перевозки, функционирует постоянно	0,83	Марково	
Ло Бэй	Открытый	Пассажирские перевозки, водный транспорт, работа в течение 10 месяцев	0,66	Амурзет	
Хэйшаньтоу	Открытый	Грузовые перевозки, автомобильные дороги, функционирует постоянно	1,1	Староцурухайтуй	

Мир русскоговорящих стран

Название порта	Статус порта	Тип порта	Состояние импорта и экспорта (2015 г., 100 млн \$ США)	Российские порты-партнеры	Примечания
Шивей	Открытый	Грузовые перевозки, автомобильные дороги, функционирует постоянно		Олочи	
Сюнькэ	Временно закрыт	Пассажирские перевозки, водный транспорт	0,15	Поярково	
Цзянь	Временно закрыт	Пассажирские перевозки, водный транспорт	0,0684	Басково	1 июня 2012 года российский порт закрыт
Хума	Закрыт	Пассажирские перевозки, водный транспорт		Ушаково	В России не открыт
Сунь У	Закрыт	Грузовые перевозки, водный транспорт	0,056	Константиновка	В России не открыт

Изменение экономического развития и внутренних потребностей двух стран, изменение экономического положения Китая и России, особенно на Дальнем Востоке России (распределение рабочей силы, производственных материалов и природных ресурсов), а также экономическое развитие приграничных районов России и Китая определили следующие характеристики экономики китайско-российской пограничной портовой зоны

[参考资料：“中国口岸年鉴 2017”，中国海关出版社2017年].

Импорт товаров из России – это в основном энергия и ресурсы. Россия является одной из стран с самыми богатыми природными ресурсами в мире, а Китай является страной с самым быстрым экономическим развитием, с огромным спросом на энергию и ресурсы. Эта ситуация приводит к тому, что Китай и Россия имеют оптимальную взаимодополняемость с точки зрения экономики

и ресурсов, поэтому в определенный период времени в торговле между двумя странами должна преобладать энергоресурсы и природные ресурсы. За исключением нефти и природного газа, основными товарами, импортируемыми из России Китаем, являются древесина, уголь, металлы, различные минеральные продукты и сырье.

Экспорт в Россию в основном включает все виды электрических и механических изделий, одежду, обувь и головные уборы, сельскохозяйственные электроприборы и декоративные материалы. Легкая промышленность всегда была недостатком российской экономики, кроме того, из-за климатических условий в течение длительного времени не хватало фруктов и овощей, необходимых для жизни людей в Сибири и на Дальнем Востоке. Ценовое преимущество и удобная транспортировка китайских товаров способствовали тому, что товары легкой промышленности, а также фрукты и овощи стали ведущими товарами в пограничных портах России. Однако из-за недостаточной вычислительной мощности и суровых погодных условий большая часть легкой промышленной продукции, экспортируемой через порты, поставляется с материка, а не производится на месте, а некоторые фрукты и овощи также производятся на материке. Это также показывает, что большинство портов по-прежнему служат транзитными коридорами для товаров

из материкового Китая, поступающих в Россию, и в значительной степени играют роль транзитных станций и логистических перевалочных узлов. Экспорт продукции еще не привел к корректировке и развитию местной промышленной структуры в порту, и роль портовой экономики в стимулировании местной экономики еще нуждается в дальнейшем улучшении.

Экспорт услуг по трудоустройству в Россию стал основной формой китайско-российского сотрудничества по трудоустройству. Российская Сибирь и Дальний Восток – обширные и малонаселенные зоны. Существует большое количество свободных и заброшенных земельных участков и лесных заповедов. Эти земли богаты минеральными ресурсами, но испытывают серьезный недостаток в рабочей силе. Соответствующая разработка и продажа энергоносителей и продуктов из природных ресурсов помогают России развивать местную экономику, а привлечение иностранных работников является эффективным дополнением к рабочей силе на российском Дальнем Востоке. В то же время финансируемые из Китая компании более охотно используют китайский труд, что не только удовлетворяет кадровые потребности компаний и предприятий, но и частично снимает проблему напряженности в некоторых регионах страны и увеличивает доходы жителей.

Сотрудничество, внедрение новых проектов и совместное развитие стали важной инициативой для углубленного развития китайско-российских пограничных портов. В последние годы приграничные районы Китая использовали геологические преимущества для совместного создания ферм, лесоперерабатывающих предприятий и других отраслей промышленности на Дальнем Востоке России, что обеспечило хорошую экономическую выгоду и способствовало сотрудничеству между научно-техническим персоналом двух стран, а также улучшило посевы сельскохозяйственных культур. При этом активизировалось взаимодействие с местными властями и населением России. Большинство приграничных районов сотрудничают с Россией в строительстве парков, сельском хозяйстве, туризме.

Появилась трансграничная электронная торговля. С быстрым развитием электронной коммерции и в силу географической близости стоимость логистики становится относительно низкой. В последние годы значительно увеличилось количество онлайн-покупок, совершаемых проживающими в приграничных районах россиянами на китайских торговых сайтах. Кроме того, многие китайские интернет-магазины появились и на китайской стороне. Перспектива трансграничного развития электронной торговли широка. Многие портовые, уездные и городские департаменты планиро-

вания заявили, что они будут рассматривать трансграничную электронную торговлю как новую возможность, новую область и новую платформу с большим потенциалом для развития деятельности порта и развития местной экономики.

Началось крупное строительство инфраструктуры, связывающей Китай и Россию. С опозданием российская сторона наконец начала строительство пограничного железнодорожного моста Тунцзян. После более чем 20 лет напряженной работы также было завершено строительство автодорожного моста, соединяющего Хэйхэ и Благовещенск. Некоторые другие проекты Китайско-Российского трансграничного коридора также находятся на этапе консультаций и предварительного обоснования. В целях обеспечения опережающего развития Дальнего Востока Китай и Россия изучают возможности сотрудничества в строительстве автомагистралей «Бинхай № 1» и «Бинхай № 2», а также в реконструкции и расширении другой транспортной инфраструктуры на Дальнем Востоке.

В настоящее время ситуация с развитием китайских портов очень неравномерная. Одни порты добились значительных успехов в китайско-российской приграничной торговле, масштабы которой постоянно расширяются. Они значительно опережают другие порты по объему грузовых и пассажирских перевозок. Экономика порта в зна-

чительной степени способствует развитию экономики региона. Тенденция развития других портов относительно медленная, а масштабы операций относительно невелики. Они не очень значимы в приграничной торговле между Китаем и Россией, в масштабах портовой экономики и в продвижении других местных экономических зон, хотя эти порты все же имеют определенные перспективы развития. Порты третьего типа, не обеспечивающие развитие китайско-российского экономического сотрудничества, постепенно закрываются.

Многие факторы приводят к дисбалансу в развитии этих пограничных портов, но географическое положение и состояние инфраструктуры портов являются наиболее важными факторами. Граница между Китаем и Россией на востоке в основном ограничена реками, в то время как на границе между Китаем и Россией существует очень мало мостов. В связи с особыми климатическими условиями Северо-Востока многие порты могут открываться только сезонно, что в определенной степени сказывается на пропускной способности порта.

Преимущество местоположения является ключевым фактором для выживания и развития пограничных переходов. Сравнивая основные условия различных портов, можно также заметить, что крупные и хорошо управляемые порты, такие как порты Маньчжурия, Хэйхэ

и Суйфэньхэ, имеют общую особенность: выгодное географическое расположение, которое обеспечивает два важных условия, поддерживающие экономическое развитие порта: удобные перевозки и определенное количество людей (включая условия движения и численность населения соответствующего порта в России). Удобная транспортная развязка является важным условием, на которое опирается экономическая и торговая логистика, а определенное количество людей является необходимым условием для формирования и развития приграничной торговли с определенной исторической эволюцией, определенным размером рынка и стимулированием развития смежных отраслей производства. Например, порт Маньчжурия, крупнейший в настоящее время российско-российский сухопутный порт, имеет вековую историю развития, а железнодорожный порт был открыт в 1901 году. Это крупнейший из всех железнодорожных портов в Китае, имеющий наибольшую пропускную способность в год. Согласно верхней части списка, порт Сино-Сюн отвечает за более чем 65 % задач сухопутного транспорта в российско-китайской торговле. В 2009 и 2012 гг. Маньчжурия последовательно открывала воздушные порты и электронные порты с более широкой радиационной зоной и более высокой степенью модернизации. Достижения порта Маньчжурия, несомненно,

связаны с его географическим преимуществом. Маньчжурия граничит с Монголией и Россией и находится в 9 км от соответствующего российского постбайкальского порта. Маньчжурия имеет хорошо развитую инфраструктуру автомобильных, железнодорожных и воздушных перевозок с населением более 200 000 человек. Хотя российский аналог Байкальска имеет меньшую численность населения, движение хорошо развито. Железная дорога связана с Транссибирской магистралью. Люди из российских городов могут ездить в Маньчжурию для торговли, покупок, отдыха и развлечений. Экономическому и торговому развитию также в значительной степени способствовало развитие туризма и сферы услуг в Маньчжурии, что обеспечило модернизацию всей экономики Маньчжурии. Удобная транспортировка также привлекла отечественную продукцию из более чем 20 провинций и городов в Россию и Европу через порт Маньчжурия, а также зоны свободной торговли и приграничные торговые зоны.

Процветание порта Хэйхэ также обусловлено его географическим преимуществом. Город Хэйхэ в настоящее время является единственным китайским городом на уровне префектуры на китайско-российской границе с населением около 1,73 млн. Он отделен от российского города Благовещенск рекой, а наименьшее расстояние между ними составляет всего 750 м.

Благовещенск является столицей Амурской области и третьим по величине городом на Дальнем Востоке России, с удобным транспортом и населением более 200 000 человек. Удобная транспортная развязка и оптимальная численность населения обеспечивают беспрепятственное экономическое и торговое сотрудничество между портом Хэйхэ и Россией: строительство пограничной зоны свободной торговли, зоны экономического сотрудничества, межгородской торговой зоны, энергетического сотрудничества и сотрудничества в сфере туризма. Отдых, досуг и шопинг способствуют развитию индустрии общественного питания, гостиничного бизнеса, торговли и сферы услуг Хэйхэ, кроме того, в последнее время возросло число россиян, покупающих недвижимость в Хэйхэ. Обмены между городом Хэйхэ и Россией в области гуманитарных и технических наук также стали более частыми благодаря портовой экономике. Портовая экономика стала важным звеном в экономическом и социальном развитии города Хэйхэ, который эффективно способствовал местному экономическому процветанию и развитию и внес выдающийся вклад в развитие международных связей провинции Хэйхэ и провинции Хэйлунцзян. Благодаря преимуществам «одного города двух стран» порт Хэйхэ стал многофункциональным портом с самым близким расстоянием к китайско-российской границе и самой

большой пропускной способностью пассажиров.

Другой пример – порт Суйфэньхэ. Город Суйфэньхэ находится в 26 км от соответствующего железнодорожного порта в России (станции Гродеково) и является сухопутной границей с Россией. В России есть железные дороги и автомагистрали, соединенные с железными дорогами и автомагистралями, что заложило прочную основу для быстрого развития порта Суйфэньхэ. Железнодорожный порт Суйфэньхэ – это пассажирский и грузовой транспортный пункт. С открытием Китайско-европейского международного контейнерного транспортного коридора экспортные товары из южного Китая могут напрямую транспортироваться на российский Дальний Восток, в Азиатско-Тихоокеанский регион и Европу. Быстрыми темпами увеличивался грузопоток, удобное транспортное сообщение способствовало строительству и эксплуатации комплексных таможенных зон, приграничных зон экономического сотрудничества, различных промышленных и оффшорных зон. Процветание порта напрямую повлияло на местное экономическое и социальное развитие: в город Суйфэньхэ ежегодно приезжает около 1 млн туристов, а оборот превышает 10 млрд юаней.

Однако другие более мелкие порты в основном не имеют подобных преимуществ географического расположения и удобной транспор-

тировки, поэтому им трудно обеспечить недорогую логистику, способную сформировать пограничную торговую зону. Такие порты развиваются относительно медленно и явно проигрывают более крупным портам в масштабах строительства, пассажиропотоке и объеме грузов. Несмотря на это, эти порты активно ищут лучшие перспективы, стремятся создавать свои собственные модели развития и функционирования с учетом своих собственных характеристик. Например, порт Фуюань экспортирует одежду, обувь и головные уборы, товары легкой промышленности, бытовую технику, строительные материалы, сельскохозяйственную технику, зерно, овощи и фрукты в соответствии с потребностями близлежащего к нему порта в Хабаровске с большим населением и большими размерами города.

Приграничные порты сильно зависят от соседних стран. Односторонние усилия и энтузиазм сотрудников не могут улучшить работу порта, которая должна быть результатом активного взаимодействия между двумя сторонами, способствующего оптимальной работе китайско-российского пограничного порта. Хотя между Китаем и Россией существуют хорошие политические отношения и постоянное стремление развивать двусторонний экономический обмен, достижение базового консенсуса иногда затрудняется по разным причинам, что отражается на экономике

порта. Различия в строительстве инфраструктуры между китайскими и российскими пограничными портами очень очевидны. Китайский порт, таможенное здание и совместные инспекционные объекты – это все современные здания, построенные в последнее десятилетие, тогда как российские объекты были построены несколько десятилетий назад. Это в полной мере свидетельствует о том, что китайская портовая инфраструктура является высокоразвитой, хорошо финансируемой, с высокими темпами строительства, в то время как российская портовая инфраструктура страдает от недостаточного финансирования и развивается значительно медленнее. В результате во многих портах возникают проблемы функционирования пассажирского и грузового транзита.

Способность удовлетворить реальные потребности населения является одним из оснований для развития и строительства портов в России. Россия, как правило, оказывает более широкую поддержку портам, которые могут удовлетворять свои реальные потребности и решать свои практические проблемы, отдавая предпочтение вопросам политического характера. Например, порты Маньчжурия – Байкальск – Никольский в качестве Первого Евро-Азиатского канала в значительной степени отвечает экономическим и торговым потребностям Дальнего Востока России, обеспечивая достаточную экономи-

ческую выгоду, несмотря на ограниченные финансовые ресурсы. В других небольших портах деятельность российской стороны явно недостаточна, что связано с тем, что реальные потребности российской стороны в этих пунктах не являются неотложными. Некоторые пограничные пункты являются лишь удаленными районами и деревнями, некоторые из них постоянно сокращаются, даже менее чем на тысячу человек, а транспортная инфраструктура разрушена и недостаточно привлекательна для предприятий. В этих условиях российская сторона не испытывает острой потребности в открытии портов. До сих пор не открыты порт Хума, Сунь Ву, приостановлена работа портов Мохэ, временно закрыты порты Сюнькэ и Цзяинь.

Несмотря на то, что Россия придает большое значение внедрению иностранного капитала, был принят ряд инициатив, ограничивающих ведение торговой деятельности инвесторами из других стран. Согласно российскому законодательству об иностранных инвестициях, инвесторы из других стран должны принимать участие в торговой деятельности в России, не вторгаясь в приоритетные отрасли российской торговли, что регулируется соответствующими положениями, предложенными органами Росреестра. Чтобы ограничить объемы импорта и повысить уровень внутреннего спроса на отечественную продукцию, Россия предложила более вы-

сокие стандарты качества и технические стандарты на китайский импорт, в том числе на продукты питания, одежду и т. д., а также увеличила число проектов по тестированию качества, которых раньше не было, что значительно усложнило ввоз китайских товаров в Россию. Чтобы обеспечить упорядоченное развитие национальной промышленности, Россия усилила регулирование тарифов на импорт китайской продукции, особенно в отношении товаров с большим объемом китайского экспорта, таких как автомобили и изделия из пластика. Из-за этих торговых барьеров Китай испытывает серьезные трудности в развитии экспорта своей продукции в Россию, и неравенство в торговле между Китаем и Россией становится все более заметным [中国商务部国别报告]. Некоторые отрасли естественных монополий в России ограничивают доступ иностранного капитала, до сих пор не открыли рынок железнодорожных пассажирских и грузовых перевозок, иностранным государствам не разрешают создавать совместные предприятия, предоставлять услуги по погрузке и разгрузке грузов, организации контейнерных складов и таможенных служб, зарубежным компаниям, специализирующимся в области железнодорожного транспорта и оборудования, не позволяют осуществлять ремонт и техническое обслуживание. До сих пор не реализована возможность для иностранных инвестиций в области строи-

тельства и эксплуатации нефти и газопроводов, и электросетей.

Сотрудничество в сфере трудовых отношений всегда было важным содержанием сотрудничества в приграничных районах. Так как китайские предприятия инвестировали в Россию для строительства заводов, парков и инфраструктуры, спрос на китайских рабочих также возрос. Существует множество процедур подачи заявлений на российские трудовые квоты, которые не только требуют консульской сертификации, но также требуют одобрения российских органов местного и федерального правительства. Процедуры очень сложны. Кроме того, российская виза для российских рабочих, как правило, действительна в течение одного года. Иностранцы рабочие, имеющие российские визы, не могут работать через префектуры и районы, что также создает неудобства для иностранных менеджеров китайских инвестиционных предприятий, что сказывается на работе китайских инвестиционных предприятий в России. Российская сторона также жестко относится к выдаче рабочих виз для китайского персонала. Многие китайские компании испытывают трудности при работе в российских компаниях, а некоторые даже были вынуждены приостанавливать свою деятельность и закрываться.

Бизнес-среда также является давней проблемой в России и за рубежом. Несмотря на улучшение

положения после вступления во Всемирную торговую организацию и активизацию усилий правительства России по борьбе с коррупцией, все еще сохраняются проблемы, связанные с произволом правоохранительных органов, злоупотреблением властью и коррупцией. Эти проблемы, безусловно, влияют на сотрудничество Китая и России в приграничных районах и приводят к тому, что китайские компании уменьшают количество российских инвестиций и предпочитают действовать в краткосрочной перспективе, ставя под угрозу работу долгосрочную перспективу сотрудничества, предполагающую большее взаимное доверие между странами.

Разумеется, разговор о сотрудничестве в соседних регионах двух стран должен затрагивать еще один ключевой вопрос. В последние годы российское правительство выработало серию политических и экономических стратегий, способствующих ускоренному развитию Дальнего Востока. Однако здесь возникает важный вопрос: что именно для России связано с развитием и безопасностью Дальнего Востока? Очевидно, что, если мы будем уделять слишком много внимания безопасности и предотвращать «проникновение» и «вторжение» иностранных сил, многие нормативные акты, а также административные и социальные установки неизбежно будут обречены на «замкнутость» и ориентированы на предотвращение иностранных

инвестиций и жесткий контроль за иностранными товарами. Если же основное внимание уделять именно развитию, то вышеупомянутые факторы будут более открытыми, более гибкими и более ориентированными на стимулирование интенсивного взаимного сотрудничества. Следует отметить, что многие страны Азиатско-Тихоокеанского региона, в том числе Китай, больше обсуждают проекты развития Дальнего Востока России, чем действуют в этом направлении, и поэтому не могут адекватно оценить, как Россия относится к проблеме соотношения безопасности и развития. Обеспокоенность России проблемой развития Дальнего Востока понятна, но скорейшего разрешения требует вопрос о том, как найти баланс между безопасностью и развитием и как сделать сотрудничество двух государств плодотворным и ориентированным на передовые стратегии развития.

Китай и Россия имеют самую длинную границу в мире, что обеспечивает естественные превосходные условия для обмена и сотрудничества между двумя странами. В новых условиях мировой экономики и экономического развития двух стран необходимо использовать этот потенциал сотрудничества в пограничных портах. Портовая экономика – это межотраслевая, межрегиональная и многоуровневая комплексная экономическая система, сформированная путем поддержки импортной и экспортной

торговли и обмена персоналом в порту, сбора средств, товаров, рабочей силы, информации и технологий. Использование открытых портов для расширения и укрепления китайско-российской пограничной портовой экономики не только способствует стратегической модернизации экономического сотрудничества между двумя странами, но и напрямую способствует прогрессу соседних регионов двух стран. Китай и Россия достигли консенсуса в отношении интеграции процессов в рамках Евразийского экономического союза (ЕАЭС) и китайской инициативы «Один пояс – один путь», но эти и другие важные стратегические связи, такие как строительство экономического коридора Китай-Россия-Монголия, могут быть реализованы только через сотрудничество в соседних регионах или опираться на него, и в рамках этого сотрудничества статус приграничных портов будет еще более укреплен. В портовую экономику вовлечены две страны: для открытия порта и его нормальной работы, а также для достижения результатов в реализации крупных проектов в приграничных районах необходимо усилить политическую коммуникацию и взаимное сотрудничество. Поэтому правительствам Китая и России очень важно укреплять координацию и сотрудничество в области политики, права и строительства инфраструктуры.

Китай и Россия все еще находятся в процессе изучения и совершенствования построения рыночной экономики, однако по-прежнему существуют некоторые проблемы. Соглашение о поощрении и взаимной защите инвестиций, вступившее в силу в 2009 году, предоставляет основные юридические гарантии для развития торгово-экономического сотрудничества между двумя странами. Тем не менее, по мере увеличения размера взаимных инвестиций следует доработать правовые положения о защите инвестиций, с тем чтобы еще больше снизить опасения инвесторов по поводу рисков (например, правовая защита при строительстве офшорных зон, правовая защита инвестиций в ключевые области).

В настоящее время механизм сотрудничества портов между двумя странами в основном находится в ведении рабочей группы порта, которая регулярно встречается с премьер-министром в рамках Подкомитета по транспортному сотрудничеству Комитета. С точки зрения укрепления сотрудничества в различных областях портовой зоны и совместного создания взаимоприемлемых и дополняющих друг друга правил работы порта, строительства портовой инфраструктуры и портовых экономических зон сотрудничество портов выходит далеко за рамки транспортного сотрудничества. Таким образом, механизм сотрудничества с портами должен быть улучшен, с тем чтобы он стал

прямым подкомитетом Совета по сотрудничеству при премьер-министре.

Строительство инфраструктуры является не только прямой необходимостью в развитии портовых зон двух стран, но и важной областью будущего развития. Совершенствование инфраструктуры строительства мостов, железных дорог, автомагистралей, судоходства, электрических сетей, портов и других территорий в соседних регионах двух стран имеет решающее значение для развития промышленности и инвестиционного сотрудничества. Мы можем в полной мере использовать недавно созданный Инвестиционный фонд регионального сотрудничества для содействия развитию проектов в этой области и содействия стратегическому обмену между двумя странами.

Расширение инвестиционного сотрудничества также является важным аспектом сотрудничества в районе порта. Обе страны должны увеличить иностранные инвестиции, увеличить масштабы и уровень инвестиционного сотрудничества, а также содействовать инвестициям и сотрудничеству в области строительства, торговли и туризма, энергетики, лесного хозяйства, сельского хозяйства и логистики. Китайско-российское сотрудничество в области сельского хозяйства началось ранее, но масштабы сотрудничества невелики, а уровень сотрудничества низок. Необходимо усилить акцент на

сельскохозяйственном сотрудничестве с Россией, обеспечивать стратегическую целостность и устойчивость сотрудничества в области сельского хозяйства между двумя странами. Обе страны должны совместно сформулировать долгосрочный межправительственный план сотрудничества, определить приоритеты и направление развития сотрудничества и сформировать механизмы, которые позволят координировать вопросы планирования проектов, финансовой помощи, сотрудничества в сфере труда, развития регионов, научно-технических обменов и т. д., а также координировать и решать проблемы, возникающие в рамках сотрудничества в области сельского хозяйства. Необходимо повысить уровень сотрудничества между двумя странами в области торговли сельскохозяйственной продукцией, развития сельского хозяйства за рубежом, сотрудничества в сфере сельскохозяйственного труда и обмена сельскохозяйственными технологиями, а также содействовать развитию сельского хозяйства между двумя странами в современной сельскохозяйственной отрасли.

Районы, в которых расположены пограничные порты двух стран, обладают богатыми туристическими ресурсами: правительствам и предприятиям двух стран следует координировать свои действия друг с другом и начинать с развития речных круизов, транснациональных круизных туров и самостоятельных

поездок портовых туристов. Новым направлением сотрудничества должны стать повышение уровня обслуживания, совместная разработка трансграничных туристических ресурсов и развитие приграничного туризма. Кроме того, мы должны создать эффективный механизм сотрудничества между Китаем и Россией в области охраны окружающей среды, усовершенствовать систему информирования о трансграничных экологических проблемах, сотрудничать в проведении консультаций по вопросам мониторинга качества воды и охраны трансграничных водных ресурсов. Особенно важным в этой связи является укрепление мер по охране окружающей среды пограничных рек и озер (озера Синкай, реки Усури), реализация соглашения об охране природы китайско-российского озера Синкай, содействие строительству трансграничных природных заповедников, создание трансграничных экологических коридоров и совместная защита диких животных и растений.

В связи со выходом китайско-российских отношений на новый

этап должны быть новые прорывы и достижения в укреплении строительства пограничных портов, повышении уровня экономического развития портов и расширении китайско-российского сотрудничества. Необходимо уделять больше внимания разработке концепций в области интеграции и планирования новых путей и направлений развития. Понимая свои сильные и слабые стороны, свои преимущества и недостатки, Китай и Россия должны объединить ресурсы, выделить ключевые моменты и начать интенсивное и профессиональное развитие сотрудничества. С помощью стратегического планирования, правильной политической стратегии можно в полной мере использовать сравнительные преимущества различных портов, формируя кластерные портовые группы различных размеров и с различными функциями для совместного расширения и укрепления комплексной портовой экономики в регионе, что будет способствовать комплексному развитию пограничных портов и прилегающих районов, а также формированию целостной портовой экономической системы.

Библиографический список

1. 参考资料: “中国口岸年鉴2017”。
2. 中国海关出版社2017年。
3. “黑龙江省商务运行年度报告”, 黑龙江省商务厅。
4. “中国商务部国别报告”[https://countryreport.mofcom.gov.cn/record/index110209.asp?p_coun= Russia](https://countryreport.mofcom.gov.cn/record/index110209.asp?p_coun=Russia).
5. 俄罗斯。“中俄边境口岸研究”, 姜毅等著, 中国社会科学出版社2018年。

В. А. Эпштейн
А. С. Вильчинский

УДК 327
<https://orcid.org/0000-0001-7308-3351>
<https://orcid.org/0000-0002-5627-5551>

**Проблемные узлы интеграционного взаимодействия
России и Белоруссии**

Для цитирования: Эпштейн В. А., Вильчинский А. С. Проблемные узлы интеграционного взаимодействия России и Белоруссии // Мир русскоговорящих стран. 2020. № 1 (3). С. 22-34. DOI 10.20323/2658-7866-2020-1-3-22-34

В статье исследуются основные противоречия, препятствующие углублению интеграционного взаимодействия России и Белоруссии. Авторы проводят ретроспективный анализ эволюции подходов Российской Федерации к целям и направлениям интеграционного сотрудничества с Республикой Беларусь на основе контент-анализа пяти Концепций внешней политики России. Характеризуются приоритеты кооперации стран как на двусторонней, так и на многосторонней основе в рамках международных организаций. Предпринята попытка анализа реализации положений Договора о Союзном Государстве, а также Программы действий по его реализации, затрагивающих измерение экономической интеграции и основных противоречий по данному вопросу. На основе ивент-анализа представлено изменение взглядов и оценок белорусской стороной перспектив интеграции с Россией в течение нескольких последних лет. Особое внимание уделено спору по вопросам цен на поставку российских энергоносителей в Белоруссию в 2020 г. В заключительной части исследования оцениваются перспективы будущего интеграционного взаимодействия двух стран, представлен вывод относительно наиболее подходящего формата развития двусторонней интеграции. Для проведения исследования использовались как российские, так и российско-белорусские стратегические документы, а также материалы ведущих научных и публицистических изданий.

Ключевые слова: Россия, Белоруссия, Союзное Государство, СНГ, ЕАЭС, Концепция внешней политики, интеграция, ЕС, АСЕАН.

V. A. Epshteyn, A. S. Vilchinskii

**Major sticking points on the way of integration between
Russia and Belarus**

The article deals with the analysis of the major contradictions that prevent the deepening of integration between Russia and Belarus. With the basis on five Concepts of the Russian foreign policy and their retrospective analysis the authors underscore the evolution of principles and approaches proposed by the Russian Federation to develop integration with the Republic of Belarus. The article distinguishes the priorities of

cooperation between the two countries on bilateral and multilateral basis as well as within the framework of international organizations. In addition, the authors make an attempt to analyse the Treaty on the Union State along with the Programme of actions for its implementation, notably the articles that cover the dimension of economic integration. The main contradictions in the economic direction are also thoroughly discussed. With the use of the event analysis method the changes in the rhetoric of the Belarusian side on the prospects for integration with Russia over the past few years are distinguished. Special attention is paid to the Russian-Belarusian oil and gas price conflict at the beginning of 2020. In the final part of the study, the prospects for future integration between the two states are evaluated. The authors make a conclusion with regard to the most appropriate format for deepening bilateral integration. To carry out the research both Russian and Russian-Belarusian strategic documents, as well as materials taken from major scientific and media publications were used.

Keywords: Russia, Belarus, the Union State, the CIS, the Eurasian economic Union, Foreign policy concept, integration, the EU, ASEAN.

Кооперация между Россией и Беларуссией в настоящее время осуществляется по целому спектру вопросов, представляющих взаимный интерес, что предопределило последовательное углубление межгосударственного взаимодействия и вынесло на повестку вопрос о дальнейшем развитии интеграции двух государств. Тем не менее, РФ и РБ не могут достичь единства позиций относительно будущего интеграционного формата.

Контент-анализ пяти Концепций внешней политики Российской Федерации позволяет проследить эволюцию подходов России к интеграционному взаимодействию с Республикой Беларусь и определить позиции по данному вопросу на разных этапах двухсторонних отношений с момента распада СССР.

Первое концептуальное оформление главных направлений внешней политики России произошло в 1993 г. в связи с публикацией «Ос-

новных положений концепции внешней политики Российской Федерации», которые были утверждены Б. Н. Ельциным [Основные положения ...]. Необходимо обратить внимание, что «Беларусь» в данном документе упоминалась четыре раза и исключительно при перечислении стран СНГ, что позволяет сделать вывод об отсутствии цели углубления отношений с Беларуссией в списке приоритетных задач внешней политики РФ в рассматриваемый временной период. В «Основных положениях» отмечается важность выработки «полномасштабных политических договоров» с РБ, в первую очередь, по вопросам в сфере безопасности, что соответствует задаче России по «достижению стабильности по периметру границ» и было реализовано в 1999 г. с созданием Союзного Государства (СГ) России и Беларуссии. В «Положениях» зафиксирована ориентация на поддержание

«добрых отношений» со странами Восточной Европы, среди которых Белоруссия не выделялась в качестве отдельного и приоритетного направления. Помимо этого, документ указывал на необходимость поддержания безъядерного статуса бывших стран-членов СССР, на территории которых располагалось ядерное оружие (Украина, Белоруссия, Казахстан) [Основные положения ...].

Концепция внешней политики Российской Федерации 2000 г. приобрела иной структурный вид – в ней появилось разделение на региональные и функциональные приоритеты внешней политики. Стоит отметить, что в этом документе Россия впервые заявила о принципе «разноскоростной и разноуровневой интеграции» с государствами СНГ, а «первостепенной задачей» на данном направлении было провозглашено «укрепление Союза Беларуси и России как высшей на данном этапе формы интеграции двух суверенных государств» [Концепция внешней политики ... , 2000].

Следующим документальным оформлением направлений внешней политики стала «Концепция внешней политики Российской Федерации» от 2008 г. [Концепция внешней политики ... , 2008], в которой отмечается «возросшая роль страны в международных делах». Россия более подробно формулирует свои задачи в отношениях с Белоруссией, которая в документе упоминается дважды. В «Концепции» впервые говорится о необхо-

димости укрепления взаимодействия как на двустороннем уровне, так и в рамках многостороннего формата – Евразийском экономическом сообществе (ЕврАзЭС). В документе обозначается важность продолжения реализации согласованной политики по формированию «условий для эффективного строительства Союзного государства через поэтапный перевод отношений между Россией и Белоруссией на рыночные принципы в процессе формирования единого экономического пространства». Необходимо обратить внимание на функциональное направление интеграционного процесса – РФ заявляет о стремлении создать общее экономическое пространство, в то время как упоминания о политической интеграции отсутствуют. Говоря о сотрудничестве в рамках международных форматов, необходимо отметить, что в «Концепции» провозглашается важность эффективной работы в ЕврАзЭС с Белоруссией и Казахстаном над «созданием Таможенного союза и единого экономического пространства». Важной задачей объявляется содействие в подключении других стран ЕврАзЭС к осуществлению указанной стратегической задачи. ЕврАзЭС в документе охарактеризован как «ядро экономической интеграции» [Концепция внешней политики ... , 2008].

Следующая «Концепция внешней политики Российской Федерации» была опубликована в 2013 г.,

[Концепция внешней политики ... , 2013] необходимость чего была определена «усилением новых тенденций в мировом развитии». В документе констатируется «возросшая ответственность» России в «формировании международной повестки дня». В контексте формата отношений с Белоруссией новая внешнеполитическая доктрина не обозначила кардинально новых подходов – сохранилось деление на двусторонний и многосторонний формат, приоритетами остались Союзное Государство и ЕврАзЭС. При этом, стоит обратить внимание, что в документе в качестве цели определяется не просто экономическая интеграция, а важность расширения сотрудничества с Белоруссией в рамках Союзного государства в целях «углубления интеграционных процессов во всех сферах». Более того, ЕврАзЭС также должен стать более глубоким интеграционным объединением, а одним из приоритетных партнеров данного формата остается Белоруссия. Для России важно поддерживать процесс евразийской экономической интеграции через осуществление совместно с Белоруссией и Казахстаном задач, направленных на преобразование ЕврАзЭС и «формирования Евразийского экономического союза» [Концепция внешней политики ... , 2013].

Пятая «Концепция внешней политики РФ» датируемая 2016 г., [Указ Президента РФ ...] обращает внимание на то, что Россия «спо-

собствует формированию позитивной, сбалансированной и объединительной повестки дня». Отношения с Белоруссией по-прежнему сохраняют уже ставшее традиционным деление на двусторонний и многосторонний формат, а также сохраняют задачу углубления интеграции по всем направлениям. При этом необходимо обратить внимание на принципиально новую формулировку сотрудничества с РБ, в «Концепции» от 2016 г. оно характеризуется как «стратегическое». В связи с этим отмечается, что РФ будет расширять подобное взаимодействие с РБ «в рамках Союзного государства в целях развития интеграционных процессов во всех сферах» [Указ Президента РФ ...].

Необходимо подчеркнуть, что в тексте «Концепции» углубление и расширение интеграции в рамках ЕАЭС с Республикой Армения, Республикой Белоруссия, Республикой Казахстан и Киргизской Республикой определяется в качестве «ключевой задачи». Помимо того, что сотрудничество в ЕАЭС позволит поднять конкурентоспособность целого ряда сфер, отмечается, что Союз может стать важным элементом в «деле гармонизации интеграционных процессов в Европейском и Евразийском регионах» [Указ Президента РФ ...].

В настоящее время центральным элементом взаимодействия двух стран, что было отмечено в тексте рассмотренных российских концепций, является углубление эко-

номической интеграции. «Программа действий Российской Федерации и Республики Беларусь по реализации положений Договора о создании Союзного государства» от 1999 г. обозначила целый ряд последовательных мер, направленных на сближение экономик двух государств [Программа действий ...].

Камнем преткновения в переговорном процессе стал вопрос о введении единой денежной единицы, о чем предусмотрено пунктом 3 «Программы действий». Подпункт 3.1 отмечает намерение создать «единый эмиссионный центр» [Программа действий ... , п.3]. Более того, в Договоре о создании Союзного государства, в его статьях 13 и 22 также предполагается последовательное введение единой денежной единицы (валюты), которое должно быть проведено в несколько этапов с одновременным созданием общего эмиссионного центра, чьей главной задачей станет «защита и обеспечение устойчивости единой денежной единицы» [Концепция внешней политики ..., 2000, п.13, 22]. Однако вопрос не решен до сих пор по причине нежелании Белоруссии отдать рычаги кредитно-денежной политики в управление России, поскольку центр планировалось создать в Москве.

Изначальная позиция белорусской стороны в отношении программы экономического взаимодействия заключалась в стремлении сформировать два центра эмиссии

общей валюты – в Москве и Минске. Тем не менее, в октябре 2010 г. Белоруссия отступила от первоначальной позиции и перешла к требованию – создать объединенный центральный банк, который будет основан «на принципах 50 % на 50 %». Владимир Путин, занимавший на тот момент пост премьер-министра России, назвал выдвинутое условие несправедливым, отметив, что белорусская экономика составляет порядка 3 % от российской [Как пытались ввести ...].

Внешнюю политику белорусской стороны сложно назвать пророссийской, учитывая заявления президента РБ Александр Лукашенко по наиболее ключевым и острым для Российской Федерации вопросам. Так, например, белорусский президент не поддержал Россию в вопросе присоединения Крыма. Более того, во время так называемого «Большого разговора с президентом» 1 марта 2019 г., отвечая на вопрос журналиста российской «Комсомольской правды», не настало ли время для Беларуси официально признать вхождение Крыма в состав РФ, А. Лукашенко в том числе заявил, что в 1995 г. был одним из подписантов Будапештского меморандума. «Крым официально в моем присутствии был признан территорией Украины. И я подписал этот документ. Что вы от меня сегодня хотите?» [Лукашенко объяснил ...]

В апреле 2017 г. в интервью телерадиокомпании «Мир» президент

Белоруссии заявил, что пока не наступило время для разговора о полноформатном осуществлении проекта Союзного государства, который будет иметь полный набор атрибутики, общую правовую базу, конституцию, единую валюту и так далее. Белорусский лидер отметил: «Мы сегодня к этому не готовы. И не столько белорусы, сколько россияне, российское руководство» [Шрайбман, 2017].

В декабре 2018 г. на заседании Совета министров Союзного государства, проведенном в Бресте, премьер-министр РФ Дмитрий Медведев заявил о готовности российской стороны к дальнейшему продвижению по осуществлению планов реализации интеграционного проекта. Медведев конкретизировал, что страны достигли необходимого уровня, на котором можно успешно провести единую налоговую и тарифную политику и, более того, вернуться к планам формирования единого эмиссионного центра.

В середине февраля 2019 г. были проведены переговоры президентов двух государств в Сочи. Позиция белорусского лидера на встрече строилась на том, что двум государствам, имеющим общую границу, суждено быть не просто соседями, но и друзьями [Путин и Лукашенко ...]. Однако дальнейших конкретных шагов, после окончания встречи политических лидеров, в очередной раз не последовало, напротив, разразился дипломатический скандал ввиду назначения Михаила Бабича пол-

номочным представителем российского президента в Белоруссии, который в белорусских националистических кругах был прозван «генерал-губернатором» по причине его частых посещений белорусских регионов и крупных промышленных предприятий [Колода, 2019].

В конце 2019 г. в очередной раз обострился вопрос поставок нефти из РФ в РБ. 30-31 декабря 2019 г. президенты двух стран обсуждали данный вопрос по телефону, но так и не смогли прийти к компромиссу. По итогам двусторонних переговоров А. Лукашенко поручил заключить контракты с российскими нефтяными компаниями на поставку нефти в 2020 г. для обеспечения работы двух белорусских НПЗ (в Мозыре и Новополоцке), однако к 1 января 2020 г. документы так и не были подписаны [Котова, 2020].

В результате загрузка нефтеперерабатывающих заводов была снижена до минимального технологически разрешенного уровня и 4 января были подписаны разовые контракты на поставку нефти. 20 января 2020 г. стало известно, что Минск закупил 80 тыс. тонн нефти в Норвегии и приступил к переговорам о поставках углеводородного сырья с Казахстаном и Азербайджаном [Чевтаева, 2020].

21 января 2020 г., на совещании по вопросам повышения эффективности реализации нефтепродуктов на экспорт, президент Белоруссии заявил: «Действительно, сейчас в полном объеме альтернативы нет

поставкам российской нефти. Но, как мы договаривались, диверсифицироваться нам надо. Надо идти к тому, что 30-40 % мы будем покупать нефти в РФ. Процентом 30 мы должны с Балтики завозить и процентов 30 – через Украину, проверенный уже путь» [Белоруссия будет ...].

7 февраля 2020 г. в Сочи состоялась очередная встреча глав двух государств, на повестке дня которой стоял вопрос урегулирования нефтегазового спора по вопросам цен поставок энергоносителей в Белоруссию. Стоит отметить, что именно по причине невозможности разрешения экономических противоречий в 2019 г. не состоялось подписание плана экономической интеграции двух стран. Требование А. Лукашенко в данном вопросе заключалось в том, что Российская Федерация должна поставлять в Республику Беларусь энергоносители по внутрироссийским ценам, на что РФ пойти не готова, поскольку Россия не имеет полного государственного контроля над нефтегазовым рынком. Кроме того, еще в 2018 г. премьер-министр России Дмитрий Медведев отметил, что преференции Белоруссии в условиях проводимого в РФ «налогового маневра» (*Налоговый маневр – процесс снижения экспортной пошлины на энергоносители и одновременного увеличения налога на добычу полезных ископаемых, который завершится к 2024 г. В результате нововведений экспорт*

топлива станет более выгодным, а цена на энергоносители на внутреннем рынке увеличится) могут быть предоставлены только в случае углубления двусторонней экономической интеграции [Шрайбман, 2017].

Тем не менее, встреча в Сочи была ознаменована успехом, президенты достигли договоренности о том, что российская сторона продолжит осуществлять поставки газа в Белоруссию по условиям, на которых они осуществлялись в 2019 г. (\$127 за 1000 м³) [Котова, 2020]. В то же время, как по вопросу нефти была достигнута договоренность о ее поставках по ценам мирового уровня, что было подтверждено первым вице-премьером Белоруссии Дмитрием Крутым, который отметил, что РБ будет покупать нефть по «договоренности с российскими компаниями». 17 февраля 2020 г. в Минске была проведена встреча А. Лукашенко с главой «Роснефти» Игорем Сечиным, на которой была отмечена готовность к совместной работе. Стоит добавить, что в 2019 г. «Роснефть» поставляла в РБ примерно 50 % всей приобретаемой у России нефти [Чевтаева, 2020]. Разрешение газового спора и достижение компромисса в нефтяном вопросе могут стать важным элементом на пути к продолжению углубления экономической интеграции обеих стран. Несмотря на наличие серьезных противоречий относительно поставок нефти и газа, в двусторонних

отношениях России и Белоруссии сохраняются перспективы эффективного взаимодействия в энергетической сфере. В настоящее время на территории РБ, у северо-западной границы Белоруссии в агрогородке Ворняны в 18 км от города Островец Гродненской области, осуществляется строительство Островецкой атомной электростанции (Белорусская АЭС) типа АЭС-2006. Строительство находится на заключительной стадии, так как первый блок АЭС должен быть запущен в 2020 г., а запуск второго запланирован на 2021 г. Важно обратить внимание на роль России в финансировании проекта – строительство БелАЭС обойдется РБ в \$11 млрд, из которых \$10 млрд составляет российский кредит [Строительство БелАЭС ...].

Возвращаясь к вопросу экономической кооперации двух стран, необходимо отметить, что в настоящее время процесс находится на достаточно продвинутом уровне – по данным российского РБК, согласовано 24 «дорожные карты» по интеграции из 31». Среди несогласованных документов остаются программы, затрагивающие вопросы в сфере энергетики, таможенного контроля, общей системы налогообложения и контроля импортных товаров. Более того, РБК также отмечает, что решение рассмотренного ранее энергетического спора находится «в привязке» к достижению согласия по всему спектру

плана экономической интеграции [Путин и Лукашенко ...].

Неопределенность в вопросе цен на поставки энергоносителей, которая вылилась в очередной российско-белорусский спор в начале 2020 г., привела к падению одобрения белорусским населением стратегии сближения с Россией. В июле 2019 г., по данным опросов, 65 % граждан РБ поддерживали дальнейшее углубление кооперации на евразийском пространстве в рамках ЕАЭС, 54 % респондентов отметили, что Союзное Государство соответствует «интересам Белоруссии» и лишь 25 % выступало за сближение с ЕС [Демидович, 2019]. Однако к концу 2019 г., согласно социологическим исследованиям белорусской аналитической мастерской Андрея Вардомацкого, число респондентов, которые выступают за поддержку дальнейшей интеграции с Россией, составило лишь 40,4 %, а количество сторонников сближения с ЕС выросло до 32 % [Обвальное падение ... , 2020].

Говоря о дальнейших перспективах интеграционного взаимодействия России и Белоруссии, необходимо рассмотреть возможные траектории и форматы дальнейшего сближения двух государств. На наш взгляд, стоит обратить внимание на два существующих интеграционных варианта – европейский (на примере ЕС, Европейский Союз) и азиатский (на примере АСЕАН, Ассоциация Стран Юго-Восточной Азии), на предмет их возможной

применимости к российско-белорусским интеграционным реалиям.

Европейская интеграция характеризуется «закрытым» типом кооперации, которая ориентирована на углубление взаимосвязей между странами-членами объединения, что в конечном итоге завершается формированием наднациональных институтов, которым государства передают часть своего суверенитета в каких-либо сферах жизнедеятельности. Европейский Союз является единственным объединением в мире, которое прошло все пять степеней интеграции, выделенные венгерским экономистом Белом Балаши (1928-1991 гг.): зона свободной торговли, таможенный союз, общий рынок, экономический союз, политический союз. В европейской интеграции всегда доминировала установка именно на наднациональный подход в управлении, который был сформирован последовательно и проходил проверку эффективностью [Интеграционные процессы ... , 2007].

В Юго-восточной Азии интеграционные процессы характеризуются «открытым» типом кооперации, который предусматривает не углубление партнерства, а его расширение, что не подразумевает формирование наднациональных органов управления. На встрече в Ханое 1998 г. были сформулированы принципы Сообщества АСЕАН: экономическое сообщество, социокультурное сообщество и сообще-

ство безопасности. Ассоциация сделала акцент на совместном поиске решений общих проблем и солидарности во внешней политике при сохранении суверенных прав государств-участников [Мегатренды ... , 2017]. При этом границы интеграционных тенденций объединения достаточно подвижны, поскольку АСЕАН организовал форматы диалога АСЕАН + 3 (Китай, Япония, Южная Корея) и АСЕАН + 6 (указанная тройка + Индия, Австралия и Новая Зеландия), что позволяет вовлечь в решение отдельных вопросов более широкий состав региональных государств. АСЕАН отличается наличием координации политик в таких сферах как торговля, финансы, транспорт, экология (частично), однако Ассоциация не применяет инструмент «общей политики» как это делается в ЕС. При этом, АСЕАН выступает единым игроком на торгово-экономических (например, ВТО) и политических площадках [Интеграционные процессы ... , 2007]. Важным элементом экономической кооперации стало создание после спада 2008-2010 г. общих «пулов» ресурсов с их общим управлением, что обозначило собой формирование единого фонда для поддержания стабильности национальных валют.

На основании рассмотренных примеров интеграционного взаимодействия можно предположить, что приоритетным вариантом интеграции России и Белоруссии может

стать восточноазиатский формат, по причине преимущественно экономического характера кооперации и отсутствия наднациональных институтов. Пример создания общего «пула» финансовых ресурсов может стать актуальным для РФ и РБ на пути к формированию общего эмиссионного центра. Более того, проект трех Сообществ АСЕАН может стать подходящим элементом для взаимодействия России и

Белоруссии в обход политического сближения, которое не поддерживается белорусское руководство. Таким образом, кооперация усилий по отдельным взаимовыгодным вопросам, а также реализация совместных проектов (БелАЭС) в совокупности могли бы стать важными элементами в углублении экономической интеграции и дальнейшем укреплении Союзного Государства.

Библиографический список

1. Белоруссия будет стремиться закупать в России 30-40% от необходимых объемов нефти. 21.01.2020. Режим доступа: <https://tass.ru/ekonomika/7568753>. (Дата обращения: 19.02.2020).
2. Демидович Я. Социология: 65 % белорусов выбирает Евразийский экономический союз. 16.06.2019 // информационный портал Ву-Ву. Режим доступа: <https://by-by.info/eaes/2018/11/25/1543133132/Sociologija-65-procentov-belorusov-EAES/>. (Дата обращения: 30.06.2019).
3. Договор о создании Союзного государства Официальный сайт Минэкономразвития России. Режим доступа: <http://economy.gov.ru/minec/about/structure/depsng/114>. (Дата обращения: 09.06.2019).
4. Интеграционные процессы в современном мире: экономика, политика, безопасность (Мировое развитие. Выпуск 2) // Отв. ред. Ф. Г. Войтоловский и А. В. Кузнецов. Москва : ИМЭМО РАН, 2007. 220 с.
5. Как пытались ввести единую валюту Союзного государства России и Белоруссии // ТАСС, 01.03.2019. Режим доступа: <https://tass.ru/info/6176143>. (Дата обращения: 14.02.2020).
6. Колода С. А. Двусторонние отношения России и Белоруссии на современном этапе / С. А. Колода, В. А. Эпштейн, А. С. Вильчинский // Мир русскоговорящих стран. 2019. №2 (2). С. 45-55.
7. Концепция внешней политики Российской Федерации 2000 г. // Консультант Плюс. Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_27822/. (Дата обращения: 12.02.2020).
8. Концепция внешней политики Российской Федерации 2008 г. // официальный сайт Президента России. Режим доступа <http://kremlin.ru/acts/news/785>. (Дата обращения: 12.02.2020).
9. Концепция внешней политики Российской Федерации 2013 г. // Консультант Плюс. Режим доступа: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70218094/>. (Дата обращения: 12.02.2020).

10. Котова Ю. Россия и Белоруссия договорились о цене на газ // Forbes, 07.02.2020. Режим доступа: <https://www.forbes.ru/newsroom/biznes/392735-rossiya-i-belorussiya-dogovorilis-o-cene-na-gaz>. (Дата обращения: 24.02.2020).
11. Лукашенко объяснил, почему не признал Крым российским // Белорусские новости, 01.03.2019. Режим доступа: <https://naviny.by/article/20190301/1551460463-lukashenko-obyasnil-pochemu-ne-priznal-krum-rossijskim>. (Дата обращения 19.02.2020).
12. Мегатренды: Основные траектории эволюции мирового порядка в XXI в. / под. ред. Т. А. Шаклиной, А. А. Байкова. 2 изд., испр. и доп. Москва : Аспект Пресс, 2017. 448 с.
13. Обвальное падение: число сторонников союза с Россией снизилось на треть // BelstatTV, 05.02.2020. Режим доступа: <https://belsat.eu/ru/news/obvalnoe-padenie-chislo-storonnikov-soyuza-s-rossiej-snizilos-na-tret/>. (Дата обращения: 10.02.2020).
14. Основные положения концепции внешней политики Российской Федерации 1993 г. Режим доступа: <https://www.russiamatters.org/sites/default/files/media/files/1993%20Foreign%20Policy%20Strategy%20RUS.pdf>. (Дата обращения: 11.02.2020).
15. Программа действий Российской Федерации и Республики Беларусь по реализации положений Договора о создании Союзного государства (совершено 08.12.1999). Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_25948/. (Дата обращения: 09.02.2020).
16. Путин и Лукашенко встречаются в Сочи. Что нужно знать // РБК, 07.02.2020. Режим доступа: https://www.rbc.ru/politics/07/02/2020/5e3bec5b9a7947b1865e8462?utm_source=amp_textincutes. (Дата обращения: 10.02.2020).
17. Строительство БелАЭС обойдется в 11 млрд долларов // Белорусские новости. 12.10.2017. Режим доступа: <https://naviny.by/new/20171012/1507814642-stroitelstvo-belaes-oboydetsya-v-11-mlrd-dollarov>. (Дата обращения 19.02.2020).
18. Указ Президента РФ от 30.11.2016 №640 «Об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации» // Консультант Плюс. Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_207990/. (Дата обращения: 12.02.2020).
19. Чевтаева И., Бочарова С. Россия и Белоруссия договорились о цене на газ // Ведомости, 07.02.2020. Режим доступа: <https://www.vedomosti.ru/business/articles/2020/02/07/822550-putin-lukashenko>. (Дата обращения: 15.02.2020).
20. Шрайбман А. Феномен белорусской государственности. Что ждет систему Лукашенко // Московский Центр Карнеги, 31.05.2017. Режим доступа: <https://carnegie.ru/2017/05/31/ru-pub-70099>. (Дата обращения: 15.02.2020).

Reference List

1. Belorussija budet stremit'sja zakupat' v Rossii 30-40% ot neobhodimyh ob'emov nefti = Belarus will seek to buy in Russia 30-40% of needed oil volume. 21.01.2020. Rezhim dostupa: <https://tass.ru/ekonomika/7568753>. (Data obrashhenija 19.02.2020).

2. Demidovich Ja. Sociologija: 65% belorusov vybiraet Evrazijskij jekonomicheskij sojuz = Sociology: 65% of Belarusians support Eurasian Union. 16.06.2019 // informacionnyj portal By-By. Rezhim dostupa: <https://by-by.info/eaes/2018/11/25/1543133132/Sociologija-65-procentov-belorusov-EAES/> (data obrashhenija: 30.06.2019).

3. Dogovor o sozdanii Sojuznogo gosudarstva Oficial'nyj sajt Minjekonomrazvitija Rossii = Union State Treaty. Official site of Economic Development Ministry of Russia. Rezhim dostupa: <http://economy.gov.ru/minec/about/structure/depsng/114>. (Data obrashhenija: 09.06.2019).

4. Integracionnye processy v sovremennom mire: jekonomika, politika, bezopasnost' (Mirovoe razvitie. Vypusk 2) = Integration processes in the modern world: economy, police and safety (World Development. Issue 2) // Otv. red. F. G. Vojtlovskij i A. V. Kuznecov. Moskva : IMJEMO RAN, 2007. 220 s.

5. Kak pytalis' vvesti edinuju valjutu Sojuznogo gosudarstva Rossii i Belorussii = How they tried to introduce unified currency of Union State of Russia and Belarus // TASS, 01.03.2019. Rezhim dostupa: <https://tass.ru/info/6176143>. (Data obrashhenija: 14.02.2020).

6. Koloda S. A. Dvustoronnie otnoshenija Rossii i Belorussii na sovremennom jetape = Bilateral relationships of Russia and Belarus at the present stage / S. A. Koloda, V. A. Jepshtejn, A. S. Vil'chinskij // Mir ruskogovorjashhh stran. 2019. №2 (2). S. 45-55.

7. koncepcija vneshnej politiki Rossijskoj Federacii 2000 g. = Russian Federation Foreign Policy Concept of 2000 // Konsul'tant Pljus. Rezhim dostupa: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_27822/. (Data obrashhenija: 12.02.2020).

8. koncepcija vneshnej politiki Rossijskoj Federacii 2008 g. = Russian Federation Foreign Policy Concept of 2008 // oficial'nyj sajt Prezidenta Rossii. Rezhim dostupa: <http://kremlin.ru/acts/news/785>. (Data obrashhenija: 12.02.2020).

9. koncepcija vneshnej politiki Rossijskoj Federacii 2013 g. = Russian Federation Foreign Policy Concept of 2013 // Konsul'tant Pljus. Rezhim dostupa: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70218094/>. (Data obrashhenija: 12.02.2020).

10. Kotova Ju. Rossija i Belorussija dogovorilis' o cene na gaz = Russia and Belarus agreed on gas price // Forbes, 07.02.2020. Rezhim dostupa: <https://www.forbes.ru/newsroom/biznes/392735-rossiya-i-belorussiya-dogovorilis-o-cene-na-gaz>. (Data obrashhenija: 24.02.2020)

11. Lukashenko ob#jasnil, pochemu ne priznal Krym rossijskim = Lukashenko explained why he had not accepted the Crimea to be Russian // Belorusskie novosti, 01.03.2019. Rezhim dostupa: <https://naviny.by/article/20190301/1551460463-lukashenko-objasnil-pochemu-ne-priznal-krym-rossijskim>. (Data obrashhenija 19.02.2020).

12. Megatrendy: Osnovnye traektorii jevoljucii mirovogo porjadka v XXI v. = Megatrends: main paths of World Order evolution in the XXI century / pod. red. T. A. Shakleinoj, A. A. Bajkova. 2 izd., ispr. i dop. Moskva : Aspekt Press, 2017. 448 s.

13. Obval'noe padenie: chislo storonnikov sojuza s Rossiej snizilos' na tret' = Landslide fall: the number of supporters of the union with Russia decreased by a third // BelstatTV, 05.02.2020. Rezhim dostupa: <https://belsat.eu/ru/news/obvalnoe-padenie-chislo-storonnikov-soyuza-s-rossiej-snizilos-na-tret/>. (Data obrashhenija: 10.02.2020).

14. Osnovnye polozhenija koncepcii vneshnej politiki Rossijskoj Federacii 1993 g. = Key points of Russian Federation Foreign Policy concept 1993. Rezhim dostupa: <https://www.russiamatters.org/sites/default/files/media/files/1993%20Foreign%20Policy%20Strategy%20RUS.pdf>. (Data obrashhenija: 11.02.2020).
15. Programma dejstvij Rossijskoj Federacii i Respubliki Belarus' po realizacii polozhenij Dogovora o sozdanii Sojuznogo gosudarstva (soversheno 08.12.1999). = Action program of Russian Federation and Belarus Republic on the im-plementation of key points of Union State Treaty. Rezhim dostupa: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_25948/. (Data obrashhenija: 09.02.2020).
16. Putin i Lukashenko vstrechajutsja v Sochi. Chto nuzhno znat' = Putin and Lukashenko meet in Sochi. What should be known // RBK, 07.02.2020. Rezhim dostupa: https://www.rbc.ru/politics/07/02/2020/5e3bec5b9a7947b1865e8462?utm_source=amp_textincutes. (Data obrashhenija: 10.02.2020).
17. Stroitel'stvo BelAJeS obojedsja v 11 mlrd dollarov = The construction of Belarus Nuclear Power plant /AEC will cost \$ 11 bln // Belorusskie novosti. 12.10.2017. Rezhim dostupa: <https://naviny.by/new/20171012/1507814642-stroitelstvo-belaes-oboydetsya-v-11-mlrd-dollarov>. (Data obrashhenija 19.02.2020).
18. Ukaz Prezidenta RF ot 30.11.2016 №640 «Ob utverzhdenii Koncepcii vneshnej politiki Rossijskoj Federacii» = Decree of the President of Russian Federation from 30.11.2016 № 640 "On the approval of Russian Federation Foreign Policy concept" // Konsul'tant Pljus. Rezhim dostupa: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_207990/. (Data obrashhenija: 12.02.2020).
19. Chevtaeva I., Bocharova S. Rossija i Belorussija dogovorilis' o cene na gaz = Russia and Belarus agreed on gas price // Vedomosti, 07.02.2020. Rezhim dostupa: <https://www.vedomosti.ru/business/articles/2020/02/07/822550-putin-lukashenko>. (Data obrashhenija: 15.02.2020).
20. Shrajbman A. Fenomen belorusskoj gosudarstvennosti. Chto zhdet sistemu Lukashenko = Phenomenon of Belarusian statehood. What will Lukashenko system expect // Moskovskij Centr Karnegi, 31.05.2017. Rezhim dostupa: <https://carnegie.ru/2017/05/31/ru-pub-70099>. (Data obrashhenija: 15.02.2020).

УДК 327

<https://orcid.org/0000-0003-4977-8828>

А. В. Зайцев

Гражданское общество и делиберативная демократия в Китае

Для цитирования: Зайцев А. В. Гражданское общество и делиберативная демократия в Китае // Мир русскоговорящих стран. 2020. № 1 (3). С. 35-46. DOI 10.20323/2658-7866-2020-1-3-35-46

В данной статье рассмотрены существующие в современном Китае подходы к гражданскому обществу и делиберативной демократии, органически присущих западноевропейской политической теории и практики. Руководство Китая и китайские политологи в принципе не отвергают практической значимости наличия гражданского общества и делиберативной (консультативной) демократии. Однако сохраняют свой подход к их теоретическому обоснованию и практической реализации с китайской спецификой. Это обстоятельство побуждает многих исследователей отрицать существования в современном Китае и гражданского общества и демократических начал в политической сфере. Вместе с тем ряд как западных, так и китайских исследователей занимают диаметрально противоположные позиции, усматривая в КНР развивающееся гражданское общество и элементы делиберативной демократии.

Ключевые слова: Китай, гражданское общество, делиберативная демократия, негосударственные организации, авторитаризм, национальные традиции, общество восточного типа, китайская специфика.

A. V. Zaitsev

Civil society and deliberative democracy in China

This article discusses the approaches to civil society and deliberative democracy existing in modern China that are organically inherent in Western European political theory and practice. The Chinese leadership and Chinese political scientists do not reject the practical importance of having a civil society and a deliberative (consultative) democracy. However, they retain their approach to their theoretical justification and practical implementation taking in consideration Chinese peculiarities. This circumstance prompts many researchers to deny the existence in modern China of both civil society and democratic principles in the political sphere. At the same time, a number of both Western and Chinese researchers occupy diametrically opposite positions, seeing in the PRC a developing civil society and elements of deliberative democracy.

Keywords: China, civil society, deliberative democracy, non-governmental organizations, authoritarianism, national traditions, oriental society, Chinese peculiarities.

© Зайцев А. В., 2020

На протяжении всей истории Китая гражданское общество подавлялось государством, появление относительно независимого гражданского общества – это продукт Нового времени. Хотя в сфере торговли и транспортных перевозок уже также существовали самостоятельные организации типа гильдий (ханхуэй), однако до XX в. эти организации еще не были негосударственными организациями в современном смысле, а представляли собой организации типа цехогильдий (банхуэй).

Только в XX в., испытав влияние западной цивилизации, начали активизироваться негосударственные организации, относительно независимые от правительства. Однако до сих пор еще не исследовано, сколько, в конце концов, существовало негосударственных организаций в то время, и какова была степень их активности. Данные соответствующих подсчетов очень различаются. Например, в некоторых источниках сообщается, что в первой половине XX в. действовало примерно 1 000 неправительственных организаций, по оценкам других исследований их было более 80 тысяч.

После прихода к власти КПК в 1949 г., когда в экономической сфере утверждалась социалистическая общественная собственность и плановая (командная) экономика, а в политической сфере реализовывалась высокоцентрализованная система, ядром которой было единое партийное руководство, негосу-

дарственные организации, сформировавшиеся в период до 1949 г., почти полностью исчезли. В начале 1950-х гг. было только 44 центральных (общегосударственных) общественных организаций, в 1965 г. их число не достигало 100, местных (региональных) общественных организаций было только около 6 тыс. Было всего 9 видов массовых организаций: Всекитайская Федерация профсоюзов, Коммунистический союз молодежи Китая, Всекитайская федерация женщин, Всекитайское научно-техническое общество, Всекитайская ассоциация промышленников и торговцев и др. Такая ситуация начала действительно меняться только в конце 1970-х гг., когда стал проводиться курс «реформ и открытости» [Кепин, 2010, с. 120-121].

После 1978 г. в Китае под руководством Дэн Сяопина осуществлялся курс «реформ и открытости», что привело к коренным переменам в китайском обществе. В 1980-х гг. в Китае начала осуществляться рыночно-ориентированная реформа экономической системы, постепенно отказались от плановой экономики, развивали социалистическую рыночную экономику, изменили единую структуру коллективной и государственной форм собственности на систему разных форм собственности: государственную, коллективную, индивидуальную с соответствующей формой капитала: единой, совместной, иностранной. Существенно возросла производи-

тельность, повысился уровень жизни населения. Именно это стало подлинной причиной активного развития негосударственных организаций.

Внедрение в Китае рыночной экономической системы непосредственно вызвало не только резкий рост числа негосударственных организаций, но и дальнейшее разнообразие их типов. Более важно, что эти вновь образовавшиеся негосударственные организации по своему характеру принципиально отличаются от общественных организаций, существовавшие до «реформ и открытости». После 1980-х гг. резко возросла самостоятельность негосударственных организаций и их правовой статус.

Вплоть до начала периода «реформ и открытости» КПК и возглавляемое ею правительство в целом придерживались негативного отношения к общественным организациям, полагая, что в социалистическом Китае невозможно формирование относительно независимого гражданского общества. До начала «реформ и открытости» степень легальности гражданского общества была чрезвычайно низка. Сами термины – «частные организации», «частное общество», «общество горожан», «гражданское общество» – после 1949 г. следовало употреблять с осторожностью. Для многих людей «общество горожан» означало «буржуазное общество», «гражданское общество» или «частное общество» означало

противопоставление правительству. После начала «реформ и открытости», с одной стороны, массово появились относительно независимые негосударственные организации.

По утверждению китайского политолога Ю. Кепина, «с начала 1990-х гг. в научных кругах Китая началось обсуждение этой тематики. Одним из результатов этой дискуссии стало признание в научных кругах концепции и факта существования гражданского общества» [Кепин]. С Ю. Кепином солидарен и российский исследователь В. Ганшин, который признает наличие гражданского общества в Китае. Однако, по его мнению, «тот выбор, который был сделан Китаем в 1949 году, предполагает невозможным восприятие политических установок гражданского общества западного образца» [Ганшин, 2004, с. 16].

Подобно тому, как изменилось отношение партии и государственных органов к гражданскому обществу, также изменилась форма управления им: от подавления до разрешения, от простого запрещения до предоставления умеренной свободы. В целом становление гражданского общества в Китае представляется как процесс разгосударствления (в широком смысле этого слова, а не только в смысле приватизации госпредприятий) социальной жизни и постепенного формирования демократических структур, то есть системы не зависящих от государства институтов

гражданского самоуправления» [Петров, 2008, с. 62].

Современное гражданское общество в Китае – это показательный пример гражданского общества, направляемого правительством и обладающего двойственной частно-государственной природой. Большинство китайских негосударственных организаций созданы правительством, поэтому их с полным правом можно отнести к структурам, получившим наименование ГОНГО (GONGO), то есть государственно организованные негосударственные организации. Государственная (или организованная) неправительственная организация (GONGO) считается организацией с правовым статусом неправительственной организации, но созданной или контролируемой правительством. В отличие от традиционных НКО или НПО такие структуры хотя и являются частью гражданского общества, однако в сфере публичной политики, в силу своей зависимости от государства (правительства), они защищают не столько общественные интересы и права граждан, сколько позиции институтов власти и правительственных органов. В этом заключается, на наш взгляд, одна из специфических особенностей гражданского общества в современном Китае [Зайцев, с. 198-199].

Гражданское общество Китая характеризуется «ограниченной автономией некоммерческого сектора» и даже, несмотря на относи-

тельное изобилие существующих в КНР общественных организаций, гражданам этой страны принадлежит пассивная «роль в политическом процессе, как в силу сложившихся традиций, так и существующего политического строя, отводящего крайне узкие рамки для политического участия граждан» [Сивинцева, 2014, с. 95]. Канадский исследователь Т. Брук, полагает, что в КНР гражданского общества из-за «неподатливых национальных, изоляционистских и корпоративистских обычаев, которые препятствуют формированию зрелой публичной сферы или гражданской культуры» [Brook, 1997, p. 44]. Ин-хон Ши, китаец по своему происхождению, полагает, что в современном Китае нет гражданского общества вследствие того, что вера в коммунистические идеалы, а также социокультурные «традиции и личные интересы политического характера препятствуют тому, чтобы государство доверяло, одобряло или хотя бы терпело гражданское общество» [Shi, 2004, p. 228].

С развитием гражданского общества в Китае теснейшим образом переплетена теория и практика китайской модели делиберативной или, в китайском варианте, консультативной, демократии [Зайцев, 2013б, с. 149]. Еще в 1980-е годы китайские лидеры начали вводить прямые выборы на уровне села. За этим последовали другие нововведения, в том числе совещательные опросы, публичные слушания, пра-

во граждан подать в суд на государство, инициативы по государственному информированию общественности, принятие ряда мер по относительной автономизации организаций гражданского общества и др. Несмотря на то, что многие из этих нововведений достаточно противоречивы, консультативные элементы государственной делиберативной политики строятся на совместных обсуждениях, которые порождают убеждение рядовых граждан на их влияние на принимаемые государственные решения, их законность и правомерность.

В докладе, представленном Ху Цзиньтао (бывшим генеральным секретарем Коммунистической партии Китая) на 18-м съезде КПК в 2012 году, впервые было упомянуто понятие социалистической совещательной демократии. В докладе было сказано, что «социалистическая консультативная демократия является важной формой демократии китайского народа», и на этой основе была сформулирована концепция «социалистической консультативной демократии» [社会主义协商民主制度]. В докладе говорилось, что социалистическая совещательная демократия «является важной формой народной демократии в Китае».

В ноябре 2013 года ЦК КПК провел Третий пленум Восемнадцатого национального конгресса, на котором совещательная демократия получила официальное закрепление в форме директивы для более низких уровней управления. В поста-

новлении этого пленума говорилось, что консультативная или делиберативная демократия «это своеобразная форма социалистической политической демократии нашей страны, которая обладает своими преимуществами», а Народный политический консультативный совет Китая «это важный канал, через который осуществляется консультативная демократия» [Строительство политической ...]. Будучи главной площадкой «делиберативной демократии», Народный политический консультативный совет Китая (НСПК) играет все более важную роль в сфере, формирующейся в Китае некоего подобия публичной политики с участием организаций, представляющих гражданское общество и органы партийной и государственной власти и управления.

После 18-го съезда ЦК КПК произошла серия преобразований в заседаниях НПКСК, например, создан механизм совещаний раз в две недели, выбираются темы, на которые обращает внимание правительство и которые беспокоят общественность, приглашаются члены НПКСК, представители соответствующих правительственных ведомств и ученые для открытого обсуждения и высказывания своих предложений. Высокопоставленные руководители Китая осознали, что в условиях многочисленных интересов и просьб, функционирование механизма делиберативной демократии, обсуждение вопросов с об-

щественностью, принятие во внимание чаяний народа будет способствовать выпуску более рациональных политических мер, удобных в осуществлении.

Упоминание о совещательной демократии в документе Третьего пленума не было случайно, так как за ним последовали новые директивные документы ЦК КПК с указаниями об «Укреплении социалистической консультативной демократии» (9 февраля 2015 года), и с изложением роли Китайского народного политического консультативного конгресса в продвижение совещательной демократии (25 июня 2015 года).

На заседании по случаю 65-летия создания Народного политического консультативного совета Китая в сентябре 2014 года генеральный секретарь ЦК КПК Си Цзиньпин в ходе своей речи сделал акцент на «демократию», что привлекло внимание общественности. На том заседании Си Цзиньпин высказал свое мнение на тему «демократии». Он отметил, что «существует множество форм осуществления демократии, не нужно придерживаться шаблонной модели». По мнению китайского руководителя, демократия – это не украшение, она нужна для решения проблем народа. Народная политическая консультация как важная форма народной демократии должна отвечать требованиям модернизации системы управления государством и соответствовать управлен-

ческим возможностям. «Широкая и эффективная народная демократия требует инноваций в сфере теории, института и работы народной политической консультации», – подчеркнул Си Цзиньпин. «Социалистическая консультативная демократия представляет собой специфическую форму народной демократии социалистического Китая, обладающую своеобразным преимуществом. Это также и важное проявление политики линии масс Компартии Китая в политической сфере», – продолжил Си Цзиньпин. По его словам, осуществление народной демократии и становление народа как хозяина своей судьбы требует масштабных консультаций среди народа по вопросам управления государством. Таким образом, по мнению высшего партийного руководства Китая, «необходимо стимулировать институционализацию широкой и многослойной социалистической консультативной демократии» [Си Цзиньпин выступил ...].

Руководство КПК и китайские политологи регулярно подчеркивают, что институционализация делиберативной демократии в КНР имеет многоинституциональный характер и отличается «обширностью» и «многослойностью» консультаций. Процесс институционализации консультативной демократии с китайской спецификой предполагает, что НСПК хотя и остается основным консультативным институтом, но совещательный процесс выходит

за его пределы, имея иные каналы коммуникации и диалога КПК с обществом. «Всесторонне содействие институционализации совещательной демократии, в конечном счете, заключается в том, чтобы сформировать набор стандартов и процедур консультативной демократии», – полагают ученые-политологи из Научно-исследовательского центра теории социализма с китайской спецификой Центральной партийной школы Китая [怎样推进协商民主广泛多层次制度化发展?].

Исходя из выше изложенного можно выделить шесть основных проблем, нашедших официальных документах и публичных дискурсах высшего руководства КПК:

1) совещательная демократия является упорядоченным способом воплощения мудрости и силы китайского народа для того, чтобы улучшить управление и государственную политику под руководством Коммунистической партии Китая;

2) совещательная демократия является способом обеспечения включения населения в государственную политику;

3) совещательная демократия является ключевым ресурсом для укрепления легитимности партийного руководства;

4) совещательная демократия является способом обеспечения социальной гармонии, предоставляя способ для разрешения проблем и требований, которые будут услы-

шаны и направляется в политическую систему;

5) долгосрочной целью является не только развитие совещательной демократии в нескольких отдельных локусах общества и государства, а создание «многоинституциональной» и «целостная системы» совещательной демократии;

6) конечная цель развития совещательной демократии – это обеспечение мин чжу, что означает «люди – хозяева».

Конкретные практики публичных слушаний и консультаций в современном Китае стали предметом многочисленных дискуссий о том, существуют ли там элементы делиберативной демократии или нет [Зайцев, 2013а, с. 149-150]. При этом одни исследователи указывали на наличие на низовом уровне целостной системы коллективных обсуждений. К примеру, М. Леонард, ссылаясь на мнение Дж. Фишкина, осуществившего в КНР целую серию делиберативных экспериментов, пишет: «Эта система показывает, как правительства в условиях отсутствия партийной конкуренции или традиционных институтов представительной демократии, практикуемой на Западе, могут, тем не менее, реализовать на высоком уровне два фундаментальных демократических принципа одновременно – политического равноправия и общественного участия» [Леонард, 2009, с. 116-117].

Другие авторы были настроены более осторожно, высказывая со-

мнение в возможности соединения авторитарной формы правления и принципов делиберативности [Baogang, 2011]. Так, Р. Труекс, из Принстонского университета (США) в статье «Консультативный авторитаризм и его границы» в результате проведенного им исследования делает такой вывод: «Каналы с ограниченным участием могут временно повысить стабильность и приобрести некоторую поддержку среди граждан с низкими ожиданиями. Однако в долгосрочной перспективе такие реформы могут повысить ожидания, которые должны быть удовлетворены дальнейшими реформами» [Tguez, 2017, p. 330].

Консультативный авторитаризм, как полагают, Б. Ни и М. Уоррен, является «формой правления, при которой обладатели власти используют коммуникацию для сбора предложений, которые будут использованы (will affect) при выработке действий, как информация о существующих предпочтениях, имеющих отношение к принимаемым решениям» [Baogang, 2011, p. 273]. В более поздней обновленной версии этой же статьи под таким же названием эти же два автора дали такую характеристику консультативному авторитаризму: «консультативный авторитаризм – режим, который широко использует авторитарную делиберацию» [Baogang, 2011, p. 175].

При этом и тем, и другим не хватало конкретного эмпирического

материала для обоснования своих позиций [Yonghong, 2014].

Эту нишу попытался заполнить политолог из Японии Д. Тонг. В 2018 году «Японском журнале политологии» он опубликовал статью под названием «Насколько демократичны китайские обсуждения на низовом уровне? Эмпирическое исследование 393 совещательных экспериментов в Китае». В данном исследовании Д. Тонг изучил и детально проанализировал 393 реальных делиберативных практик в Китае и пришел к выводу, что «эти эксперименты на низовом уровне являются демократичными, сохраняя некоторые различия, нюансы и недостатки». Полная картина, по мнению Д. Тонга, все равно пока еще не ясна [Tong, 2018, p. 630-642].

Таким образом, можно констатировать, что все исследования и гражданского общества и делиберативных практик в Китае на сегодняшний день сконцентрировались вокруг двух взаимоисключающих полюсов. Первая группа исследователей рассматривает возникновение и институционализацию гражданского общества и совещательной демократии в Китае как плавный транзит китайского авторитаризма по направлению к демократии (с китайской спецификой). Другая группа авторов категорически отрицает саму возможность сосуществования в КНР авторитаризма и демократии в условиях отсутствия развитого гражданского общества и

состязательных процедур электронной демократии.

Ю. Кепинг в статье под названием «Делиберативная демократия: последние достижения в теории и практике современных западных демократий» отмечает, что делиберативная демократия есть «свобода граждан путем равноправного диалога, обсуждения, рассмотрения и т. д., участвовать в принятии государственных решений и политической жизни». Общественные консультации и переговоры являются «необходимой частью демократического процесса принятия решений». Вследствие кризиса представительной и мажоритарной моделей демократии, западноевропейские теоретики, по словам Ю. Кепинга, разрабатывают новую модель демократии – теорию делиберативной демократии и «настойчиво призывают к расширению поли-

тического диалога и повышению роли диалога в демократическом процессе принятия решений» [俞可平. 协商民主：当代西方民主理论和实践的最新发展]. Китайские теоретики и практики исходят из того, что такие фундаментальные понятия как «гражданское общество» и «демократия», сформулированные в философии западного типа, основанной на индивидуализме, слабо коррелируются с ценностями социума восточного типа, отдающего, в соответствии с конфуцианскими традициями и национальной политической культурой, приоритет коллективному над личным и гармонии над самоутверждением. В этом заключается фундаментальное различие между западными и восточными подходами к гражданскому обществу и демократии.

Библиографический список

1. Ганшин В. Г. Китай и его соседи: на пути к гражданскому обществу. Москва, 2004. 355 с.
2. Зайцев А. В. Институционализация диалога государства и гражданского общества: компаративный анализ. Кострома : КГУ им. Н. А. Некрасова. С. 195-204.
3. Зайцев А. В. Делиберативная демократия и диалог в Китае // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2013а. № 4 (24). С. 147-151.
4. Зайцев А. В. Делиберативная демократия, диалог и их место в конstellации дискурса публичной политики // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: История. Политология. 2013б. № 15 (158). С. 147-153.
5. Кепин Ю. Рыночная экономика и становление гражданского общества в Китае. Режим доступа: http://ru.theorchina.org/xsqy_2477/201209/t20120919_234530.shtml. (Дата обращения: 04.02. 2020).
6. Кепин Ю. Демократия в Китае: вызов или шанс? // Демократия и модернизация: к дискуссии о вызовах XXI века / Центр исследований постиндустриального общества ; Москва : Европа, 2010. С. 117-130.

7. Леонард М. О чем думают в Китае? / Пер. с англ. И. В. Кузнецова. Москва : АСТ, 2009. 222 с.
8. Петров А. В. Экономическая глобализация и гражданское общество в России и в Китае // Общество. Среда. Развитие. № 2(7). 2008. С. 55-65.
9. Сивинцева О. В. Гражданское общество в Китае как особый тип взаимоотношений между государством и населением // Вестник Пермского университета. Серия: Политология. 2014. № 1. С. 84-97.
10. Си Цзиньпин выступил с речью на собрании, посвященном 65-й годовщине учреждения НПКК (2). Режим доступа: <http://russian.people.com.cn/n/2014/0922/c31521-8785704-2.html>. (Дата обращения: 04.02.2020).
11. Строительство политической системы социалистической демократии – Постановление 3-го пленума ЦК КПК 18-го созыва (2013/11/18). Режим доступа: <http://ru.china-embassy.org/rus/ztd/sbjzsqh/t1107637.htm>. (Дата обращения: 04.02.2020).
12. Baogang He, Mark E. Warren. Authoritarian Deliberation: The Deliberative Turn in Chinese Political Development // Perspectives on Politics. Vol. 9, № 2. June 2011. pp. 269-289.
13. Shi Y. The Issue of Civil Society in China and Its Complexity // Growth & Governance in Asia / Ed. by Y. Sato. Honolulu, 2004 PP. 225-232.
14. Brook T. Auto-Organization in Chinese Society. In T. Brook, & B. M. Frolic (Eds.). Civil Society in China. 1997. New York, London: M.E. Sharpe. P. 19-45.
15. Tong D., He B. How democratic are Chinese grassroots deliberations? An empirical study of 393 deliberation experiments in China // Japanese Journal of Political Science (JPN J POLIT SCI). December 2018. Volume 19, Issue 4, pp. 630-642.
16. Truex R. Consultative Authoritarianism and Its Limits // Comparative Political Studies. № 50 (3) March 2017. P. 329-361.
17. Yonghong Z. A Discussion on the Socialist Deliberative Democracy with Chinese Characteristics // Studies in Asian Social Science Vol. 1. № 1. 2014.
18. 社会主义协商民主制度. Режим доступа: <https://baike.baidu.com/item/社会主义协商民主制度/1287563>. (Дата обращения: 04.02.2020).
19. 怎样推进协商民主广泛多层制度化发展?. Режим доступа: http://epaper.gmw.cn/gmrb/html/2013-12/07/nw.D110000gmrb_20131207_6-01.htm. (Дата обращения: 04.02.2020).
20. 俞可平. 协商民主：当代西方民主理论和实践的最新发展. Режим доступа: http://www.china.com.cn/xsb/txt/2006-11/06/content_7324102.htm. (Дата обращения: 04.02.2020).

Reference List

1. Ganshin V. G. Kitaj i ego sosedi: na puti k grazhdanskomu obshhestvu = China and its neighbours: on the way to the civil society. Moskva, 2004. 355 s.

2. Zajcev A. V. Institucionalizacija dijaloga gosudarstva i grazhdanskogo obshhestva: komparativnyj analiz = Institutionalization of the dialog between the state and civil society: comparative analysis. Kostroma : KGU im. N. A. Nekrasova. S. 195-204.
3. Zajcev A. V. Deliberativnaja demokratija i dialog v Kitae = Deliberative democracy and dialog in China // Gumanitarnye issledovanija v Vostochnoj Sibiri i na Dal'nem Vostoke. 2013a. № 4 (24). S. 147-151.
4. Zajcev A. V. Deliberativnaja demokratija, dialog i ih mesto v konstelljacii diskursa publichnoj politiki = Deliberative democracy, dialog and their place in the constellation of the discourse of public policy // Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija: Istorija. Politologija. 2013b. № 15 (158). S. 147-153.
5. Kepin Ju. Rynohnaja jekonomika i stanovlenie grazhdanskogo obshhestva v Kitae = Market economy and formation of civil society in China. Rezhim dostupa: http://ru.theorychina.org/xsqy_2477/201209/t20120919_234530.shtml. (Data obrashhenija: 04.02. 2020).
6. Kepin Ju. Demokratija v Kitae: vyzov ili shans? = Democracy in China: challenge or chance? // Demokratija i modernizacija: k diskussii o vyzovah XXI veka / Centr issledovanij postindustrial'nogo obshhestva ; Moskva : Evropa, 2010. S. 117-130.
7. Leonard M. O chem dumajut v Kitae? = What do they think about in China? / Per. s angl. I. V. Kuznecova. Moskva : AST, 2009. 222 s.
8. Petrov A. V. Jekonomicheskaja globalizacija i grazhdanskoe obshhestvo v Rossii i v Kitae = Economic globalization and civil society in Russia and China // Obshhestvo. Sreda. Razvitie. № 2(7). 2008. S. 55-65.
9. Sivinceva O. V. Grazhdanskoe obshhestvo v Kitae kak osobyj tip vzaimootnoshenij mezhdru gosudarstvom i naseleniem = Civil society in China as a specific type of relationships between the state and the population // Vestnik Permskogo universiteta. Serija: Politologija. 2014. № 1. S. 84-97.
10. Si Czin'pin vystupil s rech'ju na sobranii, posvjashhenom 65-j godovshhine uchrezhdenija NPKSK (2) = Xi Jinping made a speech at the meeting devoted to the 65th anniversary of NPKSK formation. Rezhim dostupa: http://russian.people.com.cn/n/2014/0922/c31521_8785704_2.html. (Data obrashhenija: 04.02.2020).
11. Stroitel'stvo politicheskoi sistemy socialisticheskoi demokratii – Postanovlenie 3-go plenuma CK KPK 18-go sozyva = The creation of social democracy political system/ Ruling of the 3d plenum of the CK KPK of the 18th convence (2013/11/18). Rezhim dostupa: <http://ru.china-embassy.org/rus/ztbd/sbjzsqh/t1107637.htm>. (Data obrashhenija: 04.02.2020).
12. Baogang He, Mark E. Warren. Authoritarian Deliberation: The Deliberative Turn in Chinese Political Development // Perspectives on Politics. Vol. 9, № 2. June 2011. pp. 269-289.
13. Shi Y. The Issue of Civil Society in China and Its Complexity // Growth & Governance in Asia / Ed. by Y. Sato. Honolulu, 2004 PP. 225-232.
14. Brook T. Auto-Organization in Chinese Society. In T. Brook, & B. M. Frolic (Eds.). Civil Society in China. 1997. New York, London: M.E. Sharpe. P. 19-45.

15. Tong D., He B. How democratic are Chinese grassroots deliberations? An empirical study of 393 deliberation experiments in China // Japanese Journal of Political Science (JPN J POLIT SCI). December 2018. Volume 19, Issue 4 , pp. 630-642.
16. Truex R. Consultative Authoritarianism and Its Limits// Comparative Political Studies. № 50 (3) March 2017. P. 329-361.
17. Yonghong Z. A Discussion on the Socialist Deliberative Democracy with Chinese Characteristics// Studies in Asian Social Science Vol. 1. № 1. 2014.
18. 社会主义协商民主制度. Режим доступа: <https://baike.baidu.com/item/社会主义协商民主制度/1287563>. (Дата обращения: 04.02.2020).
19. 怎样推进协商民主广泛多层制度化发展?. Режим доступа: http://epaper.gmw.cn/gmrb/html/2013-12/07/nw.D110000gmrb_20131207_6-01.htm. (Дата обращения: 04.02.2020).
20. 俞可平. 协商民主：当代西方民主理论和实践的最新发展. Режим доступа: http://www.china.com.cn/xsb/txt/2006-11/06/content_7324102.htm. (Дата обращения: 04.02.2020).

ФИЛОЛОГИЯ

Ли Сяотао
Е. В. Никкарева

УДК 821.161.1-93
<https://orcid.org/0000-0002-8533-3431>
<https://orcid.org/0000-0003-0014-1404>

«Вот когда я взрослым стану...»:

эволюция ментальной модели будущего в поэзии для детей

Для цитирования: Ли Сяотао, Никкарева Е. В. «Вот когда я взрослым стану...»: эволюция ментальной модели будущего в поэзии для детей // Мир русскоговорящих стран. 2020. № 1 (3). С. 47-57. DOI 10.20323/2658-7866-2020-1-3-47-57

В статье рассматривается на материале поэзии для детей XVIII–XXI в. инварианты ментальной модели будущего, стадийно отражающей функционально-целевые установки детской литературы и шире – изменение объема понятия «социализация». Выделяются следующие вариации микрсюжета «когда я стану взрослым...»: я – носитель определенных нравственных представлений; я – представитель определенной профессии; я – носитель неких устойчивых внешних черт и атрибутов; я – носитель определенных умений и навыков; я – представитель определенной культуры (этноса, субкультуры) и др.

Ключевые слова: ментальная модель; социализация; будущее; фольклор; М. Клокова; В. Маяковский; А. Введенский; Саша Бест; В. Приходько; В. Лунин; А. Барто; Э. Мошковская.

PHILOLOGY

Li Xiaotao, E. V. Nikkareva

"When I become a grown-up...":

the evolution of a mental model of the future in children's poetry

On the material of poetry for children of XVIII-XX century the article gives a mental model of the future which reflects functionally aimed tasks of children's literature and then – the changing of the notion "socialization". The following variations of the microplot are underlined: "when I become a grown-up...": I am a bearer of specific moral views, I am a bearer of a definite profession, I am a bearer of external traits and attributes, I am a bearer of some skills, I am a bearer of some culture (ethnos, subculture).

Keywords: mental model, sociolization, future, folklore, M. Klokova, V. Majakovsky, A. Vvedensky, Sasha Best, V. Prichodko, V. Lunin, A. Barto, E. Moshkovskaya.

© Ли Сяотао, Никкарева Е. В., 2020

Литература для детей, реализуя воспитательную функцию, одной из своих задач ставит социализацию ребенка-читателя. Социализацией называется «процесс становления личности, обучения и усвоения индивидом ценностей, норм, установок, образцов поведения, присущих данному обществу, социальной общности, группе» [Химанен, 2002, с. 319], «процесс, посредством которого индивидом усваиваются нормы его группы таким образом, что через формирование собственного «Я» проявляется уникальность данного индивида как личности» [Фролов]. Как отмечает Е. А. Кириллова, социализация выполняет в обществе три основных задачи:

1) интегрирует индивида в общество, а также в различные типы социальных общностей через усвоение им элементов культуры, норм и ценностей;

2) способствует взаимодействию людей вследствие принятия ими социальных ролей;

3) охраняет общество, производит и передает культуру поколений через убеждения и показ соответствующих образцов поведения [Кириллова].

М. А. Литовская рассматривает процесс социализации посредством чтения: «Социализация, – по определению М. А. Литовской, – состоит в усвоении принятых в данном конкретно-историческом типе общества интерпретационных стереотипов» [Литовская, 2010, с. 32]. При этом литература для детей

призвана не только фиксировать изменение представлений о нормах, ценностях, социальных ролях, поведенческих моделях, существующих в обществе, но и формировать у ребенка устойчивый образ «идеального» члена общества, который может быть определен как ментальная модель – особая форма эмпирических обобщений, отражающая представления субъекта о ситуации взаимодействия в целом, включающая в себя представление о себе как субъекте (в том числе представления об арсенале средств преобразования), объекте, контексте взаимодействия [Борков].

Начиная с XVIII в., в литературе для детей находит отражение ментальная модель будущего, которая исторически изменчива и стадийно отражает функционально-целевые установки воспитания в данном обществе.

Материалом нашего исследования стали стихотворения XVIII–XXI вв., в которых разрабатывается микросюжет «когда я стану взрослым...».

«Спитко подоле, выростёшь поболе...»: ментальная модель будущего в фольклоре

Для русского фольклора ребенок как субъект речи не характерен, но он является традиционным «героем» так называемого детского фольклора, к которому относят пестушки, потешки, колыбельные и т. д. Будущее ребенка типизировано и обусловлено его гендерной принадлежностью и тем сословием, к

которому он принадлежит. Прогностическая функция детского фольклора может быть в полной мере реализована в жанре колыбельной песни, ритуально-магической доминантой которой является функциональная установка – «как спою, так и будет» [Головин, 2000, с. 293], что сближает колыбельную с заговором. Данная установка является определяющей для текстовой структуры назидательных, дидактических колыбельных и колыбельных наставления, в которых, как пишет В. В. Головин «акцент сделан не на описании идеального образца поведения или вытекающего из него желаемого для ребенка будущего, а на мотиве жизненного пути» [Головин, 2000, с. 321]. Исследователь указывает, что в схеме нанизывания мотивов колыбельной песни формула сна-роста («Будешь спать по ночам, Будешь рость по часам») предшествует мотиву благополучного будущего («Будешь в золоте ходить, Чисто серебро носить»). Так, в колыбельной песне «О лю-лю, мое дитятко...» представлено желаемое будущее ребенка:

*Спи-тко подоле, выростёшь поболе.
Вырастешь велик – станут девушки любить,
Станут девушки любить, станут
молoduшки хвалить.
Станешь в школу ходить, станешь
книжки учить.
Выучишьсѣ в книге, станет ба-
тюшка женить,
Станешь свататься к невестам,
станешь слыть женихом
[О лю-лю, мое дитятко...].*

Для детского фольклора характерно преобразование реальности, одним из способов которого является «поэтическая идеализация привычных предметов <...> При этом и сам «герой» меняет свой облик: крестьянский младенец превращается в богатого, ему уготовано счастливое будущее, его окружают “мамушки” и “нянюшки”. Поэтизация обыденного может происходить и без перевода в иной социальный статус» [Путилова, 2013, с. 6].

В. В. Головин приходит к выводу, что колыбельная песня прогнозирует идеальный образ человека-крестьянина: живущего в достатке, умелого работника, семейного, боголюбивого, будущего кормильца родителей.

Таким образом, ментальная модель будущего ребенка, представленная в русском фольклоре, может быть сформулирована как «я – типичный представитель своего рода (шире, сословия, народа)».

**«Предвижу, каковы нам
следуют потомки...»: ментальная
модель будущего
в дореволюционной поэзии**

В классицистической традиции XVIII в. будущее ребенка по-прежнему моделирует взрослый, облекая свое представление об идеальном представителе общества в форму наставления (наказа). Эта традиция восходит к такому жанру древнерусской литературы, как поучение. Так, в «Виршевом Домострое» находим анонимный фрагмент «Наказание некоего отца к

«Вот когда я взрослым стану...»:

эволюция ментальной модели будущего в поэзии для детей

сыну своему, дабы он подвизался о добрых делах выну» [<Из «Виршевого Домостроя»>]. Наставления построены по двум основным моделям: «если..., то...» («аще / аще ли... таковой...»), указывающей собственно на поучение, и «да будет...», актуализирующей речевой жанр пожелания. Наставление отца восходит к добродетелям и христианским заповедям, на соблюдении которых и основана православная нравственность. Чаще всего в тексте происходит конкретизация нравственного понятия в поступок: отец формулирует для сына правила поведения. В тексте актуализированы такие добродетели, как:

- целомудрие («Да будет тебе душевная и телесная чистота...»), с которой связано представление о необходимости иметь свою позицию: «И не ходити бы тебе по чужим забралом, / Промышляти бы тебе душевным своим ралом...; И во уме своем твердо и непоколебиму бытии...»;

- смирение («И довольну бытии своими оброки...»);

- вера и связанные с ней правила поведения в церкви («И всегда бы тебе до церкви Господни приходати / И божественная словеса благоумне внимати, / И во время святого пения молчати, / И царство небесное во уме своем помышляти, / И до конца бы церковного пения не исходити...»);

- Запрет на пустословие и сквернословие («И никогда же бы

тебе пустотных словес говорити, / И уст своих и языка таковым глаголением не осквернити...») и связанное с этими двумя заповедями, относящимися к речи, требование вежливости, в которой выражается любовь к ближнему («И перед добрыми людьми вежливо говорити...»; «...Добро убо и похвално пред добрыми людьми...»);

- Заповедь: «Не судите, да не судимы будете, ибо каким судом судите, таким будете судимы; и какою мерою мерите, такую и вам будут мерить» (*Матф. 7:1-2*) также находит отражение в речи («А слепа и хрома и всякого никого не укорити...»);

- Заповедь: «Почитай отца твоего и мать твою, как повелел тебе Господь, Бог твой, чтобы продлились дни твои, и чтобы хорошо тебе было на той земле, которую Господь, Бог твой, дает тебе» (*Второзаконие 5:16*), конкретизированная в послушании («Аще кто отца своего и мать слушает, / Таковой аки седмицелен хлеб вкушает...») и поминовении усопших родителей («И ты мене, грешнаго отца своего, не забуди / И часто ко гробу моему приходити готов буди...»).

Образ «сердечных скрижалей» отсылает нас к десяти ветхозаветным заповедям, которые Моисей получил на горе Синай. Таким образом, наставления отца приобретают характер нерушимых заповедей, а ментальная модель будущего реализуется через образ благочестивого хри-

стианина, усвоившего при этом нормы поведения в обществе.

Ментальная модель будущего, реализованная в дореволюционной литературе, прежде всего связана с нравственным обликом человека, но эволюция представлений о нравственности и добродетели в литературе XVIII–XIX вв. приводит к смещению акцентов в ментальной модели идеального взрослого этого времени.

Так, ментальная модель будущего ребенка XVIII в. может быть сформулирована как «я – просвещенный потомок». К средневековым представлениям о добродетелях добавляется еще и приобретающее статус добродетели учение. Вместе с тем в стихотворениях поэтов XVIII в. наставление сменяется предостережением, и представление о добродетели формируется от противоположного, как указание на пороки. Так, Я. Б. Княжнин в «Послании к российским питомцам свободных художеств» говорит:

*Талант единый слаб к свершению
пути,
Когда не озарен пространством
просвещеньем,
Гордясь одним собой, гнушаяся
ученьем
И самолюбием навеки ослеплен,
Он в дикости своей пребудет
укреплен...*

[Княжнин, 2013].

Такой смертный грех, как гордыня, в данном случае страшен не сам по себе, а как причина «дикости», и развитие единой словесной темы можно наблюдать на протя-

жении всего послания (Без просвещения напрасно все старанье...»; «Художник без наук ремесленнику равен...»). Гордыня выражается также в стремлении к чинам, и Княжнин также выступает против такой формы общественного признания творцов, в финале послания формулируя свою позицию: «Но духом кто велик – велик и без чинов...». К тому же выводу приходит и М. Н. Муравьев в «Оде седьмой»:

*Тщетна вся храбрость без науки
И без величия души
Исправи ум, настави руки
И лишню буйность потуши...*

[Муравьев, 2013]

В поэзии сентименталистов и романтиков добродетель вновь оказывается понятием сугубо нравственным и формулируется как «добродетель душевная».

Независимо от субъекта повествования прогностическая функция выражается косвенно – в речи и поступках ребенка. Так, слова детской молитвы, или искренние слезы мальчика, обидевшего сестренку, заставляют читателя предположить, что если ребенок уже в детстве проявляет себя как добродетельный христианин, то таковым он и вырастет. А ребенок, проявляющий рвение в учении, вырастет просвещенным гражданином. Вместе с тем уже в этих текстах присутствует мотив «пользы обществу», который будет превалировать в постреволюционной литературе.

«Вот когда я взрослым стану...»:

эволюция ментальной модели будущего в поэзии для детей

**«Когда я вырасту большой...»:
ментальная модель будущего
в поэзии 1920–1930 гг.**

Изменившееся отношение к детям, когда, как формулирует Б. Шатилов, «они «смена», так они и сами на себя смотрят и делают то же дело, что и взрослые» [Шатилов, 1929, с. 4], приводит к тому, что ребенок становится полноправным субъектом речи, и соответственно к изменению ментальной модели будущего. Как отмечает Е. О. Путилова, для детской поэзии этого периода «...определяющим стал поворот поэзии к современности – в непосредственном, открыто общественном смысле» [Путилова, 2013, с. 41]. При этом, в поэзии этого периода можно выявить последовательное формирование и трансформацию ментальной модели будущего.

Так, в стихотворениях М. П. Клоковой из цикла «Бубенцы» (1924) «Лепешка» и «Рабочий», персонажи которых, по замечанию Е. О. Путиловой: «...дети своего времени, чаще всего голодные и оборванные. Жизнь их связана с базаром, с его теснотой, грязью, шумом, толкучкой» [Путилова, 2013, с. 36], – дети в первую очередь ощущают себя «сменой» для своих родителей. Так, случайный собеседник девочки Катюши – дошколенок Сережка в стихотворении «Лепешка» уже знает, какую выберет профессию:

*Вырасту, мастером буду,
Гвоздей наберу в карман,
Топор и пилу добуду,
Выстрою аэроплан*

[Клокова, 2013а].

Интересно отметить, что освоение рабочей профессии для героя оказывается только ступенькой к достижению другой цели – построить аэроплан. Уже в этом стихотворении намечается еще одна, важная для этого периода детской литературы тема: взросление и выбор профессии тесно связаны с осуществлением мечты, а поэтому ребенок выбирает те профессии, которые овеяны романтическим ореолом. Популярность таких «профессий» как летчик, моряк, путешественник в эту эпоху объясняется еще и тем, что в детской литературе того времени формируется новая эстетика природы. М. Горький в статье «О темах» [Горький] провозгласил необходимость «власти человека над природой» посредством организованного труда социалистического общества, социалистического строительства, а также уважения к «борцам» против стихийных сил природы, творцам «второй» – рукотворной – природы [Рудова, 2013]. А такие профессии, как летчик, моряк, путешественник, были непосредственно связаны с покорением той или иной природной стихии, преодолением человеком страха перед ней.

Иная ситуация в стихотворении «Рабочий», написанном от лица шестнадцатилетнего юноши. Он также мечтает пойти по стопам отца:

*Как отец буду править станком.
Буду тоже рабочий.
Буду так же работать, как он,
Дни и ночи... –*

также связываются с романтической ситуацией странствования. Финальный вывод звучит в духе времени: «Книгу перевернув, / намотай себе на ус – / все работы хороши, Выбери / на вкус!».

Интересно, что ментальная модель будущего в этот период не имеет гендерных различий. Так, в стихотворении А. Барто «Болтунья» (1933) Лида говорит:

*А чего мне хочется?
Стать, ребята, летчицей.
Поднимусь на стратостате...
Что такое это кстати?*

[Барто, 2013]

Представление о профессии неизменно связывается в поэзии 30-х гг. с проявлением героизма, подвигом. Так, в стихотворении А. И. Введенского «Что ты любишь?» (1941), построенном в вопросно-ответной форме, герой также не определился с выбором профессии, но этот выбор для него связан непосредственно с воспитанием определенных личностных качеств:

*Кем ты будешь?
– Моряком.
Или буду
Рыбаком.
Или летчиком бесстрашным.
Или опытным стрелком.
Буду смелым человеком.
Ну а кем –
Решу потом*

[Введенский, 2013].

Как отмечает Е. О. Путилова, «в отважное, веселое путешествие собирается герой одного из последних стихотворений Введенского –

“Когда я вырасту большой”. В том огромном пути, который предстает в его воображении (леса, реки, горы, деревни, города), есть слова, оказавшиеся для самого поэта пророческими: “Плыви, челнок! Прощай, мой дом! // Не скоро я вернусь”» [Путилова, 2013, с. 45].

Таким образом, ментальная модель будущего ребенка 1920–1930-х гг. объединяет две составляющие: представление о героизме и восприятие себя как представителя определенной профессии и может быть сформулирована как «я – гражданин». Е. О. Путилова, характеризуя основные направления поэзии этого периода, отмечает: «Стихи канонизировали пионера, превращая его в носителя множества добродетелей <...> В стихах прокламировалась готовность пионера к подвигу, причем значительность идеи нередко приносилась в жертву простому здравому смыслу» [Путилова, 2013, с. 46].

Ментальная модель будущего в современной детской литературе

Все вышеперечисленные темы и мотивы аккумулируются в детской поэзии 1940-х гг. и последующих десятилетий, поэтому отметим только новые тенденции. Игровой характер поэзии для детей позволяет высветить те тематические комплексы, которые до сих пор оставались в тени главной задачи – воспитания гражданина.

1) Представление о своем будущем может быть детерминировано

текущей ситуацией и позиционируется как явление динамическое и психическое. Так, в стихотворении Э. Мошковской «Я маму мою обидел...», герой становится путешественником, уходит в тайгу, ищет руду, строит мосты через бурные реки и даже становится «главным начальником», но определяющим является его психологическое состояние в будущем, которое определяется состоянием в настоящем – ссорой с мамой: «И буду всегда печальный / И молчаливый такой...».

2) Взрослость непосредственно связана с самостоятельностью. Иллюстрацией может служить стихотворение В. Приходько «Вот когда я взрослым стану...».

3) Взрослость проявляется через восприятие оппозиции «можно – нельзя» и определение своей позиции в воспитании детей. В качестве примера можно привести противоположные по идее стихотворения А. Кушнера «Когда я буду взрослым, / Я буду очень грозным...» и В. Лунина «Когда я взрослым стану / Я все позволю сыну...».

4) Ребенок представляет себя стариком, связывая этот в возраст с абсолютной свободой и неограниченным временем на игры и развлечения.

5) Представление о будущем связано с гендерной идентификацией ребенка, а в литературе появляются девочки, которые ведут себя как мальчишки и именно с взрослением связывают возможность самостоятельно определять свою гендерную роль. Так, стихотворение поэта и детского психолога Саши Бест «Откуда берутся принцы», построенное как диалог маленькой принцессы со своей няней, заканчивается утверждением:

*Вырасту принцем, а Пуфик – конем,
Пусть нам все принцы и кони завидуют*

[Бест].

Таким образом, ментальная модель будущего в этом случае связана не только с социализацией, но с самоидентификацией ребенка и может быть сформулирована как «я – есть я».

Библиографический список

1. Барто А. Л. Болтунья // Четыре века русской поэзии детям : в 3 т. Т. 2. Санкт-Петербург : Лики России, 2013. С. 561.
2. Бест Саша Откуда берутся принцы. Режим доступа: <https://www.stihi.ru/2009/01/11/2074>. (Дата обращения: 04.04.2020).
3. Борков А. Н. Эмпирическое исследование ментальной модели лучшего собеседника у успешных и неуспешных верификаторов лжи. Режим доступа: https://lomonosov-msu.ru/archive/Lomonosov_2009/19.pdf. (Дата обращения: 04.04.2020).
4. Введенский А. И. Что ты любишь? // Четыре века русской поэзии детям : в 3 т. Т. 2. Санкт-Петербург : Лики России, 2013.
5. Головин В. В. Русская колыбельная песня в фольклоре и литературе. Аво : Аво Akademi University Press, 2000.

6. Горький М. О темах // Горький М. Собрание сочинений: в 30 т. Т. 27. С. 106.
7. <Из «Виршевого Домостроя»> // Четыре века русской поэзии детям : в 3 т. Т. 1. Санкт-Петербург : Лики России, 2013. С. 91–92.
8. Кириллова Е. А. Культурная социализация и самоидентификация личности и социальных слоев российского общества. Режим доступа: <http://stankin.ru/science/postgraduate-study-and-doctoral-studies/postgraduate-study-speciality-and-rules-of-admission-of/22.00.06>. Культурная социализация и самоидентификация личности и социальных слоев российского общества.pdf. (Дата обращения: 03.04.2020).
9. Клокова М. П. Лепешка // Четыре века русской поэзии детям : в 3 т. Т. 2. Санкт-Петербург : Лики России, 2013а. С. 162.
10. Клокова М. П. Рабочий // Четыре века русской поэзии детям : в 3 т. Т. 2. Санкт-Петербург : Лики России, 2013б. С. 162.
11. Княжнин Я. Б. Послание к российским питомцам свободных художеств // Четыре века русской поэзии детям : в 3 т. Т. 1. Санкт-Петербург : Лики России, 2013. С. 95.
12. Литовская М. А. «Время всегда хорошее»: социальная психология для современного подростка // Детская литература сегодня : сб. науч. ст. Екатеринбург : УрГПУ, 2010.
13. Муравьев М. Н. Ода седьмая // Четыре века русской поэзии детям : в 3 т. Т. 1. Санкт-Петербург : Лики России, 2013. С. 97–98.
14. «О лю-лю, мое дитячко...» // Четыре века русской поэзии детям : в 3 т. Т. 1. Санкт-Петербург : Лики России, 2013. С. 53.
15. Путилова Е. О. Поэзия 1920–1930-х годов – детям // Четыре века русской поэзии детям : в 3 т. Т. 2. Санкт-Петербург : Лики России, 2013. С. 41.
16. Рудова Л. В. Экологическое сознание советской детской литературы 1930-х гг. // «Убить Чарскую...» : парадоксы советской литературы для детей, 1920–1930-е гг. Санкт-Петербург : Алетейя, 2013. С. 152–169.
17. Фролов С. С. Словарь ключевых социологических терминов. Режим доступа: http://regionstudy.narod.ru/Region_Department/Sociology/SLOVSOC.htm. (Дата обращения: 03.04.2020).
18. Химанен П. Информационное общество и государство благосостояния: Финская модель / П. Химанен, М. Кастельс. Москва, 2002.
19. Шатилов Б. Две точки зрения на задачи детского воспитания // Книга детям. 1929. № 4/5.

Reference List

1. Barto A. L. Boltun'ja = Chatter-box // Chetyre veka russkoj poezii detjam : v 3 t. Т. 2. Sankt-Peterburg : Liki Rossii, 2013. S. 561.
2. Best, Sasha Otkuda berutsja princy = Where the princes appear from. Rezhim dostupa: <https://www.stihi.ru/2009/01/11/2074>. (Data obrashhenija: 04.04.2020).
3. Borkov A. N. Jempiricheskoe issledovanie mental'noj modeli lgushhego sobesednika u uspešnyh i neuspешnyh verifikatorov lzhi = Empirical research of a mental model of a lying interlocutor within successful and unsuccessful lie verifiers. Rezhim dostupa: https://lomonosov-msu.ru/archive/Lomonosov_2009/19.pdf. (Data obrashhenija: 04.04.2020).

4. Vvedenskij A. I. Chto ty ljubish'? = What do you love? // Chetyre veka russkoj poezii detjam : v 3 t. T. 2. Sankt-Peterburg : Liki Rossii, 2013.
5. Golovin V. V. Russkaja kolybel'naja pesnja v fol'klore i literature = A Russian lullaby in folklore and literature. Abo : Abo Akademi University Press, 2000.
6. Gor'kij M. O temah = About themes // Gor'kij M. Sobranie sochinenij: v 30 t. T. 27. S. 106.
7. <Iz «Virshevogo Domostroja»> = <"From domestic tyranny in verses"> // Chetyre veka russkoj poezii detjam : v 3 t. T. 1. Sankt-Peterburg : Liki Rossii, 2013. S. 91–92.
8. Kirillova E. A. Kul'turnaja socializacija i samoidentifikacija lichnosti i social'nyh sloev rossijskogo obshhestva = Cultural socialization and self-identification of an individuality and social layers of the Russian society. Rezhim dostupa: <http://stankin.ru/science/postgraduate-study-and-doctoral-studies/postgraduate-study-speciality-and-rules-of-admission-of/22.00.06>. Kul'turnaja socializacija i samoidentifikacija lichnosti i social'nyh sloev rossijskogo obshhestva.pdf. (Data obrashhenija: 03.04.2020).
9. Klokova M. P. Lepeshka = A cake // Chetyre veka russkoj poezii detjam : v 3 t. T. 2. Sankt-Peterburg : Liki Rossii, 2013a. S. 162.
10. Klokova M. P. Rabochij = A worker // Chetyre veka russkoj poezii detjam : v 3 t. T. 2. Sankt-Peterburg : Liki Rossii, 2013b. S. 162.
11. Knjazhnin Ja. B. Poslanie k rossijskim pitomcam svobodnyh hudozhestv = A message to the Russian free arts pets // Chetyre veka russkoj poezii detjam : v 3 t. T. 1. Sankt-Peterburg : Liki Rossii, 2013. S. 95.
12. Litovskaja M. A. «Vremja vseгда horoshee»: social'naja psihologija dlja sovremennogo podrostka = "Time is always good": social psychology for a contemporary teenager // Detskaja literatura segodnja : sb. nauch. st. Ekaterinburg : UrGPU, 2010.
13. Murav'ev M. N. Oda sed'maja = The seventh ode // Chetyre veka russkoj poezii detjam : v 3 t. T. 1. Sankt-Peterburg : Liki Rossii, 2013. S. 97–98.
14. «O lju-lju, moe ditjatko...» = "Oh lulu my baby"... // Chetyre veka russkoj poezii detjam : v 3 t. T. 1. Sankt-Peterburg : Liki Rossii, 2013. S. 53.
15. Putilova E. O. Pojezija 1920–1930-h godov – detjam = The poetry of the 1920–1930s for children // Chetyre veka russkoj poezii detjam : v 3 t. T. 2. Sankt-Peterburg : Liki Rossii, 2013. S. 41.
16. Rudova L. V. Jekologicheskoe soznanie sovetskoj detskoj literatury 1930-h gg. // «Ubit' Charskuju...» : paradoksy sovetskoj literatury dlja detej, 1920–1930-e gg. = Ecological consciousness of the Soviet children's literature of the 1930s. Sankt-Peterburg : Aletejja, 2013. S. 152–169.
17. Frolov S. S. Slovar' ključevykh sociologičeskikh terminov = Dictionary of core sociological terms. Rezhim dostupa: http://regionstudy.narod.ru/Region_Department/Sociology/SLOVSOC.htm. (Data obrashhenija: 03.04.2020).
18. Himanen P. Informacionnoe obshhestvo i gosudarstvo blagosostojanija: Finskaja model' = Information society and welfare state: Finnish model / P. Himanen, M. Kastel's. Moskva, 2002.
19. Shatilov B. Dve tochki zrenija na zadachi detskogo vospitanija = Two points of view on the tasks of children's behaviour // Kniga detjam. 1929. № 4/5.

**Выявление типа семантического примитива в языке
с идеографическим типом письменности**

Для цитирования: Шаравьёва И. В. Выявление типа семантического примитива в языке с идеографическим типом письменности // Мир русскоговорящих стран. 2020. № 1 (3). С. 58-68. DOI 10.20323/2658-7866-2020-1-3-58-68

В статье рассматривается вопрос о возможности выявления типа семантического примитива в языке с идеографическим типом письменности. Показано, что знаки идеографической письменности обладают особым грамматологическим потенциалом. Их существенные характеристики определяются на уровне письменного иероглифического знака. Выявление предельных глубинных смыслов в идеографических знаках определяет системообразующие признаки идеографического письма. В статье сделан вывод о существовании семантически неоднородных и дискретных единиц, в связи с чем данные единицы могут быть подвержены структурно-семиотическому и грамматологическому анализу в направлении выделения неразложимых далее, недискретных элементов, представляющих собой минимальные значимые единицы идеографической письменности. Моделируемая единица была определена как графомонада. Графомонада – когнитивная предельная недискретная конститутивная единица языка, характеризующаяся модусной валентностью, обладающая потенциалом порождать множество новых знаков и интегрально включенная в иерархию базовых единиц языков с идеографическим типом письменности, в частности, китайского. Графомонады, являясь первичными когнитивными единицами письменности идеографического письма, материальны и пиктографичны. Графомонады образуют простые знаки 文 wén «вэнь» и через них порождают сложные знаки 字 zì, они являются недискретными, материальными знаками-пиктограммами. Идеографический словарь Сюй Шэня «Шо вэнь цзе цзы» рассматривается в качестве первичного семантического материала. В ходе анализа иероглифических знаков, представленных в данном словаре, было выделено 42 графомонады. Данные графомонады пиктографичны и обладают способностью порождать деривационные цепочки новых знаков.

Ключевые слова: идеографический тип письменности, семантический примитив, грамматология, грамматологический анализ, китайский язык, минимальные значимые единицы, графомонада, словарь «Шо вэнь цзе цзы», деривационные цепочки.

I. V. Sharavjova

The identifying of a type of semantic primitive in a language with an ideographic type of writing

The article examines the possibility of identifying a type of semantic primitive in a language with an ideographic type of writing. It is shown that signs of ideographic writing hold special grammatological potential. Their essential characteristics are determined at the level of the written hieroglyphic sign. The identification of the ultimate deep meaning in ideographic signs determines the systemforming signs of ideographic writing. The author formulates the conclusion concerning the existence of semantically heterogeneous and discrete units; in this connection these units can be subjected to structural-semiotic and grammatological analysis aimed at identifying elements, which are non-discrete and not capable of further decomposition, therefore comprising the minimal significant units of ideographic writing. The simulated unit was defined as graphomonad. Graphomonad is an ultimate cognitive constitutional unit of language characterized by modus valence, with the potential to generate many new characters and integrated into the hierarchy of basic units in languages with the ideographic type of writing, in particular, Chinese. Graphomonads, being the primary cognitive units in ideographic writing, are material and pictographic. Graphomonads form simple signs 文 wén "wen" and through them give rise to complex signs 字 zì, therefore being non-discrete, material pictogram signs. Xu Shen's "Shuo wen jie zi" ideographic dictionary is regarded as the primary semantic material. During the analysis of the hieroglyphic characters presented in this dictionary, 42 graphomonads were identified. These graphomonads are pictographic and have the ability to generate derivative chains of new signs.

Keywords: an ideographic type of writing, semantic primitive, grammatology, grammatological analysis, Chinese language, minimal significant units, graphomonads, "Shuo wen jie zi" dictionary, derivative chains.

Введение

Вопрос о существовании в языке предельных значений, автономных недискретных смыслов, формирующих системные иерархические связи в языке, имеет давнюю традицию изучения и связан, в основном, с исследованиями фонетических языков.

Данная проблема была изучена с точки зрения различных подходов. В рамках логико-универсалистских

исследований выдвигается положение о существующих в языке первоначалах, которые поддаются исследованию в универсальных грамматиках. В рационалистической философии Р. Декарта [Декарт, 1989, с. 215], а также в философской системе Дж. Локка была представлена гипотеза о врожденных идеях, являющихся универсальными смыслами, которые невозможно

приобрести опытным путем» [Локк, 1985, с. 96].

Для Г. Лейбница представляется возможным создание «алфавита человеческих мыслей», выделения, таким образом, элементарных смыслов, которые могут быть исчислены математически. Такие не-дискретные смыслы стали основой его учения о монаде. Монада трактуется им как «...простая субстанция, которая входит в состав сложных; простая, значит, не имеющая частей» [Лейбниц, 1982, с. 413].

А. Вежбицкой применяется термин «семантический примитив» и обосновывается в теории построения Естественного Семантического Метаязыка, в котором «семантические примитивы» конституируют систему всех существующих языков мира [Вежбицкая, 2011, с. 47]. Теория, несомненно, исключает возможность рассмотрения письменной формы знаков в языках с идеографическим типом письменности и их структурно-семантический и грамматологический анализ.

Ю. Д. Апресян признает существование семантических примитивов, которые на самом деле не обязательно предельно просты по смыслу и поэтому не универсальны. С точки зрения Ю. Д. Апресяна, «даже простейшие слова включают, в дополнение к некоему прототипическому ядру, определенную частицу смысла, отличающую дан-

ное слово от его ближайших синонимов. Именно эта частица смысла во многих случаях оказывается национально специфичной» [Апресян, 1995, с. 478].

Такое понятие, как «семантический примитив», является важнейшим и значимым для выявления универсальных единиц. Однако для вычленения такого рода примитивов в китайском языке необходимо обращение к грамматологии, в рамках которой устанавливается статус письменного знака. Так, одним из главных отличий идеографических знаков от знаков фонетических систем, является то, что китайская иероглифическая письменность записывает морфемы, и знаки соотносятся, прежде всего, со значением, и только потом – со звучанием. *Актуальность* исследования, таким образом, определяется важностью разработки проблемы выделения конститутивных простейших единиц письменности языка с учетом исторического эволюционного аспекта в языке с идеографическим типом письменности. *Цель* работы заключается в выявлении лингво-семиотических характеристик минимальных значимых структурных единиц письменности языка и их порождающего потенциала в языках с идеографическим типом письменности. В соответствии с поставленной целью решаются такие задачи, как анализ теоретических подходов к проблеме выделе-

ния базовых исходных семиотических сущностей в языковом знаке, уточнение основных языковых единиц идеографического письма и возможности их разложимости, выявление эволюционного семиотического статуса предельных конститутивных единиц – графомонад и т. п.

1. Используемые методы и материал исследования

В исследовании используется комплексная методика анализа, включающая общенаучные методы анализа и синтеза, описание, классификацию, а также метод компонентного анализа, семного анализа, структурно-семантического анализа, методы анализа словарных дефиниций, контекстуального и интерпретативного анализа. Особая значимость придается методу моделирования для целей обобщения полученных результатов и схематизации монадно-модусного представления грамматики знаковой системы языка с идеографическим типом письменности. *Материалом* для исследования послужил корпус языковых знаков древнекитайского словаря «Шо вэнь цзе цзы» в количестве около 10 000 знаков, а также другие лексикографические источники по грамматологии китайской письменности.

2. Дискретность знаков словаря «Шо вэнь цзе цзы»

Принимая во внимание иерархичность как одну из особенностей

китайской письменности, представляется возможным вычленить в нем исходные конститутивные «монады» (а точнее, графомонады), так как именно иерархичность базовых элементов китайской письменности позволяет минимальным единицам языка порождать большое количество знаков. Функциональный статус исходных элементов, которые являются предельными, универсальными понятийными смыслами, проявляется в порождении и толковании других знаков языка.

С целью выделения таких семантически однородных минимальных элементов идеографической письменности, было рассмотрено около 10 000 знаков китайского языка, большая часть которых представлена в словаре Сюй Шэня 许慎 xǔ shèn «Шо вэнь цзе цзы» (说文解字 shuō wén jiě zì) (Объяснение простых и толкование сложных знаков) [许慎, 1978]. В данном словаре «впервые знаки идеографического письма были исследованы системно» [白兆麟, 2005, с. 161]. Знаки, выявленные на основе данного словаря, послужили основой корпуса выделенных графомонад [Шаравьева, 2018, с. 78].

Работа Сюй Шэня, несомненно, заложила основы изучения китайской письменности в системе, а также дала представление ученым того времени о структуре иероглифических знаков, рассматриваемых автором. Однако для наиболее пол-

ного понимания и трактования знаков Сюй Шэня необходимо было также обратиться и к другим трактовкам исследователей, посвященным вопросам этимологии знаков [董连池, 2000], [裘锡圭, 2002], [王宁, 1999], [邹晓丽, 1990].

Несмотря на то, что в «Шо вэнь цзе цзы» отсутствует какая-либо эксплицитно выраженная классификация, деление на простые знаки 文 wén и сложные знаки 字 zì (упоминаемые в названии 说文解字 shuō wén jiě zì), предположительно, существует: автор относит «ключи» к простым, а все остальные логограммы – к сложным знакам. Простейшие знаки представлены в словаре как *пиктограммы* «изобразительной» (象形字 xiàng xíng zì) и «указательной» (指示字 zhǐ shì zì) категорий.

Выделение минимальных предельных единиц, прежде всего, требует рассмотрения именно пласта лексики «вэнь» 文 wén, включающего в себя морфограммы и простые логограммы. С точки зрения Сюй Шэня, простые знаки «вэнь» в основном являются пиктограммами, в связи с чем их употребление в качестве пиктограмм невелико.

В связи с необходимостью обращения к этимологическому источнику каждого знака [富金壁, 2003], первый этап рассмотрения включал в себя определение гиперонимов знаков словаря (используя

отсылки Сюй Шэня), результатом которого явилось выявление знаков «вэнь» 文 wén, или «ключей» 部首 bù shǒu (они являются также морфограммами), среди которых, с нашей точки зрения, присутствуют и знаки со сложной структурой. Было рассмотрено около 10 000 знаков [Шаравьева, 2018, с. 78]. В процессе исследования был применен метод компонентного анализа, позволивший разложить значение иероглифов на минимальные семантические составляющие. Так, например, сложные знаки:

– 元 yuán восходит к 一 yī и 儿 wú, 儿 wú, в свою очередь, разделяется на 一 yī и 儿 ér, то есть семантические компоненты «один» и «человек».

– сложный знак «цзы» 討 tāo можно разделить на 言 yán «речь» и 寸 cùn «вершок», то есть простые знаки «вэнь»;

– 位 wèi состоит из двух составляющих, «вэнь» 亻 rén, боковая графема «человек», и 立 lì «стоять» и т. д.

Несмотря на то, что «вэнь», к которым Сюй Шэнь относит «ключи», – простые знаки, проведение грамматолого-семантического анализа последних выявило их сложную структуру, а также семантическую неоднородность. Большинство из них дискретны, часть из них повторяет друг друга. На следую-

щем этапе исследования происходит дальнейшее разложение сложных с точки зрения семантической однородности знаков, морфограмм, на минимальные элементы. Как, например:

– знак 寸 cùn «вершок», в период «малой печати» – , содержит компоненты 又 yòu «рука» и 一 yī «место измерения пульса на руке»;

– знак 立 lì «стоять», в период «цзягувэнь» – , включает в себя 大 dà «большой» и 一 yī «горизонт, земля»;

– знак 舌 shé «язык», в период «цзягувэнь» – , состоит из элементов 口 kǒu «рот» + 干 gān «вторгаться», а последний знак подразделяется на 一 yī и 十 shí «десять»;

– знак 音 yīn «звук» происходит от «言» yán «речь», в «цзягувэнь» представлен как и включает в себя компоненты «речь» и «рот».

Однако не все морфограммы Сюй Шэня дискретны и могут быть разложимы на минимальные элементы. Так, например, в знаках со значением «животные» невозможно выделить компоненты, в связи с тем, что отдельные элементы животных не употребляются в качестве самостоятельных знаков. Например, 虎 тигр, 鹿 олень, 马 лошадь, 象 слон и др.

3. Список выделенных графомонад

В результате было выделено 42 графомонады. Все знаки пиктографичны. Каждая графомонада обладает конкретным значением и представляет собой изображение целого понятия. Графомонада понимается как когнитивная минимальная значимая недискретная единица языка, характеризующаяся модусной валентностью и порождающая множество других знаков.

Графомонады включают в себя: Графомонады, связанные с изображением человека и частей его тела: 人 rén – человек, 又 yòu – рука, 耳 ěr – ухо, 口 kǒu – рот, 目 mù – глаз, 心 xīn – сердце, 自 zì – нос, 牙 yá – зуб, 止 zhǐ – ступня;

1. Графомонады, связанные с изображением животных или их шерсти: 牛 niú – корова, 羊 yáng – баран, 鼠 shǔ – мышь, 象 xiàng – слон, 马 mǎ – лошадь, 鹿 lù – олень, 兔 tù – заяц, 鱼 yú – рыба, 龟 guī – черепаха, 鸟 niǎo – птица, 虫 chóng – червяк, 毛 máo – шерсть;

2. Графомонады, связанные с изображением элементов устройства мира: 一 yī – один, начало, | gǔn – палка, 火 huǒ – огонь, 水 kuài – вода, 气 qì – воздух;

3. Графомонады, связанные с изображением окружающей природы: 中 chē – трава, 月 yuè – месяц, 日 rì – солнце, 竹 zhú – бамбук,

贝bèi – раковина, 厂chǎng – обрыв, 山shān – гора;

4. Графомонады, связанные с изображением вещей, предметов, часть которых используется человеком для тех или иных нужд: 几jǐ – столик, 臼jiù – ступка, 舟zhōu – лодка, 囱cōng – дымоход, 瓦wǎ – черепица, 车chē – повозка, 皿mǐn – посуда, 刀dāo – нож;

5. Графомонады, связанные с изображением пищи человека: 肉ròu – мясо [Шаравьёва, 2018, с. 78-79].

Графомонады, с точки зрения их структуры и семантики, являются неделимыми знаками. Для проведения грамматологического анализа данных знаков, необходимо было также обратиться к таким словарям, как [古代汉语虚词词典, 1999], [同源字典, 1999], [新华词典, 2001], [中国文字学故事大辞典, 1987], что позволило системно проанализировать знаки идеографического письма.

Некоторая часть вышеперечисленных знаков отражает конкретные явления и предметы окружающего мира, а также самого человека (и частей его тела), определяющие мировоззрение древних китайцев, не означивая отношения между этими вещами. Такие знаки не образуют модификаций внутри самого знака, они порождают новые знаки путем простого сложения

морфограмм, иначе говоря, – это знаки с *нулевой валентностью* (в рамках своей графической формы). Например, А. Ф. Кондрашевский относит к таким знакам – 上shàng, 下xià [Кондрашевский, 1995, с. 7], они фактически не образуют деривативных цепочек, однако не являются минимальными по своей структуре, дискретны, в связи с чем не могут быть причислены к графомонадам.

Другая часть вышеперечисленных графомонад могут образовывать дериваты путем выделения того или иного семантического признака и изменения всей графической оболочки знака, то есть обладают *потенциальной валентностью* и способны подвергаться модификации путем изменения внутри самого знака.

Такие элементы являются подлинными графомонадами и порождают большое количество новых знаков, формирующих множество графических единиц китайского языка.

4. Место графомонады в иерархии единиц китайской письменности

Графомонады занимают определенную позицию в иерархии единиц китайской письменной системы, что представлено на схеме 1.

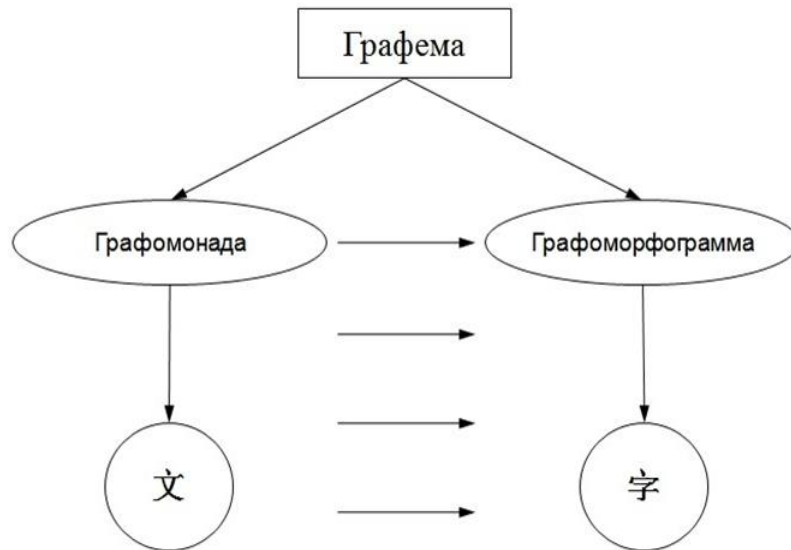

Схема 1. Графомонады в иерархии единиц китайской письменной системы

Графомонады, являясь первичными когнитивными единицами письменности идеографического письма, материальны и пиктографичны. Графомонады образуют простые знаки 文 wén «вэнь» и через них порождают сложные знаки 字 zì. Графомонады также могут порождать дискретные морфограммы, или графоморфограммы (учитывая их графический аспект). Недискретные морфограммы такие как 艹 chē «трава», 丨 gǔn «палка», 氵 kuài «вода» представляют собой значимые элементы логограммы (не могут самостоятельно

употребляться в языке), являясь в то же время и графомонадами. В данном утверждении отсутствует противоречие, так как в китайском языке «некоторые менее сложные единицы могут выступать как окказиональный случай функционирования более сложной единицы, но... в каждом случае это будут разные единицы по своей иерархической отнесенности, функциям и характеру» [Готлиб, 2006, с. 24]. Графоморфограммы, в свою очередь, образуют новые знаки 字 zì, являющиеся сложными по своей структуре и соотносящиеся с логограммами.

Заключение

Таким образом, графомонады являются имплицитными, но материальными знаками, а не семантическими кварками, которые, в понимании Ю. Д. Апресяна, представляют собой «реально существующие смыслы, никогда не материализуемые» [Апресян, 1995, с. 481]. На наш взгляд, их можно соположить с глубинными структурами модели порождающей грамматики, или, в трактовке А. Вежбицкой, семантическими примитивами лишь в некоторой степени, в связи с тем, что за основу принимается пиктографичность онтологически существующих знаков словаря. Графомонады достаточно стативны и гомогенны в своей частеречной отнесенности, являются конкретными существительными и обладают конечным смыслом.

Графомонада является носителем древнейших в эволюционном плане смыслов. К основным харак-

теристикам графомонады относится то, что она представляет собой двуаспектную единицу: с одной стороны, графомонада есть предельная, недискретная, значимая, единица языка, обладающая пиктографичностью; с другой стороны, она обладает потенциалом посредством определенных порождать новые знаки-дериваты. В связи с этим, предложенная схема характеризуется деривационной когерентностью, соотносительностью составляющих ее элементов структуры.

Таким образом, в языках с идеографическим типом письменности «семантические примитивы» моделируются на уровне соотношения внешней формы знаков и предельных глубинных смыслов, которые возводятся к древнейшим знакам языка. Данные графомонады – носители предельных смыслов – представлены в древнейших лексикографических источниках письменности китайского языка.

Библиографический список

1. Апресян Ю. Д. Избранные труды в 2 т. Т. 2. Интегральное описание языка и системная лексикография. Избранные труды. Москва : Школа «Языки русской культуры», 1995. 767 с.
2. Вежбицкая А. Семантические универсалии и базисные концепты. Москва : Языки славянских культур, 2011. 568 с.
3. Готлиб О. М. Основы грамматики китайской письменности. Москва : АСТ : Восток-Запад, 2006. 284 с.
4. Декарт Р. Сочинения в 2 т. Т. 1. Москва : Мысль, 1989. 654 с.
5. Кондрашевский А. Ф. Практический курс китайского языка: пособие по иероглифике. Москва : Муравей, 1999. 152 с.
6. Лейбниц Г. В. Сочинения в 4 т. Т. 1. (Философское наследие Т. 85). Москва : Мысль, 1982. 636 с.
7. Локк Дж. Сочинения в 3-х т. Т. 1. Опыт о человеческом разумении (Философское наследие Т. 93). Москва : Мысль, 1985. 621 с.

8. Шаравьёва И. В. Минимальные значимые единицы идеографического письма // Вестник БГУ. Язык. Литература. Культура. №2. 2018. Улан-Удэ: Издательство Бурятского ун-та, 2018. С. 77-80.
9. 董连池. 通释 说文不首形意. 东北师范大学出版社, 2000.
10. 古代汉语虚词词典/中国社会科学院语言研究所古代汉语研究室编. -北京: 商务印书馆, 1999.
11. 裘锡圭. 汉字学概要. 北京: 商务印书馆, 2002.
12. 同源字典/王力著. 北京: 商务印书馆出版社, 1999.
13. 王宁. 汉字应用通则 / 王宁, 邹晓丽. 春风文艺出版社, 1999.
14. 新华词典 / 商务印书馆辞书研究中心修订. 北京: 修订版商务印书馆出版, 2001.
15. 新著训诂学引论 / 白兆麟编著. 上海: 上海辞出版社, 2005. 4.
16. 训诂学说略 / 富金壁编著. 武汉: 湖北人民出版社, 2003.
17. 许慎. 说文解字, 北京, 1978.
18. 易可敬. 撰 说解今文字释, 1996.
19. 中国文字学故事大辞典 / 逸群. 成都: 科技大学出版社, 1987.
20. 邹晓丽. 基础汉字形义来源 – “说文”不首今读本义. 北京: 北京出版社, 1990.

Reference List

1. Apresjan Ju. D. Izbrannye trudy v 2 t. T. 2. Integral'noe opisanie jazyka i sistemnaja leksikografija. Izbrannye Trudy = Selected works in 2 v. V.2. Integral description of the language and systemic lexicography. Selected works. Moskva : Shkola «Jazyki russkoj kul'tury», 1995. 767 s.
2. Vezhbickaja A. Semanticheskie universalii i bazisnye koncepty = Semantiv universals and basic concepts. Moskva : Jazyki slavjanskij kul'tur, 2011. 568 s.
3. Gotlib O. M. Osnovy grammatologii kitajskoj pis'mennosti = Basic grammatology of Chinese writing. Moskva : AST : Vostok-Zapad, 2006. 284 s.
4. Dekart R. Sochinenija v 2 t. T. 1 = Works in 2 v. V.1. Moskva : Mysl', 1989. 654 s.
5. Kondrashevskij A. F. Praktičeskij kurs kitajskogo jazyka: posobie po ieroglifike = Practical course of the Chinese language: tutorial in hieroglyphics. Moskva : Muravej, 1999. 152 s.
6. Lejbnic G. V. Sochinenija v 4 t. T. 1. (Filosofskoe nasledie T. 85) = Works in 4 v. V. 1 (Philosophical heritage. V. 85). Moskva : Mysl', 1982. 636 s.
7. Lokk Dzh. Sochinenija v 3-h t. T. 1. Opyt o chelovečeskom razumenii (Filosofskoe nasledie T. 93) = Works in 3v. V.1 The experience of human's understanding (Philosophical heritage. V. 93). Moskva : Mysl', 1985. 621 s.
8. Sharav'jova I. V. Minimal'nye znachimye edinicy ideograficheskogo pis'ma = Minimal significant units of an ideographic type of writing // Vestnik BGU. Jazyk. Literatura. Kul'tura. №2. 2018. Ulan-Udje : Izdatel'stvo Burjatskogo un-ta, 2018. S. 77-80.
9. 董连池. 通释 说文不首形意. 东北师范大学出版社, 2000.
10. 古代汉语虚词词典/中国社会科学院语言研究所古代汉语研究室编. -北京: 商务印书馆, 1999.
11. 裘锡圭. 汉字学概要. 北京: 商务印书馆, 2002.

12. 同源字典 王力著 北京 商务印书馆出版社, 1999.
13. 王宁: 汉字应用通则/ 王宁, 邹晓丽 春风文艺出版社, 1999.
14. 新华词典/ 商务印书馆辞书研究中心(修订). 北京 修订版商务印书馆出版, 2001.
15. 新著训诂学引论/ 白兆麟编著 上海 上海辞书出版社, 2005. 4.
16. 训诂学论略/ 富金壁编著 武汉 湖北人民出版社, 2003.
17. 许慎 说文解字, 北京, 1978.
18. 易可敬 撰 说解今文字释, 1996.
19. 中国文字学故事大辞典/ 选群 成都 科技大学出版社, 1987.
20. 邹晓丽 基础汉字释义来源—“说文”不首今读本义 北京 北京出版社, 1990.

Т. Г. Кучина

УДК 82-14

<http://orcid.org/0000-0002-1837-8429>

Поэтика интертекстуальности в лирике Ербола Жумагулова

Для цитирования: Кучина Т. Г. Поэтика интертекстуальности в лирике Ербола Жумагулова // Мир русскоговорящих стран. 2020. № 1 (3). С. 69-76. DOI 10.20323/2658-7866-2020-1-3-69-76

В статье рассматривается цитатно-реминисцентная сфера произведений современного русскоязычного поэта из Казахстана Ербола Жумагулова. Уже названием первого сборника его стихотворений – «Ерболдинская осень» – демонстративно обозначен неразделимый и вечный «союз» современного автора и классика. Актуализация поэтических претекстов – устойчивая и весьма значимая черта поэтики Жумагулова. Его стихотворения отсылают читателя к разветвленной интертекстуальной сети, представленной произведениями О. Э. Мандельштама, А. А. Блока, М. Ю. Лермонтова, А. С. Пушкина и др. Поэтический язык Жумагулова – весь из маркированных лексических единиц: каждое слово помнит о своей поэтической истории, хранит следы предшествующих употреблений и коннотации, обретенные в «чужих» контекстах. На примере нескольких стихотворений поэта (наиболее подробно рассматривается «Бессонница. Абай. Пасутся табуны») показано, как взаимодействуют лексико-синтаксические компоненты в построении оригинальных авторских лирических сюжетов. История любви и разлуки «выговаривается» на языке пушкинской элегии, лермонтовской рефлексии и мандельштамовской мифопоэтики, и при этом в него органично встраивается лексикон «компьютерного века» – в результате «гугл» и «яндекс» мирно уживаются рядом с «горными сединами» и подругой «дней... суровых». Литературный фон произведений Ербола Жумагулова настолько разнообразен, что любое слово, кажется, можно взять в кавычки. На наш взгляд, это проявление важнейшей черты новейшей русской поэзии – ее подключенности к литературным токам классики.

Ключевые слова: Ербол Жумагулов, интертекстуальность, палимпсест, цитата, реминисценция, Абай, Шакарим Кудайбердиев, Мандельштам, каламбур, паронимическая аттракция.

T. G. Kuchina

Poetics of intertextuality in Erbol Zhumagulov's lyrics

The article deals with quotation reminiscent sphere of Erbol Zhumagulov's works. He is a Russian-speaking poet from Kazakhstan. His first collection of poems "Erboldinsky autumn" speaks about an inseparable "unity" of a contemporary author classic. The actualization of poetic pre-texts is the main feature of Zhumagulov's poetics. His poems are closely connected with a wide intertextual net which can be traced in the works of O. E. Mandelshtam, A. A. Block, M. U. Lermontov and

© Кучина Т. Г., 2020

A.S. Pushkin. Zhumagulov's poetic language is full of marked lexical units - each word so to speak remembers about its poetic origin, keeps traces of preceding usage and connotations which can be found in "alien" texts. On the example of some of his poems (Insomnia. Abay. Herds graze.) it is shown how lexico-syntactical components interact with each other and how they build ingenious author's lyrical plots. The story of love and parting is presented on the language of Pushkin's elegika, Lermontov's reflexion and Mandelstam's mythopoetics. Along with this one can come across "computer century" lexical units, "google" and "yandex" coexist together with "snow mountain hills" and a friend of "severe days". Literature background of E. Zhumagulov's works is so diverse that every word can be quoted. In our opinion, this is a manifestation of the most important trait of Russian poetry, its connection with classical literature.

Keywords: Erbol Zhumagulov, intertextuality, palimpsest, quotation, reminiscence, Abay, Shakarim Kudajbergiev, Mandelstam, pun, paranimic attraction.

О современной поэзии исследователи все чаще говорят как о филологическом дискурсе: «по мере развития поэтического языка <...> наблюдается тенденция к усилению метаязыковой рефлексии» [Лотман, 1981, с. 7]. Автореферентность поэтического текста (как ее понимают Э. Бенвенист [Бенвенист, 1974] и Г.-Г. Гадамер [Гадамер, 1991]), его сфокусированность на собственном бытии оказываются соотношены с актуализацией интертекстуальных связей. Когда у каждого слова есть поэтическая «биография», когда оно несет в себе следы предшествующих контекстов, когда оно мерцает то лермонтовскими, то блоковскими, то мандельштамовскими коннотациями, стихотворение начинает «выговаривать» те смыслы, о которых не обязательно подозревал и сам его автор. «Художественный текст, даже если он и воспроизводит имевшее место событие, не имеет своим референтом это событие. Референт художественного текста находится внутри текста, а не вне его и реконструируется чи-

тателем», – комментирует гадамеровское рассуждение о тексте, который «сам себя зиждет» [Гадамер, 1991, с. 142], Л. О. Чернейко [Чернейко, 2003, с. 15]. Тезис Ю. М. Лотмана о том, что смысл в текст не вкладывается, а им вырабатывается (текст «является не пассивным вместилищем, носителем извне вложенного в него содержания, а генератором» [Лотман, 1981, с. 8]), не потерял своей значимости и сейчас. Присутствие в новом тексте элементов текстов-предшественников (а всякое слово уже побывало в каком-либо контексте прежде, и всякий чуткий автор с хорошим поэтическим слухом обязательно расслышит фоновые «подголоски») ведет к тому, что лирические сюжеты все чаще рассказываются на разные голоса (хотя грамматически эти голоса могут быть отнесены к одному и тому же субъекту речи). Среди самых заметных мастеров «полигlossии» в русской поэзии рубежа XX–XXI вв. стоит выделить Льва Лосева, Тимура Кибирова, Ербола Жумагулова. На

рассмотрении цитатно-реминисцентного плана стихотворений младшего поэта мы и остановимся более подробно.

Лирические произведения русскоязычного поэта из Казахстана Ербола Жумагулова точнее всего, пожалуй, охарактеризовать при помощи понятия палимпсест; в них цитаты и реминисценции наслаиваются на двойные и тройные аллюзии, превращая текст в «сад расходящихся тропок», уводящих читателя в историю русской поэзии. В интервью и эссе Ербол Жумагулов называет своими учителями Пушкина, Мандельштама и Бродского, а из поэтов-современников выделяет в первую очередь Льва Лосева и Алексея Цветкова. Список персоналий, впрочем, легко расширить – векторы преемственности можно провести и от Блока, и от Ахматовой, и от Маяковского, присутствие которых ощутимо в лексиконе поэта: здесь едва ли не у каждого слова есть своя литературная история.

Так, начиная стихотворение «Неизбежное...» строчкой: «Пустая площадь. Бронзовый А. С.» [Жумагулов, 2005б, с. 91], Ербол Жумагулов апеллирует к лирическому сюжету «Юбилейного» Маяковского; «Бессонница. Абай. Пасутся табуны» [Жумагулов, 2007, с. 84] окликает Мандельштама и Абая Кунанбаева; «Тошнит от Шнитке. Скушнер надоел. / Дорял Рейн до середины тезки» [Жумагулов] уносит петербургских классиков к берегам Днепра, в литературные владения Гоголя. Готовность любого фраг-

мента текста в лирике Ербола Жумагулова обернуться цитатой (лишь поначалу не узнаваемой) сигнализирует о семантической активности слова: опорными лексемами стихотворения оказываются «поливалентные» единицы, несущие на себе отпечатки разнящихся предшествующих контекстов и легко образующие ассоциативные связи в новых сцеплениях. Например, «грядущее», «мышинная орава», «сор» (из которого рождаются стихи) задают пунктирную линию того метапоэтического сюжета, который будет записан поверх текстов Ахматовой и Бродского: «<...>внутри меня – мышинная орава / штурмует речь, при возгласе: “гряду- / щее”, тем самым оставляя / меня в ряду немеющих, в ряду / жующих звуки, все не пеняя / на сор душевный – почву для стихов» [Жумагулов, 2005а, с. 92]. При помощи цитаты поэтическая немота тематизируется (однако в трактовке темы Ербол Жумагулов ближе не к Бродскому, а к Алексею Цветкову [Кучина, 2013, с. 212-216]) – с тем чтобы подвести творца к неутешительному выводу: он обречен на то, чтобы писать о невозможности писать стихами («<...> Отравлено пространство безголосьем; / осталось лишь в ответ на “говори” / вплетать глагол в начавшуюся осень, / строчить, не поднимая головы, / о том, что нынче <...> / сотрудничество грифеля с бумагой / приводит к слову – мертвому, увы...» [Жумагулов, 2007, с. 84]).

Мир русскоговорящих стран

Еще более сложное взаимоналожение цитат и реминисценций находим в упоминавшемся стихотворении «Бессонница. Абай. Пасутся табуны». Приведем стихотворение полностью.

Бессонница. Абай. Пасутся табуны.
Я список лошадей прочел до середины.
Как бы ложилась ночь на горные седины,
блеща заржавленной фиксою луны.
Еще Кебек, шатаясь между юрт,
испытывал сердечный уют.

К чертям считать кобыл! Я вышел на балкон.
Тоска, как волкодав, вгрызается мне в горло.
Зачем, зачем я был четыре этих года
бездушным выскочкой и круглым дураком,
которому на плечи небеса
упали в ночь, когда его броса...?

Себя же самого ругая на чем свет,
суровых дней моих отважная подруга,
я спрашивал тебя у яндекса и гугла,
но ничего, увы, не получал в ответ.
Я тосковал. Потом был твой звонок.
И выбило планету из-под ног.

Я шепот бормотал, я громок был на крик,
гуманитарный сын компьютерного века.
Что счастье, думал я, для юного Кебека,
когда пожар внутри и далеко Енлик?
За молодость, любимая, теперь
ты – самая большая из потерь.

Теперь нам не до нас. Мне остается ждать,
не то в любовь, не то в возможность чуда веря.
Тягучее, как мед, течет куда-то время,
куда, куда, куда мне от него бежать?
Зима вокруг – теплее, чем всегда.
От счастья, как от снега – ни следа.

А подо мною, мглы накрытый полотном,
уставший от тоски и жизни одноногой,
стоит лицом к лицу с морщинистой дорогой
мерцающий фонарь, сутулясь, под окном.
Температура близится к нулю.
Фонарь горит. И я тебя люблю.

Синтаксис первого стиха, открывающегося узнаваемо мандельштамовской «бессонницей», заставляет вспомнить о Гомере, тугих парусах – и следом о Елене, Трое, ахейцах, тяжком грохоте моря и любви как универсальной движущей силе. Однако синтаксическое место «Гомера» у Жумагулова занимает «Абай» – просветитель, мыслитель XIX века, трудом которого создана казахская письменная литература. Строго говоря, для культуры кочевого народа Абай объективно то же, что Гомер для европейской, – «отец-основатель»; творчество обоих – точка отсчета в самосознании народа и краеугольный камень в истории искусства. Впрочем, можно предположить и иное объяснение, построенное на пропущенных ассоциациях, свойственных лирике Мандельштама: в попытке лирического «я» договориться с бессонницей – баю-бай, баю-бай – имя Абая возникает в силу паронимической аттракции. Обе версии, однако, не отменяют дальнейшего развертывания «степной» темы: в мандельштамовском сборнике «Камень» следом за стихотворением «Бессонница. Гомер. Тугие паруса...» идет «С веселым ржанием пасутся табуны...» – у Жумагулова контаминация цитат из двух разных текстов («Бессонница... Пасутся табуны») скреплена именем Абая.

Отметим попутно, что к теме бессонницы Ербол Жумагулов обращается не впервые – в более ран-

нем стихотворении из «Ерболдинской осени» он шел точно в фарватере мандельштамовского текста: «и бессонница город мой и гомер и шершавый от стирок флаг / и прочтённый мной список и клин и путём измождённый лоб / и ландшафт постоянно плывущий в надежде иных Итак / и ахейская кровь и агония вер в телемаков и пенелоп...» [Жумагулов, 2005в, с. 14].

Строчка Мандельштама в этом стихотворении Жумагулова словно бы обрастает подробностями, расширяется, сюжетно разрастается (в нее вплетен теперь и сюжет «Одиссеи» упоминаниями об Итаке и Пенелопе с Телемаком). Иначе – на акустической корреляции – построено обыгрывание бессонницы в стихотворении «Закат прожег пятно на ковролине...»: «Бессонница. Мне только бесы снятся. / И тем сильней я грустью увлечен, / чем наши судьбы далее дwoятся» [Жумагулов].

В мандельштамовском «оригинале» Гомер (культура), море (природа) и любовь связаны воедино («все движется любовью»: «Гомер молчит» – «море... подходит к изголовью») – в стихотворениях Жумагулова «бессонница» проговаривается о разделенности «я» и «ты» в любви и обостряет переживание одиночества. То же мы находим и в рассматриваемом тексте: чтение «списка лошадей» вовсе не отменяет трагичности love story, которую рассказывает поэт.

В первой строфе присутствуют и еще два подтекста, весьма значимые для развертывания основных смысловых линий стихотворения: «Как бы ложилась ночь на горные седины, / блеща заржавленную фиксою луны. / Еще Кебек, шатаясь между юрт, / испытывал сердечный неуют». Первый задан пейзажной вставкой. «Ложилась ночь на горные седины» – едва ли не архетипический образ для поэзии: у Пушкина он открывает элегическую историю о вечности любви («На холмах Грузии лежит ночная мгла»), у Лермонтова – о вечности смерти («Горные вершины / Спят во тьме ночной»). Обязательная лексическая доминанта ночного пейзажа – «мгла» – связывает стихотворение Жумагулова с пушкинским и лермонтовским («Тихие долины / Полны свежей мглой»), но перенесена в финальную строфу. Впрочем, у Жумагулова тихая торжественность классического пейзажа подправлена саркастической ухмылкой луны (отсюда переключка «заржавленной фиксы луны» и «бессмысленно кривящегося диска» из блоковской «Незнакомки»). Отметим попутно, что лермонтовское переложение «Ночной песни странника» («Wanderer's Nachtlied») Гете стало и частью казахской культуры – через посредничество Абая: именно ему принадлежит перевод лермонтовского стихотворения на казахский язык, именно он положил этот текст на музыку.

Второй подтекст актуализирован упоминанием о Кебеке – персонаже поэмы «Енлик-Кебек», написанной племянником Абая, Шакаримом Кудайбердиевым (издана поэма была в 1912 году, а в 1917 году совсем юный тогда Мухтар Ауэзов написал на тот же сюжет драму «Енлик-Кебек»). История Кебека и Енлик в стихотворении Ербола Жумагулова становится параллельной сюжетной линией к истории «я» и «ты». Кебек и Енлик – юные влюбленные, которые вопреки предсказанию старого мудреца (он предупреждает Кебека о гибели, причиной которой должна будет стать прекрасная девушка) и обычаям рода (родители Енлик уже подобрали ей богатого пожилого жениха) темной ночью убегают из аула. Счастье Кебека и Енлик было недолгим: за нарушение обычая они приговорены к казни. Скрытая сюжетная линия, поверх которой пишется история лирического «я» в стихотворении Жумагулова, привносит дополнительные трагические обертоны в рассказ о «самой большой из потерь». В сюжете Кебека и Енлик есть главное – подлинность любви. Сама их встреча была предначертана судьбой. Неполнота «я» без «ты» – тот общий мотив, который объединяет их историю и стихотворение современного поэта.

Не только лексический строй, но и синтаксис стихотворения Жумагулова постоянно напоминает о том или ином классическом образце: строки «Что счастье, думал я...»

приводят на память лермонтовские обороты из «И скучно и грустно»: «Что страсти? – ведь рано иль поздно...» или «Желанья!.. что пользы напрасно и вечно желать?..» Впрочем, и Блоку здесь найдется место: «Что счастье? Вечерние прохлады...» («Миры летят. Года летят. Пустая...»). Элегический повтор «куда, куда, куда мне от него бежать» незапланированно напоминает о предсмертных стихах Ленского («Куда, куда вы удалились, / Весны моей златые дни»). Литературный фон произведений

Ербола Жумагулова настолько широк и разнообразен, что любое слово, кажется, можно взять в кавычки, каждое тянет за собой шлейф коннотаций из предшествующих контекстов. На наш взгляд, это проявление важнейшей черты новейшей русской поэзии – ее подключенности к литературным токам классики, стремления окликать и откликаться, осваивать (даже полемически) и модернизировать тот поэтический язык, который и делает поэзию поэзией.

Библиографический список

1. Бенвенист Э. Общая лингвистика. Москва : Прогресс, 1974. 448 с.
2. Гадамер Г.-Г. Актуальность прекрасного. Москва : Искусство, 1991. 368 с.
3. Жумагулов Е. urbi et orbi // Дружба народов. 2005а. №6.
4. Жумагулов Е. ...Говори, раздвигая пространство словом // Дружба народов. 2005б. №6.
5. Жумагулов Е. Ерболдинская осень // Знамя. 2005в. №3.
6. Жумагулов Е. Закат прожег пятно на ковролине. Режим доступа: http://www.arba.ru/blog/erbol_zhumagulov/1267. (Дата обращения: 20.01.2020).
7. Жумагулов Е. Менингитное небо столицы // Континент. 2007. №132.
8. Жумагулов Е. Тошнит от Шнитке. Скушнер надоел. Режим доступа: http://www.arba.ru/blog/erbol_zhumagulov/1924. (Дата обращения: 20.01.2020).
9. Кучина Т. Г. Слова «живые» и «мертвые»: о метапоэтической проблематике лирики Алексея Цветкова / Т. Г. Кучина, А. С. Бокарев // Ярославский педагогический вестник. 2013. Т. 1 Гуманитарные науки. №4. С. 212-216.
10. Лотман Ю. М. Текст в тексте // Труды по знаковым системам. XIV. Тарту, 1981. С. 3-18.
11. Фатеева Н. А. Поэзия как филологический дискурс. Москва : Издательский дом ЯСК, 2017. 360 с.
12. Чернейко Л. О. Перцептивные парадигмы художественного текста // «Пушкинские чтения – 2002». Материалы конференции. Москва, 2003. С. 15-28.

Reference List

1. Benvenist Je. Obshhaja lingvistika = General linguistics. Moskva : Progress, 1974. 448 s.
2. Gadamer G.-G. Aktual'nost' prekrasnogo = Relevance of the beautiful. Moskva : Iskusstvo, 1991. 368 s.
3. Zhumagulov E. urbi et orbi // Druzhba narodov. 2005a. №6.

4. Zhumagulov E. ...Govori, razdvigaja prostranstvo slovom = Speak changing the space by means of words // Druzhba narodov. 2005b. №6.
5. Zhumagulov E. Erboldinskaja osen' = Erboldinskaya autumn // Znamja. 2005v. №3.
6. Zhumagulov E. Zakat prozheg pjatno na kovroline = Sunset burnt the spot on the carpet. Rezhim dostupa: http://www.arba.ru/blog/erbol_zhumagulov/1267. (Data obrashhenija: 20.01.2020).
7. Zhumagulov E. Meningitnoe nebo stolicy = Meningitis sky of the capital // Kontinent. 2007. №132.
8. Zhumagulov E. Toshnit ot Shnitke. Skushner nadoel = I'm sick of Shnitke. Skushner is boring. Rezhim dostupa: http://www.arba.ru/blog/erbol_zhumagulov/1924. (Data obrashhenija: 20.01.2020).
9. Kuchina T. G. Slova «zhivye» i «mertvy»: o metapojeticheskoj problematike liriki Alekseja Cvetkova = "Alive" and "dead" words: on metapoetic problems in Alexey Tsvetkov's lyrics / T. G. Kuchina, A. S. Bokarev // Jaroslavskij pedagogicheskij vestnik. 2013. T. 1 Gumanitarnye nauki. №4. S. 212-216.
10. Lotman Ju. M. Tekst v tekste = The text within the text // Trudy po znakovym sistemam. XIV. Tartu, 1981. S. 3-18.
11. Fateeva N. A. Pojezija kak filologicheskij diskurs = Poetry as a philological discourse. Moskva : Izdatel'skij dom JaSK, 2017. 360 s.
12. Chernejko L. O. Perceptivnye paradigmy hudozhestvennogo teksta = Perceptual paradigms of fiction // «Pushkinskie chtenija – 2002». Materialy konferencii. Moskva, 2003. S. 15-28.

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

Се Чжоу
С. А. Сосновцева

УДК 130.2
<https://orcid.org/0000-0001-8753-7182>
<https://orcid.org/0000-0001-9238-3034>

Два топоса в житнетворческой судьбе Игоря Северянина

Для цитирования: Се Чжоу, Сосновцева С. А. Два топоса в житнетворческой судьбе Игоря Северянина // Мир русскоговорящих стран. 2020. № 1 (3). С. 77-86. DOI 10.20323/2658-7866-2020-1-3-77-86

Игорь Северянин был гением места, времени и действия, он прекрасно уловил декадентские тлетворно-притягательные эманации, поймал пульс эпохи и стал очень скоро не только жить в его ритме, но и задавать его темп. Все это было в России и все внезапно изменилось в кульминационном для поэта 1918 году. Северянин оказался в Эстонии, вне родины, вне своего читателя, вне своего зрителя, без друзей и без обожавших его поклонниц. Северянин до эмиграции – «герцог Арлекинский», гривуазный менестрель, меняющий маски, Северянин эстонского периода творчества предстает в двух ипостасях: учителя, мудреца и дачника-рыбаря. Эти две ипостаси поэта не противоречили друг другу, так как именно поэт-пророк стоит на страже естественного, искреннего и простого «как день весны» дачника-рыбаря.

Ключевые слова: поэзия Игоря Северянина, футуризм, футуристы, словотворчество, поэтический театр Серебряного века, король поэзии, эстонский период творчества, темы и мотивы поэзии Северянина, ирония и травести Северянина, поэтическая маска, две ипостаси поэта.

CULTURAL SCIENCE

Xie Zhou, S. A. Sosnovtseva

Two toposes in Igor Severjanin's life-destiny

Igor Severjanin was the genius of place, time and action, he gracefully caught decadent corruptingly attractive emanations, the core of the epoch and started not only to follow its rhythm but set the pace. That all was in Russia and greatly changed for the poet in 1918. Severjanin turned out to be in Estonia, far from his Motherland, from his reader, viewer, friends and fans. Severjanin before the emigration – "duke Harlequin", frivolous minstrel, changing masks, the Severjanin of Estonian creative period has two sides: a teacher, a wise man, and a

© Се Чжоу, Сосновцева С. А., 2020

vacationer-fisherman. These two sides did not conflict as it was the poet-prophet who treated natural, sincere and obvious as "a spring day" of a vacationer-fisherman.

Keywords: Igor Severjanin's poetry, futurism, futurists, word-making, poetic theatre of the Silver Age, the king of the poetry, Estonian period of creative work, themes and motives of Severjanin's poetry, Severjanin's ironies and travesty, poetic mask, two sides if the poet.

Ананасы в шампанском, creme de violettes, мороженое из сирени, пухлые кайзерки, ароматный чай – эти гастрономические образы стали составной частью поэтической визитной карточки Игоря Северянина – певца с рек Суды, Невы и озер Эстонии.

Куртуазный, жеманный, салонный Игорь Северянин упивался своей виртуозной игрой столичного денди. Он был обласкан восторженными отзывами Федора Сологуба, Валерия Брюсова, восхищенными взглядами «поэзолюбок», был тайной литературной любовью Владимира Маяковского и поэтическим интересом Александра Блока. Северянин великолепно разыгрывал в своей поэзии десятых годов театр Серебряного века [Кошелев, 2007]. Герцогом Арлекинским назвал Северянина Корней Чуковский, тонко уловив в поэзии «менестреля» игровые мотивы комедии del' arte. Герцог Арлекинский с детства был воспитан на книгах, музыке и театре, его большой любовью была опера. Его предком был сам Карамзин: «Я верю, доблестный мой дед, Что я в поэзии историк, как ты в истории поэт». Поэтическая книга «Ананасы в шампан-

ском» утвердила за Игорем Васильевичем Лотарёвым имя Северянин.

Писать Лотарёв стал рано и был уверен в своем поэтическом успехе. Однако стихотворений 1905–1910 гг. Лотарёв стеснялся. Они наивны, неумелы, стилизованы под фольклорные песни и женскую сентиментальную лирику Мирры Лохвицкой. Но уже в них Игорь Лотарёв старается быть верным своему главному поэтическому принципу – быть предельно искренним. И даже герцог Арлекинский Северянин – маститый эгофутурист, грёзёр, отдавая дань этому принципу, пишет «интуитивными красками», а в поэтическом манифесте провозглашает: «душа – единственная истина». Он действительно искренне верил в свою поэтическую избранность, в свою народную коронованность и, безусловно, по-настоящему тяжело, трагически переживал не только в поэзии роль «царственного паяца»: «за струнной изгородью лиры рыдает царственный паяц». Его эпатирующие строчки «Я, гений Игорь-Северянин, // Своей победой упоен: // Я повсеградно оэкранен // Я повсесердно утвержден!», безусловно, искренни, полны молодого нахального задора и веры в себя. В десятые годы Северянин был гением

места, времени и действия, он прекрасно уловил декадентские тлетворно-притягательные эманации, поймал пульс эпохи и стал очень скоро не только жить в его ритме, но и задавать его темп. Все это было в России и все внезапно изменилось в кульминационном для поэта 1918 году (на вечере в Политехническом музее он был избран королем поэзии), Северянин оказался в Эстонии, вне родины, вне своего читателя, вне своего зрителя, без друзей и без обожавших его поклонниц.

Устроившись в дачном поселке Эст Тойла, Северянин пытается быть прежним герцогом Арлекинским. Однако атмосфера не та, нет столичной суеты, бомонда, не перед кем играть роль короля, да и не за чем, в информационном вакууме невозможно разыгрывать поэтический театр Серебряного века. Поэт вдруг осознает, что остался один, и что жизнь вернулась на круги своя. Он снова, как в детстве, окружен природой и простыми дачниками.

Через творчество Игоря Северянина протекают две реки и множество озер. Северянин родился в городе на Неве, на Гороховой улице, но детство свое провел в Череповецком уезде на речке Суде, впадающей в Шексну. Голубая река, лиловый бревенчатый дом, море майской сирени – детский поэтический мир Игоря Лотарёва, из которого он вынес любовь ко всему сиреневому, лиловому, голубому. Позднее, в десятые годы, эти поэтические цвето-

и звукообразы станут вычурными: мороженое из сирени, грез фиалковый фиал, боа кризантем бледно-бледно фиалково, шампанского в лилию. Именно дачная провинциальная, тихая, размеренная жизнь на речке Суде среди сирени и жасмина послужит прототипом страны Миррэлии в поэзии Северянина десятых годов.

Стихотворения Северянина о Миррэлии сквозным мотивом проходят через все его творчество десятых годов, и также объединены в одноименный цикл.

Между тем, в среде футуристов почти не встречались поэты, воспевающие ширь и бескрайность лесов, полей, деревенский быт с детской наивностью и чистотой. Пожалуй, кроме Игоря Северянина, можно назвать еще Василия Каменского, для которого природа родных прикамских лесов, или крымских берегов была не просто темой, а особенной жизненной средой, где ценностные величины – человеческая целостность, где звучит гимн и песнь личности, индивидуальности, естественности, раскованности чувств. Где по-детски, наивно и восхищенно раскрывается упоенное открытие Прекрасной Вселенной. Стихотворения Северянина, посвященные утопической Миррэлии, не отягощены вычурными неологизмами и прочими нововведениями в области стиха.

Утопия Миррэлии, созданная Северяниным, в отличие от его «эпатажных» стихов не была данью

моде. Здесь исчезал Северянин-эгофутурист. Мотив поэтизации природы Северяниным в его эгофутуристический период перекликается с поздними стихотворениями поэта простотой стиля, изящностью, красотой, а не «красивостью».

Стихотворения о Миррэлии наполнены восторгом, радостью, лучезарностью: «...Качает там лебеда слива, // Как символ восторгов любви... // Миррэлия! Как ты счастлива // В небывшем своем бытии!» («Увертюра»).

Такие поэты Северянина просты, в них минимум неологизмов, барочных образов, их стиль – классичен, а формы – традиционно восходят к романтической традиции баллады (позднесредневековой) или к сонетам. Среди множества баллад, написанных Северяниным, несколько лирических повествований о стране Миррэлии. Интересна «Баллада IX». В ней поэт не просто восхищается пейзажами утопического мира, а размышляет о причине своей любви к этому миру, страстному влечению к нему. В этом стихотворении светлая тоска, томление по выдуманной стране и множество риторических вопросов, вернее, повторов одного и того же вопроса: «Не оттого ль что ты вдали?».

В вынужденной эмиграции Северянин возвращается к себе – к Лотарёву, он уже не прячет свою наивность и ребячество за драматическими масками, он открыт и

естественен, и от стихотворения к стихотворению его лирический герой мудреет.

В эмиграции Северянин-поэт перерождается. Это отнюдь не означает, что с 1919 года изменяются сразу манера, стиль, поэтика. Эволюция поэтическая всегда требует эволюции мировоззренческой, аксиологической. Ю. Бабичева, Р. Куус отмечают, что в эмиграции лирика Северянина становится проще, легче, она не отягощена стилистическими изысками и очень хорошо вписывается в поэтическую традицию русской поэзии [Бабичева, 1991]. Все это так, но эмигрантская лирика поэта имеет свой генезис, и не сразу Северянин-«герцог Арлекинский» становится Северяниным-поэтом-рыбарем.

В Эстонии Игорь Северянин издает следующие сборники: в 1919 г. «Вервэну», в 1921 г. «Менестрель», в 1922 г. «Фея Eiole», в 1923 г. «Соловей», в 1931 г. «Классические розы» и в 1934 г. «Адриатику». Все это сборники стихотворений, а помимо них поэт в начале 40-х годов публикует еще и поэмы.

Первые четыре сборника можно назвать рубежными в творчестве Северянина. Поэт не только занят поиском себя, но и поиском своей поэзии. Темы и мотивы его поэзии остаются прежними: любовь, природа, женщина, обывательщина, Его-утверждение, судьба поэта и поэзии. Но изменяется стилистический градус его письма. Поэт про-

возглашает: «Чем проще стих, тем он мудрее...».

Поэт-эмигрант Северянин, действительно становится глубже, мудрее в своей стилистической простоте, так как живет он жизнью, которая «простотой своею глубока» («Хвала полям») [Северянин, 1991]. Его стихи – опозитивированная жизнь дачника-рыбаря, его поэзия становится «психобиографической» [Бабичева, 1991]. В «эстонских» стихах поэту важна не хвала своему «Я», а самопознание, открытие себя.

Предметом его иронии и пристального внимания становится его ранимое, чуткое, открытое миру природы и миру поэзии «Я». Началом этого трудного, глубокого самоопределения, самопознания поэта служит стихотворение «Самопровозглашение». Поэт горько осознает, что королевская порфира оставлена им в Москве, что переизбор не будет: «Не до того моей стране, – // Она в мучительном развале // И в агоническом огне» («Самопровозглашение») [Северянин, 1991].

Это стихотворение, и рубежное, и программное, так как Северянин не просто «отрекается от порфиры», а отрывается от маски Егегения, маски эпатирующей, игровой, игривой.

Мерилом всех и вся поэтических ценностей становится не прежняя толпа поклонников, вкусам которой поэт стремился пографить, которую эпатировал ее же системой ценно-

стей, а то истинное, вечное, самоценное, что живет «за струнной изгородью лиры».

Если раньше северянинские поэмы приводили в щенячий восторг юных барышень, видевших по своей глупости, наивности в «муаровых дамах», «Зизи», «грезэрках», «демимондэнках», – себя; если раньше они бредили такой же любовью, как в «Это было у моря», то уже в 30-х гг. их привлекала не лиричность, романтика, а феминизм, нигилизм, которыми они заразились на «высших курсах». Если в раннем творчестве поэт сочувствовал глупеньким принцессам и жалел Зизи, то в «эмигрантском» – он просто беззащитен перед агрессией, пустым высокомерием, пустынностью и ограниченностью дев «с улыбкой безлучностальной». И уже себя жалеет поэт, жалеет, что живет в такой эпохе, в которой «желудок святыню пограл, // Свои предъявляя права»: «Черствеют и девьи сердца, // Нет больше лиричности в них, – // Наряды, танцельки, жених... // Любовь – пережиток глупца» («Поэза нови прозаической») [Северянин, 1991].

Циничные, надменные, тупые барышни сменили воздушных, легких грезэрок, романтических даже в своей обывательщине. И потому так страшно поэту жить среди подонного «уродства», и потому исчезает ирония, шутовство.

Только безнадежный, пессимистичный Северянин мог травестировать образ дамы с собачкой –

своего любимого писателя Чехова. Чеховская героиня, хоть и не далека от ранних северянинских «муаровых дам», но все же в невинности своей, измене мужу целомудренна и способна на большое чувство. В «Поэзе о знаменитой даме» Северянин травестирует этот образ, дама с собачкой становится провинциальной сплетницей, грубой, развращенной мужем и картами. Круг ее тем для разговора: ярмарочная драка, «поэтесса, смеющаяся смело», измене мужа: «Кто это в спальне, раскрывши оракул, // Ищет, с кем муж изменяет: с полячкой // Или с жидовкой, // Чтоб грешную на кол? // – Знатная дама, дама с собачкой. // Ее день – это сплетни, карты и жвачка, // а также «белая ноша» – собачка».

Поэт не бесцельно травестирует чеховский образ. «Знатная дама» Северянина – это «измельченная, падшая, развращенная современница, это будущее чеховской «дамы с собачкой», ее портрет в старости.

Такова провинциальная дама – современница Северянина. Но ничуть не лучше, а даже хуже, развращеннее, пошлее «столичные девствующие дамы». Со злорадством пишет поэт о них: «Я вовсе не любитель охать // И ныть, но любо вспомнить зло // Их торжествующую похоть // И как их ею развезло. // Не любящих нравоученья // И презирающих мораль, // Я не могу без возмущенья // Их пакостную вспомнить саль» («В деревне») [Северянин, 1991].

Невозможно себе представить Северянина раннего с такой грубой лексикой. Северянин без эгофутуристической маски впадает в противоречие: с одной стороны, утонченный эстет, ценитель стиха, поэзии и всего поэтического, с другой стороны, – тойловский рыбак, позволяющий себе просторечия. Однако чарующе, искренно и глубоко звучит в поздней поэзии Северянина мотив женственности, а настоящая женщина, по убеждению поэта, это та, что «не позабыла Блока».

Вдали от Родины, среди чужих людей поэт становится раздражительным, нервным, у него уже нет сил на иронию, тем более, на самоиронию. Сарказм поэта грубый, тяжелый, нет былой утонченности. Поэт не использует эвфемизмов, часто раздражение достигает предела его возможностей, и тогда стих Северянина брызжет злобой, ненавистью.

Обывательщина бьет по глазам Северянина, режет ему слух. Поэту тяжело от праздного слоняющегося народа, от бездельников – полных ничтожеств: «Но нет непереносной боли- // Идти дорогой меж домов, // Где на скамейках в маттиоле // Немало «дочек» и «сынков»... // Скамейки ставят у калиток, // И дачники садятся в ряд; // Сидят и с мудростью улиток // О чем-то пошлом говорят» («Те, кого так много») [Северянин, 1991].

В этих строках открытое раздражение, нет иронии, сарказма. Тоска, тяготы бытовые, быт, заме-

няющий бытийность, становятся невыносимыми. Поэт же просто не в силах жить среди убожества, интеллектуального застоя.

Дачник Игорь Северянин, пересмотрев свое прошлое – легкомысленный фарс и игру, отрекается от «Арлекинии» и маскарада, превращается из Homo Ludens в Homo Simplicites, осознавая, что из эст-тойловской жизни его если и услышат, то только носителем правды, истины и обличителем.

Поэт – певец (с Северяниным это было в буквальном смысле слова), стремящийся к гармонии бытия, в 20-е годы находит ее не на эстраде, «А на лужайке у костра, // Не денег, а искусства ради».

Пересмотрев прошлое, в настоящем поэта влечет «.. лесок, где спят березки, // Петь соловьицы, как псалмы, // Петь, как умеем только мы: // Благоговейно, вдохновенно, // Переживая каждый слог. // О, жизнь, простая, как цветок, // Да будешь ты благословлена» («Забуду ль вас?») [Северянин, 1997].

Поэзия природного откровения Северянина, в противоположность утопической Мирэллии раннего творчества, имеет преимущество в подлинности рисуемых поэтом образов. Но уже в утопической Мирэллии проявляется стиль поздних северянинских поэт о природе. Стих их прост и ясен, легкий, глубокий и объемный. Он не скован неологизмами, не подчинен им, не страдает формализмом.

Северянин не жалеет красок, расписывая октябрь «бесснежный и туманный», голубизну и прозрачность бесчисленных эстонских озер, поля пшениц, сосновый бор и, конечно же, предмет своего увлечения – рыб, пойманных в озере. Поэт становится настоящим ихтиологом, он предоставляет читательскому вниманию целый список видов рыб от «розовых, блестящих форелей» до «Неприметного язя». Из рыбалки поэт делает чуть ли не культ, на страницах его сборников появляется философия рыбака-дачника: «удить на утренней заре» и до заката с «тростиночкой» – удочкой в руках. Если раньше поэт мечтал об идиллии, то теперь он живет в ней. Городу поэт противопоставляет природу, простые человеческие отношения, искренних, не лицемерных деревенских жителей и мещанский городской фокстрот «словесного недержания», утлую культурность: «У моря и озер, в лесах моих сосновых, // Мне жить и радостно, и бодро, и легко, // Не знать политики, не видеть танцев новых // И пить, взамен вина, парное молоко» («У моря и озер») [Северянин, 1991].

Поэту, который пишет о себе: «Доступность с простотой лежат в моих основах» претит псевдокультурность «фокстротной эпохи», ненавистен городской гнилой шум и гам, филистерская скука, и поэтому «Восемь лет он живет в красоте // На величественной высоте: «Нет здесь скуки, сводящей с ума:

// Ведь со мною природа сама. //
А сумевшие сблизиться с ней //
Глубже делаются и ясней» («На
земле в красоте») [Северянин,
1991].

В эстонской Тойле, вдали от Ро-
дины поэт обрел-таки себя, как бы
горьки и болезненны ни были его
страдания по России: «Я природой
живу и дышу, // Вдохновенно и
просто пишу. // Растворяясь душой
в простоте, // Я живу на Земле в
красоте!» («На земле в красоте»)
[Северянин, 1991].

Итак, все яснее перед нами вы-
рисовывается концепция поэта Се-
верянина 20–30-х годов. Если ран-

ний Северянин – «герцог Арлекин-
ский», гривуазный менестрель, ме-
няющий маски, то поздний Северя-
нин предстает в двух ипостасях:
учителя, мудреца и дачника-
рыбаря. Эти две ипостаси поэта не
противоречили друг другу, так как
именно поэт-пророк стоит на стра-
же естественного, искреннего и
простого «как день весны» дачни-
ка-рыбаря.

На новом витке своей замысло-
ватой жизни Северянин вновь стал
дачиком, но благосклонная Мне-
мозина оставила его потомкам как
«гения Игоря Северянина».

Библиографический список

1. Бабичева Ю. В. Аще не умрет // И. Северянин. Классические розы. Москва, 1991. С. 7.
2. Игорь Северянин глазами современников / Сост. В. Терехина, Н. Шубникова-Гусева. Санкт-Петербург : Росток, 2009. 576 с. (Неизвестный XX век).
3. Игорь Северянин. Царственный паяц : автобиограф. материалы, письма, критика : [сборник / сост., вступ. ст., коммент.: В. Н. Терехина, Н. И. Шубникова-Гусева]. Санкт-Петербург : Росток, 2005.
4. Исупов К. Г. Историко-бытовые архетипы в творческом поведении Северянина // О Игоре Северяnine. Череповец, 1987. С. 14–18.
5. Кошелев В. А. «Король поэтов Игорь-Северянин» // Литература. 2007. №10 (682).
6. Кузнецова Е. Поэтика пародийности в доэмигрантском творчестве Игоря Северянина // Russian literature. Amsterdam. 2018. N. 95. P. 33-62.
7. Никульцева В. В Словарь неологизмов Игоря-Северянина. Москва : Азбуковник, 2008. 379 с.
8. Сарычев В. А. Эстетика русского модернизма. Воронеж, 1991.
9. Северянин И. Классические розы. Москва, 1991.
10. Северянин И. Стихотворения. Москва, 1997
11. Терехина В. Н. Архивный базис научной биографии И. Северянина // Текстологический временник. Москва, 2012. Вып. 2.
12. Терехина В. Н. Русский футуризм: становление и своеобразие // Авангард в культуре XX века (1900–1930 гг.): Теория. История. Поэтика: В 2 кн. Москва, 2010. Т. 2. С. 139–207.

13. Терёхина В. Н. Экспрессионизм в русской литературе первой трети XX века: Генезис. Историко-культурный контекст. Поэтика. Москва : ИМЛИ РАН, 2009. 320 с.
14. Шумаков Ю. Пристать бы мне к родному берегу... Игорь-Северянин и его окружение в Эстонии. Союз славянских просветительных и благотворительных обществ в Эстонии. Таллин, 1992.
15. Эткин Е. Там, внутри. О русской поэзии XX века. Санкт-Петербург, 1995.
16. Marjorie Perloff The Futurist Moment: Avant-garde, Avant Guerre, and the Language of Rupture. The University of Chicago Press. 2003.
17. Markov V. F. Russian Futurism: A History (Russian History and Culture) Paperback. March 1. 2006.
18. Readings in Russian modernism. Культура русского модернизма. Статьи, эссе и публикации. Москва : Наука, 1993.

Reference List

1. Babicheva Ju. V. Ashhe ne umret = If will not die // I. Severjanin. Klassicheskie rozy. Moskva, 1991. S. 7.
2. Igor' Severjanin glazami sovremennikov = Contemporaries about Igor Severjanin / Sost. V. Terehina, N. Shubnikova-Guseva. Sankt-Peterburg : Rostok, 2009. 576 s. (Neizvestnyj XX vek).
3. Igor' Severjanin. Carstvennyj pajac = Igor Severjanin. Regal clown: avtobiogr. materialy, pis'ma, kritika : [sbornik / sost., vstup. st., komment.: V. N. Terehina, N. I. Shubnikova-Guseva]. Sankt-Peterburg : Rostok, 2005.
4. Isupov K. G. Istoriko-bytovye arhetipy v tvorchestvom povedenii Severjanina = Historically household archetypes in the creative behaviour of Severjanin // O Igore Severjanine. Cherepovec, 1987. S. 14–18.
5. Koshelev V. A. «Korol' pojetov Igor'-Severjanin» = The king of the poets Igor-Severjanin // Literatura. 2007. №10 (682).
6. Kuznecova E. Pojetika parodijnosti v dojemigrantskom tvorchestve Igorja Severjanina = Poetics of parody in preemigrant creative work of Igor Severjanin // Russian literature. Amsterdam. 2018. N. 95. P. 33-62.
7. Nikul'ceva V. V Slovar' neologizmov Igorja-Severjanina = Dictionary of neologisms of Igor-Severyanin. Moskva : Azbukovnik, 2008. 379 s.
8. Sarychev V. A. Jestetika russkogo modernizma = Aesthetics of Russian modernism. Voronezh, 1991.
9. Severjanin I. Klassicheskie rozy = Classical roses. Moskva, 1991.
10. Severjanin I. Stihotvorenija = Poems. Moskva, 1997.
11. Terjohina V. N. Arhivnyj bazis nauchnoj biografii I. Severjanina = Archival basis of scientific biography of I. Severjanin // Tekstologicheskij vremennik. Moskva 2012. Vyp. 2.
12. Terjohina V. N. Russkij futurizm: stanovlenie i svoeobrazie = Russian futurism: formation and originality // Avangard v kul'ture XX veka (1900–1930 gg.): Teorija. Istorija. Pojetika: V 2 kn. Moskva, 2010. T. 2. S. 139–207.

13. Terjohina V. N. Jekspressionizm v russkoj literature pervoj treti XX veka: Genesis. Istoriko-kul'turnyj kontekst. Pojetika = Expressionism in Russian literature in the first third of the 20th century: Genesis. Historical and cultural context. Poetics. Moskva : IMLI RAN, 2009. 320 s.
14. Shumakov Ju. Pristat' by mne k rodnomu beregu... Igor'-Severjanin i ego okruzenie v Jestonii. Sojuz slavjanskih prosvetitel'nyh i blagotvoritel'nyh obshhestv v Jestonii = If I could reach my native land... Igor Severjanin and his surrounding in Estonia. The union of Slavic educational and charity societies in Estonia. Tallin, 1992.
15. Jetkind E. Tam, vnutri. O russkoj poezii XX veka = There, inside. About Russian poetry of the XX century. Sankt-Peterburg, 1995.
16. Marjorie Perloff The Futurist Moment: Avant-garde, Avant Guerre, and the Language of Rupture. The University of Chicago Press. 2003.
17. Markov V. F. Russian Futurism: A History (Russian History and Culture) Paperback. March 1. 2006.
18. Readings in Russian modernism. Kul'tura russkogo modernizma. Stat'i, jesse i publikacii. Moskva : Nauka, 1993.

Н. Н. Летина

УДК 008(091)

<http://orcid.org/0000-0003-1884-7827>

**Формы мистического сектантства в художественной рефлексии
А. Блока (поэма «Возмездие»)**

Для цитирования: Летина Н. Н. Формы мистического сектантства в художественной рефлексии А. Блока (поэма «Возмездие») // Мир русскоговорящих стран. 2020. № 1 (3). С. 87-100. DOI 10.20323/2658-7866-2020-1-3-87-100

Основная цель статьи – обоснование специфического интеллектуально-художественного отклика А. Блока на характерную для русской культуры рубежа XIX–XX вв. интенцию поисков утраченной цельности посредством актуализации мистического сектантства в формах рода и семьи. Задачи: систематизация с культурологических позиций, выражений родовой и семейной проблематики в тексте поэмы «Возмездие»; обоснование роли и значения концептов «рода» «семьи» как форм поиска идентичности и соборности А. Блоком. Ход исследования носит дедуктивную логику и идет от общей постановки проблемы к последовательному анализу формы рода и семьи в тексте поэмы «Возмездие» в контексте индивидуального мифотворчества и житетворчества поэта. Выявлены репрезентативные в аспекте воплощения родовой и семейной образности произведения («Друг, посмотри, как в равнине небесной...», «Помнишь думы? Они улетели...», «Спустилась мгла, туманами чревата...», «Тихо. И будет все тише...», «Чем больней душе мятежной...», «Ни сны, ни явь», «Исповедь язычника. Моя исповедь», «Автобиография», переписка; определена манифестальная роль поэмы «Возмездие». Зафиксированы ключевые составляющие в интерпретации поэтом «рода» и «семьи» как форм мистического сектантства на индивидуальном и всеобщем уровнях. Выявлено, что основанием понимания концепта и мифологема «род» у А. Блока становится символизация соборного лица как локальной модели форм соборности (род, народ (русский), «избранный» народ, соборное человечество). Определены ключевые значения концепта «семьи» для А. Блока, включающие грани «своя семья», русская «дворянская семья», «старый (культурный) мир», символ аполлонического начала, символа России, хранительницы вечноженственного мистического начала. Раскрыт конфликт и основания эсхатологической драмы «возмездия», интерпретирован финальный крах предполагаемой А. Блоком теургической перспективы в контексте судеб собственных семьи и рода, России, человечества.

Ключевые слова: русская культура, рубеж XIX–XX веков, А. Блок, «Возмездие», соборность, синтез, теургия, мифотворчество, мистическое сектантство, род, семья.

© Летина Н. Н., 2020

N. N. Letina

**The forms of mystical sectarianism in artistic reflection of A. Block
(poem "Retribution" or "Vozmezdie")**

The main aim of the article is to give specific intellectually-artistic response of A. Block to a typical for Russian culture of the turn of XIX–XX century the intention to find lost integrity by means of actualization of mystical sectarianism in a form of tribe and family. Tasks: systematization from the point of view of culturological positions of tribal and family issues in the poem "Retribution" or "Vozmezdie"; justification of the role and meaning of such notions as "tribe" and "family" as a form of A. Block's searching of identity and collegiality. The research has a deductive logic and starts from a general setting of a problem to serial analysis of the form of a tribe and family in the text of the poem "Retribution" or "Vozmezdie" in the context of individual myth making and life making of the poet. The main representatives in the aspect of embodiment of tribal and family imagery of the poem, key ideas in the interpretation by the poet of "tribe" and "family" as the forms of mystical sectarianism both on the individual and universal levels are underlined. Core meanings of the notion "family" for A. Block are defined, which include such ideas as "your family", Russian "noble family", "old (cultural) society", the symbol of Apollonian start, symbol of Russia. The main conflict of drama "Retribution" or "Vozmezdie" is masterly revealed by A. Block.

Keywords: Russian culture, the turn of the XIX–XX century, A. Block "Retribution" or "Vozmezdie", collegiality, synthesis, theurgy, myth making, mystical sectarianism, tribe, family.

Заинтересованность А. Блока идеями эсхатологического движения человечества к спасительному единству оказалась соотнесена, с одной стороны, с общими поисками русской культурной элиты рубежа XIX–XX вв., прежде всего, – философией всеединства В. Соловьева и его последователей (П. Флоренский, С. Булгаков, Л. Карсавин и др.), с другой, – носила мифотворческий, индивидуальный и структурно сложный характер. Глубинную ущербность жизни современного ему человечества А. Блок видел в тотальной утрате цельности, приведшей к разобщенности лю-

дей. Одним из способов ее возврата в сознании и художественной практике поэта стало своеобразное «*мистическое сектантство*» (экстраполируем профессиональный термин русских миссионеров [Эткинд, 1998]). Одним из вариантов актуализации экстраординарного опыта мистического сектантства в творческом опыте Блока являются поиски целостной идентичности в формах *рода и семьи*.

Для Блока принадлежность к роду и семье значит очень много. Характерный для поэта «культ семьи» фиксировали и его современники (А. Белый, М. Бекетова,

К. Чуковский), и исследователи (Д. Максимов, В. Орлов, Ж. Нива). Родовая и семейная темы реализованы в его художественных произведениях и интеллектуальных рефлексиях. Среди репрезентативных примеров: стихотворные посвящения матери («Друг, посмотри, как в равнине небесной...»), «Помнишь думы? Они улетели...», «Спустилась мгла, туманами чревата...», «Тихо. И будет все тише...», «Чем больней душе мятежной...» и др.), поэма «Возмездие», «Ни сны, ни явь», «Исповедь язычника. Моя исповедь», «Автобиография», переписка). Автобиографический очерк (начат в 1909 г., закончен в 1915 г.) Блок предваряет и отчасти подменяет биографией членов своей семьи по материнской (детально) и отцовской (обзорно) линии, объем которой составляет более половины текста. К. Чуковский передает отзыв Блока о родственниках: «Очень большую роль они играли в моей жизни» [Чуковский, Т. 2, с. 391]. Будучи «весь в предках – и как человек, и как поэт» [Чуковский, Т. 2, с. 391], Блок предпринимает постоянные попытки осмыслить «большую роль» предков, рода и семьи в своей жизни. Наиболее значительная и масштабная из них осуществлена в поэме «Возмездие» (1910-1921 гг.).

«Возмездие» Блок изначально задумывает программным, манифестальным произведением, призванным продемонстрировать истинные законы развития рода и его пред-

ставителей [Блок, Т. 2, с. 272]. Эта демонстрация осуществляется Блоком на примере своего рода, который поэт представляет символической моделью «рода русского, живущего в условиях русской жизни» [Блок, Т. 2, с. 272]. Род же, если продолжить логику Блока, является символической моделью русского народа, и шире – избранного соборного человечества. Таким образом, основным содержанием мифологемы «род» у Блока является символическое обозначение соборного лица (род), которое являет локальную модель иерархии форм всеобщей соборности (род в традиционном понимании, русский народ, «избранный» народ, соборное человечество). Такое допущение, на наш взгляд, обосновано, поскольку воплощение «родовой» темы у поэта не ограничивается ни родственными, ни национальными рамками, ее онтический фундамент – «жизнь», также интересующая А. Блока, стремящегося «бесстрастной мерой измерить все, что видишь» [Блок, Т. 2, с. 274].

Впрочем, Блок исследует не «род» или «жизнь» в отдельности, а аспект их взаимодействия – «жизнь рода». «Род» локализует «жизнь» во времени, пространстве и объеме: «звено в единой цепи»; «короткий обрывок /.../ русской жизни» [Блок, Т. 2, с. 272]. Так возникает сложная мифологема «жизнь рода», которая включает в свою семантику и значение составляющих ее мифологем «жизнь» (динамический аспект без-

граничного бытия) и «род» (субъект жизни, соборное действующее лицо), а также обладает синтетическим семантическим наполнением. Общий смысл блоковской мифологии «жизнь рода» можно обозначить как *динамику, историю* (жизнь) *локализованного соборного бытия* (рода). Задача Блока по отношению к «жизни рода» заключается в выявлении характера, закономерностей и модели этой динамики. А. Блок решает эту задачу посредством субъективной суггестивной мифологизации, которую позиционирует как беспристрастное исследование («бесстрастной мерой измерить»), внушая мифологии «жизнь рода» тот смысл, который он усматривает в ней.

Этот смысл, по Блоку – *возмездие*. С одной стороны, возмездие является характеристикой и формой отношения «жизни», истории, мира к отдельному человеку, роковым воздаянием за индивидуализм существования: «мировой водоворот засасывает в свою воронку почти всего человека; от личности не остается и следа, сама она, если остается еще существовать, становится неузнаваемой, обезображенной, искаленной» [Блок, Т. 2, с. 272]. «Возмездие» есть своего рода кармический закон жизни, определяющий судьбу индивидуальности. Блок говорит о возмездии как о живой одухотворенной сущности, наделяет его категорией лица: в звуках *мазурки* ему слышится «голос Возмездия». А поскольку

мазурка в поэме предстает «лейтмотивом Возмездия», *музыкой*, которая в символистском сознании Блока есть голос Бездны, то, вероятно, в сочетании «голос Возмездия» / «лейтмотив Возмездия» «Возмездие» выступает в качестве коррелята «Бездны». Однако, на наш взгляд, «Возмездие» и «Бездну» Блок полностью не отождествляет. Возмездие – для него это, скорее, воля Бездны, вектор и качество ее направленной активности. Такое, олицетворенное и одухотворенное Возмездие у Блока корреспондирует с шопенгауэровской «Волей» и с античной категорией судьбы (ср. выражение Блока «колесо, движущее /.../ историю» с античным «колесо Фортуны», «колесо истории»). Таким образом, проблеме судьбы отдельной человеческой личности Блок решает в духе античного и шопенгауэровски-буддийского фатализма как результат предопределенности, ведущей к неизбежному возмездию и гибели. Возмездие оказывается персонифицированной волей Бездны, движущей «колесо истории».

Второй смысловой ракурс «возмездия» связан с переадресацией его роду: «род, испытавший на себе возмездие истории, среды, эпохи, начинает, в свою очередь, творить возмездие» [Блок, Т. 2, с. 272]. На примере своего рода и собственной семьи Блок моделирует процесс осуществления возмездия: «так было и с моей семьей» [Блок, Т. 2, с. 285]. Поэт мифологизирует исто-

рию своего рода, представляя ее как взаимодействие и борьбу двух интенций – «семьи» и «демона».

Смысловое наполнение блоковской мифологемы «семья» четко обозначить весьма непросто.

Во-первых, «семья» для Блока – это «своя семья», «свой мир». В этом ограничении семьи близкими поэту людьми важное значение играет образ «гостеприимного старого дома» [Блок, Т. 2, с. 286]. Рассмотрим подробнее, какую смысловую нагрузку он несет.

Образ дома в «Возмездии» имеет реальную прописку – «ректорский дом» Санкт-Петербургского университета на Васильевском острове. Здесь А. Блок родился («Я и родился в «ректорском доме»» [Блок, Т. 5, с. 67]), именно этот дом в буквальном значении слова он и имел в виду. Здесь кипит интеллектуальная, художественная и чувственная жизнь – собираются лучшие студенты А. Н. Бекетова, подруги и поклонники сестер Бекетовых, здесь музицируют, декламируют, танцуют, дискутируют. Но, главное – круг избранных да удостоенных понимает друг друга, как кажется герою поэмы. «Ректорский дом» – уютный, привычный, понятный, прочный своим соборным началом, объединил самых близких людей – родственников по материнской линии, исполненных любви, понимания, доверия.

При этом «дом» в контексте мифологемы «семьи» имеет двой-

ственную пространственную привязку: Петербург и Шахматово.

Эта двойственность проистекает из символического расширения конкретной топографической координаты. Дело в том, что сюжет поэмы «Возмездия» географически привязан главным образом к Петербургу – локализации вершащихся на территории России Апокалипсиса и Армагеддона. Петербург, с уже сложившемся и складывающимся «петербургским текстом», со всеми его богатейшими коннотациями, стал в «Возмездии» апофеозом эсхатологии, средоточием интеллекта, культуры и концентрации действия. И хотя место действия – конкретный «ректорский дом» в Петербурге, однако работает над поэмой (1910-1921 гг.) Блок главным образом в Шахматово (Клинский уезд Московской губернии) – «угол рая» А. Н. Бекетова. С Шахматовым связаны сильнейшие эмоциональные переживания и потрясения: детство, первые театральные пробы (Гамлет в любительском спектакле), поэтические и чувственно-мистические озарения («Стихи о Прекрасной Даме», «Нечаянная Радость», циклы «Родина», «На поле Куликовом»; «соловьевство»; знакомство и брак с Л. Д. Менделеевой (венчался 17.08.1903 г. в церкви Михаила Архангела села Высокое, погоста Никольское, близ Шахматова и Боблово)). Шахматово становится миром чувственной, в том числе, эротической и созерцательной природной

мистики, сопричастной вечноженственному началу Прекрасной Дамы и России, миром творчества, душевной гармонии. Неудивительно, что эмоционально именно с Шахматовым в сознании и творчестве Блока соотносятся мифологемы «дома» и «семьи». Когда в 1921 г. шахматовский дом сгорел, Блок воспринял это событие как точку в конце «старого мира», старой культуры, прежней России.

В этом синтезе душевности «блоковской Итаки» – Шахматова и духовности Петербурга, противостоящем и одновременно объятom апокалипсической Россией, первой онтологической «прорехой» в разверзающейся вселенной, и проявляется «семья» как «свой мир». Многие другие значения мифологемы вытекают из данного качества.

Во-вторых, семья для Блока – *русская «дворянская семья»* [Блок, Т. 2, с. 285], то есть, с одной стороны, семья, *типичная* для русской дворянской культуры XIX века, с другой – составная часть большой «дворянской семьи», дворянства в целом, поскольку «дворяне все родня друг другу» [Блок, Т. 2, с. 285].

В-третьих – «*старый* (культурный) *мир*», в котором еще живы дворянские («а в глубине души все та ж «княгиня Марья Алексевна») и позитивистские («дух естественных наук /.../ здесь был религии подобен») [Блок, Т. 2, с. 286]) ценности прошлого.

В-четвертых, «семья» у Блока является *символом аполлонического*

начала: семья – «нежданный, как цветок над бездной, очаг семейный и уют» [Блок, Т. 2, с. 287]; она, подобно «старинной ладье», противостоит давлению внешних стихийных сил. Точнее – дарит иллюзию спасения от стихии, иллюзию прочности бытия. Такое предназначение семьи Блок подчеркивал и раньше (в 1906 г. в статье «Безвременье»), рефлексирuя по поводу чувства «домашнего очага» [Блок, Т. 4, с. 21], ощущения непоколебимости, законности «нравов добрых и светлых», характерное как для семьи, так и для культуры в целом [Блок, Т. 4, с. 21]. Это качество семьи психологически корреспондирует с шахматовским эмоциональным фоном. Тем не менее Блок настаивает на иллюзорности этого чувства, поскольку оно «смаживает на сильную лекарственную дозу» [Блок, Т. 4, с. 21]. Семья и аполлонизм в сознании Блока сближаются именно как формы «бегства от хаоса» (выражение Л. Шестова).

В-пятых, «семья» есть *символ России* [Блок, Т. 2, с. 290].

В-шестых – хранительница вечноженственного мистического начала [Блок, Т. 2, с. 283].

Даже этот, безусловно, неполный перечень смыслов, заложенных Блоком в мифологему «семья», внушителен.

Хотя семантические нюансы мифологемы Блок и закрепляет за всеми членами семьи, *каждый* из них *наделен* в семье *особой функцией*. Глава семьи – «ректор уни-

верситета /.../ ботаник /.../ Бекетов» [Блок, Т. 2, с. 291] позиционирован как типичный человек сороковых годов, идеальный гражданин и просветитель, который и «поныне, / В числе людей передовых, / Хранит гражданские святыни, /.../ стоит на страже просвещения» [Блок, Т. 2, с. 287]. Блок здесь почти буквально воспроизводит характеристику деда, которую он дал в «Автобиографии»: «Дед мой, Андрей Николаевич Бекетов, ботаник, был ректором Петербургского университета в его лучшие годы. Вероятно, эта черта, обозначенная по-этом дважды, – *причастность просвещению и гражданскому служению* является для Блока определяющей в облике «главы семьи». По поводу хозяйки дома, Елизаветы Григорьевны, в «Возмездии» не сказано ничего существенного, в «Автобиографии» Блок характеризует ее в профессиональном плане – как хорошего компилятора и переводчицу научных и художественных произведений, а затем уже как человека со своеобразным мировоззрением [Блок, Т. 5, с. 69]. Блоку важно подчеркнуть *образованность, научную и культурную состоятельность* бабушки: «она была очень начитана и владела несколькими языками» [Блок, Т. 5, с. 69]. Таким образом, Блок подчеркивает *гражданственность, просвещенность и культурность* как характерные личностные черты старшего поколения. Эти черты не являются достоянием только

«старших», в совокупности они являются культурной матрицей, задающей парадигму семьи и обозначенную Блоком в формуле «семья моей матери причастна к литературе и к науке» [Блок, Т. 5, с. 67]. Однако – «жизнь старших близится к закату», их духовный и жизненный опыт – опыт «старого мира», «старой культуры», не адекватный жизни, в которую – «ветром новое врывается» [Блок, Т. 2, с. 286]. В «автобиографии» Блок специально указывает, что бабушка скончалась «ровно через три месяца после деда» [Блок, Т. 5, с. 71]. Вероятно временная близость ухода «старших» – деда и бабушки, старшего поколения семьи воспринималась Блоком как симптом, знак конца всего «старого мира».

Следующее поколение семьи – «три дочки», воспитанные соответственно укладу «дворянской семьи», несколько отличаются от поколения старших. Их интересы по-прежнему связаны с «литературой и наукой», но мировосприятие отличается сочетанием традиционных представлений с новыми веяниями, «каким-то новым двоеверием» [Блок, Т. 2, с. 286]. Старшая сестра, «чинная и стыдливая», хотя и не без порывов к новому (интересуется народничеством), все же представляет собой вполне традиционный тип *чувственной и чувствительной женщины-жены*, ей «по нутру /.../ томно забываться, склонясь у мужнина плеча» [Блок, Т. 2, с. 289]. Средняя сестра

(М. А. Бекетова, представленная в «Возмездии» средней сестрой, в действительности была младшей.) – тип *женщины-ученого*, с пытливым умом, которая «не ленился учиться» и учить других. Обе сестры остались где-то на границе между старым и новым миром, они – нечто промежуточное между старым и новым человеком, копия опыта старшего поколения. Они обычные люди, не представляющие для Блока интереса: «Они – «не моего романа»: / Им все учиться да болтать, / Да услаждать себя мечтами, / Но им навеки не понять / Тех, с обреченными глазами: другая стать, другая кровь» [Блок, Т. 2, с. 290].

Таким образом, мифосознание Блока в отдельных членах семьи персонифицирует различные функции (гражданственность, просвещение, либерализм, наука (глава семьи), литературность и образованность (хозяйка дома), традиционная женственность (старшая сестра), ум, тяга к знаниям (средняя сестра)), объединенные по принципу «причастности к литературе и к науке», то есть – культурной деятельности. В результате «семья» предстает культурным универсумом, чья жизнеспособность поддерживается соборным единением, собирающим качественно идентичные, однородные «звенья» (членов семьи) в цельную и монолитную «цепь» (род). Прочность существования этого соборного культурного универсума – «дружной семьи»

[Блок, Т. 2, с. 290], «рода», поддерживается опорой на предельно рационализированные аполлонические ценности (наука, искусство).

В дворянской «дружной семье», описанной в поэме, было и слабое звено – младшая дочь, женщина-ребенок, страстная, живая, цельная натура [Блок, Т. 2, с. 287]. Так мифологизировал А. Блок в поэме свою мать, А. А. Бекетову / Блок / Кублицкую-Пиотгух. В этом портрете есть один, крайне важный, штрих. Дело в том, что А. А. Бекетова была инфантильна, что особо подчеркивает в своих воспоминаниях М. А. Бекетова, но она не была младшей дочерью в семье. Это «омоложение» носит принципиальный характер, выражая качественную инаковость героини. В «Автобиографии» Блок указывал, что «только матери моей свойственны были постоянный мятеж и беспокойство о новом» [Блок, Т. 5, с. 72]. Мятежность, страстность, непосредственность и детскость природы «младшей дочери» свидетельствуют о ее причастности не только к аполлоническому, но и дионисийскому началу, основа ее духовного облика амбивалентна, она и «культурный» («дворянская девушка»), и «стихийный», природный человек. Сравнение с дочерью матери-России [Блок, Т. 2, с. 290]; «нежная» женственность, жертвенность, материнство как спонтанное творчество («и на руках лежит ребенок» [Блок, Т. 2, с. 299]) сближают ее образ с мифологемой *Вечной*

Женственности. Значимым качеством «младшей» дочери является *мистическая чуткость* («как бы даль найдя за далью, глядит внимательно, в упор» [Блок, Т. 2, с. 283]). Мать поэта – не героиня поэмы, а реальная женщина, А. Кублицкая-Пиотух, по воспоминаниям М. Бекетовой, «не раз говорила, что мир нереальный гораздо достовернее реального» [Бекетова, 1990, с. 135]. Мистицизм матери Блока отмечали многие современники (М. Бекетова, В. Ходасевич, К. Чуковский, Л. Блок). Е. Иванов обозначил мистический характер увлечений матери поэта: «Александра Андреевна – мистик духовный (и лицо у нее мистической сектантки), она все постигает не рассудком душевным, а в духе. Без духа ей беда» [Блоковский сборник 1 ... , 1964, с. 372]. Присущий или приписываемый матери поэта в жизни мистицизм передается ее образу в поэме и именно он обеспечивает мифологеме «семья» смысл хранительницы вечноженственного мистического начала и символа России. Именно «младшая дочь» становится объектом первого вмешательства стихийных сил Возмездия – «первого отбора». Напомним, что для А. Блока «характерно понимание стихии преимущественно как энергии, чья активность обычно проявляется в разрушении» и чье внедрение в мир осуществляется посредством воплощенных посредников [Летина, 2016, с. 161].

Отправной точкой проявления «возмездия» является приход «в дружную семью» Бекетовых отца поэта Александра Львовича Блока – «странного незнакомца». А. Блок плохо знал отца: «я встречался с ним мало, но помню его кровно» [Блок, Т. 5, с. 72]. Личность отца воспринималась поэтом творчески, была, в сознании Блока, «исполнена сложных противоречий, довольно необычна и мрачна. /.../ было что-то судорожное и страшное /.../ во всем душевном и физическом облике его» [Блок, Т. 5, с. 72]. В поэме его духовная сущность представлена посредством актуализации мифологемы «демона», демонической личности: «и вот – предвестием входит в семью – «демон» [Блок, Т. 2, с. 367]. Мифологема «демона» в произведении составляет оппозиционную пару мифологеме «семья» и имеет достаточно сложное смысловое наполнение. Попробуем, следуя логике Блока, его восстановить.

Во-первых, «демон» есть «первая ласточка «индивидуализма», то есть *персонификация индивидуализма*, принципа автономности личностного существования, противопоставленного соборному ладу «семьи». Во-вторых, «демон» – это «человек, похожий на Байрона» [Блок, Т. 2, с. 273]. Эта характеристика уточняет культурную генеалогию и типологию персонажа: он «неоромантическая личность», или, перефразируя Блока, человек, *похожий на романтическую личность*. Блок специфически исполь-

зует сравнение с Байроном, который на рубеже веков представлялся образцовым романтиком, персонаж же Блока «на Байрона /.../ походил, как брат болезненный на брата» [Блок, Т. 2, с. 292]. Романтика Байрона и неоромантика-демона сближали надменность, красота и тайная страстность, а отличало отсутствие у «демона» *воли*, притупленной «болезнью века, начинающимся *fin de siècle*» [Блок, Т. 2, с. 273]. Демон в «Возмездии» А. Блока также иронически оцененный скачущий *декадент*, «с душой, начавшей уставать» [Блок, Т. 2, с. 297]. При этом волевое начало в образе «демона», на наш взгляд, все же есть. Правда, это *воля* не есть качество самого «демона», она имеет своим истоком внешнее основание – Бездну, которая роковым образом делает героя своим орудием, орудием Возмездия.

Неоромантическая интерпретация демона дополняется скрытыми и явными цитатами из романтического и символистского контекста. В облике блоковского «демона» есть черты, сближающие его с Демоном Лермонтова и Демоном Врубеля, которых Блок считал «символами наших времен» [Блок, Т. 4, с. 155]. Это подчеркнутая *маскулинность* «демона». Это также *амбивалентность* его духовного облика: он, как и лермонтовский и врубелевский герои, «ни день, ни ночь, ни мрак, ни свет». «Демон» Блока не является персонификацией абсолютного зла, тьмы, как его

христианский прообраз – дьявол или его слуга, но он и не «светел» по своей природе, он – синтетичен, в его образе Блок вслед за Лермонтовым и Врубелем пытается примирить противоположные онтологические начала, демоническое (музыкальное, дионисийское) и ангельское: «за бурей музыкальной /.../ вдруг возникал /.../ какой-то образ – грустный, дальний, непостижимый никогда... и крылья белые в лазури, и неземная тишина» [Блок, Т. 2, с. 294-295]. Демону в поэме присущ и *эротизм*, характеризующийся в версии Блока «вампирственным» характером и садистским уклоном («демон» «будет пить живую кровь уже от ужаса – безумной, дрожащей жертвы» [Блок, Т. 2, с. 296]). Общим моментом является и *художнический иллюзионизм*, способность очаровать и обольстить иллюзией Тамару у Лермонтова, «младшую» дочь у Блока: «но чуждо, пусто, дико стало все, прежде милое, кругом – под этим странным обаяньем сулящих новое речей, под этим демонским мерцаньем сверлящих пламенем очей» [Блок, Т. 2, с. 295]. Демон Блока, как и Демон Лермонтова и Врубеля, *рефлексивен* – «отягчен сознанием». Но если рефлексия у Лермонтова и Врубеля есть постоянное, длящееся и экспрессивно окрашенное страданием состояние Демона, то рефлексия «демона» Блока перманентна, прерывиста и бесстрастна: «ум холодный, ум же-

стокий вступил в нежданные права» [Блок, Т. 2, с. 296].

Измельчавший, безвольный, надломленный неоромантический демон вторгается в семью. Эта бинарная оппозиция «демон» – «семья» может быть осмыслена и как более широкая дихотомия «индивидуализм – соборность», «дионисийское начало – аполлоническое начало», «мужское – женское», «стихия – культура», «возмездие – род».

По мысли Блока, в результате возмездия должен *родиться ребенок*: «в семью является демон, чтобы родить сына» [Блок, Т. 2, с. 296]. Формой возмездия оказывается *мистико-эротический синтез, священный брак* «демона» и «дворянской девушки», а также его *плод* – слияние разнородных начал, синтез индивидуализма и соборности, стихии и культуры. Блок актуализирует архетипические мотивы «священного брака» и особого «ребенка», восходящие к библейскому сюжету о Боговоплощении. Поэт требует: «пускай, наконец, герой воплотится» [Блок, Т. 2, с. 367] и непосредственно обращается библейскому образу Марии. Распределение ролей «демон» – «отец» – «дворянская девушка» (Блок подчеркнуто называет героиню то ребенком, то девушкой, акцентируя ее целомудрие, непорочность, девственность) с ребенком на руках – «мать» – «сын» зеркально отражает библейскую троичную модель: Бог-Отец – Мария – Бог-Сын (Иисус Христос). Однако смысловое наполнение

данного мифа у Блока полностью противоположно библейской версии: он описывает не благодатное Боговоплощение, не приход в мир Спасителя, но Возмездие – «демонновоплощение», рождение «сына Демона», «героя», по терминологии Блока, с точки зрения же христианского сознания – Антихриста.

Мифологема «сын» у Блока оказывается богатой смысловыми нюансами, в том числе такими, которые остались неосознанными самим Блоком. В интересующем нас аспекте соборности она связана с *примирением и слиянием в синтезе разнородных начал* – отцовского и материнского, дионисийского и аполлонического, стихии и культуры, мужества и женственности, рассудка и мистицизма. «Сын» в поэме фиксирует возможность *нового типа «личностной» соборности*, достижения полноты бытия посредством слияния в личности «сына» индивидуального (индивидуализм отца) и коллективного («старинное общественное миродержание» [Блок, Т. 2, с. 368] «семьи») начал, посредством рождения сверхличности. В поэме Блок не дает ответа о перспективах внедрения в мир новой антропомонической сущности сына («Что же дальше? Не знаю, и никогда не знал»), косвенным ответом может быть незавершенность «Возмездия». Ожидания теургического синтеза в «сыне», с которым самоидентифицируется Блок, обмануты, видения «будущего теургического

«нового мира»» [Летина, 2015] обманули. Поэт пытается найти выход в повторении сюжетного хода с «вторым отбором» и новым «младенцем», но замысел остается нереализованным. Символически, фатальную роль для теургического проекта мог сыграть провал теургического проекта собственного брака – смерть в младенческом возрасте сына Л. Блок, Дмитрия, по мнению З. Гиппиус, вместе с которым для А. Блока умерла надежда «прикоснуться к жизни» [Гиппиус, 1991, с. 22]. Демонический индивидуализм, который первоначально мыслился Блоком сосуществующим с соборным началом «семьи» в общей парадигме «рода», оказывается доминирующим. В результате, возмездие, которое род должен был принести миру, обрушилось на сам род, обернувшись репрезентацией мифа о родовом проклятии.

В «Возмездии» Блок эксплицирует свою идентичность с отцом и демонической, индивидуалистической парадигмой. При этом в жизни поэта ситуация развивается иначе. Отец просит Блока подписывать стихотворения «Ал. Блок» или «Александр Блок», чтобы не было совпадения с подписью «А. Блок», стоящей под научными публикациями А. Л. Блока. С отцом Блок «встречался мало», а с матерью он жил и ее считал самым близким человеком: «со многими схожусь в том или другом, с мамой во всем» [Блоковский сборник 1 ... , 1964, с. 22], такая саморефлексия указы-

вает на *отождествление* им своего духовного опыта с материнским. М. Бекетова, теть и биограф Блока, также отмечает поразительное сходство внутреннего мира Блока и его матери: «Александра Андреевна вложила в сына черты своей натуры. Мать и сын были во многом сходны. Повышенная впечатлительность, нежность, страстность, крайняя нервность, склонность к мистицизму и к философскому углублению жизненных явлений, – все это черты, присущие им обоим» [Бекетова, 1990, с. 62]. Необычная близость воспринималась современниками как чудо взаимного мистицизма: С. Алянский рассказывает, что ему довелось быть свидетелем мистического контакта между матерью и сыном, и он убедился, что, действительно, «Александра Андреевна и ее сын обладают способностью предвидеть какие-то события и на расстоянии чувствуют тревогу и волнение друг друга» [Алянский, 1969, с. 117]. Бекетова в цитированном выше высказывании, возможно, неосознанно формулирует и характерный принцип взаимоотношений Блока и Александры Андреевны – зависимость инфантильного сына от властной матери. Александра Андреевна, неоднократно лечившаяся в психиатрических клиниках, идентифицировала себя с сыном до полного смешения с ним, порываясь влиять на весь строй его жизни. Это вмешательство носило болезненный характер, *общий мистицизм* перерастал в

общую душевную патологию: «Ал. Андр. вообще имела свойство распространять вокруг себя тревожную атмосферу. /.../ По словам доктора Пекелиса, /.../ ее болезнь была такого же типа, как болезнь Ал. Ал.; он был поражен сходством того, что говорили ему сын и мать во время его докторских посещений» [Бекетова, 1990, с. 198-199]. Влияние импульсивной матери на сына было столь сильным и болезненным, что далекая от мистицизма Л. Блок трактовала его сугубо в психологических терминах: «мать, на границе психической болезни,

но близкая и любимая, тянула Блока в этот мрак» [Александр Блок ..., Т. 1., 1980, с. 138].

Таким образом, поиски соборности А. Блоком реализуются помимо прочего в актуализации мифологем «рода» и «семьи» как специфических форм мистического сектантства с перспективой теургического синтеза. Однако род и семья оказываются несостоятельны в решении как соборной, так и теургической задачи, формируя в сознании поэта драматические коллизии духовной и психической идентичности.

Библиографический список

1. Александр Блок в воспоминаниях современников. В 2-х тт. Москва : Художественная литература, 1980. Т. 1. 552 с. Т. 2. 527 с.
2. Алянский С. Встречи с Александром Блоком. Москва : Детская литература, 1969. 160 с.
3. Бекетова М. А. Воспоминания об Александре Блоке. Москва : Правда, 1990. 672 с.
4. Блок А. А. Собрание соч. : в 6-ти тт. Ленинград, 1980-1983. Т. 1. Ленинград : Художественная литература, 1980. 512 с.; Т. 2. Ленинград, 1980. 472 с.; Т. 3. Ленинград, 1981. 440 с.; Т. 4. Ленинград, 1982. 464 с.; Т. 5. Ленинград, 1982. 408 с.; Т. 6. Ленинград, 1983. 424 с.
5. Блоковский сборник 1. Труды Науч. конференции, посвященной изучению жизни и творчества А. А. Блока. Май 1962 / Под ред. Ю. М. Лотмана. Тарту : Тартуский гос. ун-т, 1964. 574 с.
6. Гиппиус З. Н. Мой лунный друг // Гиппиус З. Н. Живые лица. Стихи. Дневники. В 2-х тт. Тбилиси : Мерани, 1991. Т. 2. С. 7-36.
7. Летина Н. Н. Онтологические акценты рефлексии А. Блока // Верхневолжский филологический вестник. 2015. № 3. С. 144-150.
8. Летина Н. Н. Онтологические рефлексии А. Блока периода "Антитезы" и "Синтеза" // Верхневолжский филологический вестник. 2016. № 1. С. 160-165.
9. Чуковский К. И. Александр Блок как человек и поэт // Чуковский К. И. Соч. в 2-х тт. Москва : Правда, 1990. Т. 2. С. 390-497.
10. Эткинд, А. М. Хлыст. Секты, литература и революция / А. М. Эткинд. Москва : Новое литературное обозрение, 1998. 688 с.

Reference List

1. Aleksandr Blok v vospominanijah sovremennikov = Alexandr Block in memories of contemporaries. V 2-h tt. Moskva : Hudozhestvennaja literatura, 1980. T. 1. 552 s. T. 2. 527 s.
2. Aljanskij S. Vstrechi s Aleksandrom Blokom = Meetings with Alexandr Block. Moskva : Detskaja literatura, 1969. 160 s.
3. Beketova M. A. Vospominanja ob Aleksandre Bloke = Memories about Alexandr Block. Moskva : Pravda, 1990. 672 s.
4. Blok A. A. Sobranie soch. : v 6-ti tt. Leningrad, 1980-1983 T. 1 = Collection of works in 6 v. Leningrad, 1980-1983. V. 1. Leningrad : Hudozhestvennaja literatura, 1980. 512 s.; T. 2. Leningrad, 1980. 472 s.; T. 3. Leningrad, 1981. 440 s.; T. 4. Leningrad, 1982. 464 s.; T. 5. Leningrad, 1982. 408 s.; T. 6. Leningrad, 1983 – 424 s.
5. Blokovskij sbornik 1. Trudy Nauch. konferencii, posvjashhennoj izucheniju zhizni i tvorcestva A. A. Bloka = Collection of Block's works 1. Works of scientific conference devoted to the life and work of A. Block. Maj 1962 / Pod red. Ju. M. Lotmana. Tartu : Tartuskij gos. un-t, 1964. 574 s.
6. Gippius Z. N. Moj lunnyj drug = My moon friend // Gippius Z. N. Zhivye lica. Stihi. Dnevnik. V 2-h tt. Tbilisi : Merani, 1991. T. 2. S. 736.
7. Letina N. N. Ontologicheskie akcenty refleksii A. Bloka = Ontological accents of A. Block's reflection // Verhnevolzhskij filologicheskij vestnik. 2015. № 3. S. 144-150.
8. Letina N. N. Ontologicheskie refleksii A. Bloka perioda "Antitezy" i "Sinteza" = Ontological reflections of A. Block in "Antithesis" and "Synthesis" // Verhnevolzhskij filologicheskij vestnik. 2016. № 1. S. 160-165.
9. Chukovskij K. I. Aleksandr Blok kak chelovek i pojet = Alexandr Block as a man and a poet // Chukovskij K. I. Soch. v 2-h tt. Moskva : Pravda, 1990. T. 2. S. 390-497.
10. Jetkind, A. M Hlyst. Sekty, literatura i revoljucija = Whip. Sects, literature and revolution / A. M. Jetkind. Moskva : Novoe literaturnoe obozrenie, 1998. 688 s.

В. А. Гавриков

УДК 82-14
<https://orcid.org/0000-0002-7410-8714>

Песни Высоцкого о Великой Отечественной войне в контексте советской кинематографической историографии

Для цитирования: Гавриков В. А. Песни Высоцкого о Великой Отечественной войне в контексте советской кинематографической историографии // Мир русскоговорящих стран. 2020. № 1 (3). С. 101-112. DOI 10.20323/2658-7866-2020-1-3-101-112

В статье рассматриваются песни и стихи Владимира Высоцкого, посвященные Великой Отечественной войне. Поэт оценивает ее как важнейшее историческое событие, как героический подвиг советского народа. Вместе с тем, Высоцкий показывает войну в разных ее ипостасях: это и парадная героика и «непарадные» стороны, которые официальной историографией или замалчивались, или были выведены далеко на периферию. То есть Высоцкий создает своеобразную «энциклопедию войны», в которой показываются такие эпизоды Великой отечественной как участие в боевых действиях штрафников, заключенных, судьба беспризорников в войну, спившиеся ветераны, трагическая судьба героев войны-инвалидов и т.д. Эти необычные темы в статье сравниваются с советской кинематографической историографией. Показывается, что ряд остросоциальных тем, связанных с Великой Отечественной, поднимался и в советском кинематографе («Двадцать дней без войны», «Рабочий поселок», «Годен к нестроевой», «Зеркало для героя», «Они сражались за Родину», «Гу-га» и др.). Отмечается ряд сюжетных и субъектных пересечений между произведениями Высоцкого и советскими фильмами о войне или послевоенных событиях, некоторые из этих кинолент могли быть претекстами для произведений поэта. В статье также рассматривается система персонажей в военных песнях и стихах Высоцкого. Отмечается, что поэт стремился дать преимущественно обычного человека в необычных (экстремальных) условиях. Более того, субъектную концепцию Высоцкого можно назвать «апологией негероического героя»: некоторые персонажи выбиваются из общей армейской массы, однако за внешней «неказистостью» кроется героическая личность.

Ключевые слова: Владимир Высоцкий, Великая Отечественная война, песни о войне, фильмы о войне, советская историография, цензура.

V. A. Gavrikov

Vysotsky's songs about the Great Patriotic War in the context of soviet cinematic historiography

The article is dedicated to the songs and poems of Vladimir Vysotsky about the Great Patriotic War. The poet evaluates it as a major historical event, as the heroic feat

© Гавриков В. А., 2020

of the Soviet people. At the same time, Vysotsky shows the war in its different forms: official historiography was silent about some of these forms. Vysotsky creates a special "encyclopedia of war", which depicts the soldiers of the "penal battalions" participating in the hostilities and prisoners, street children during the siege of Leningrad, drunken veterans, disabled veterans living in poverty, etc. In the article, these unusual topics are compared with Soviet cinematic historiography. Soviet cinema also raised a number of acutely social topics related to the Great Patriotic War. The author of the article notes a number of plot and character intersections between the works of Vysotsky and Soviet films about the war or post-war events. Perhaps some of the films became material for the poet or coincide in the plot (these films: "Twenty Days Without War", "Worker Village", "Fit for Non-Combat", "Mirror for the Hero", "They Fought for the Motherland", "Gu-ga" and others). The article also discusses the system of characters in the military songs of Vysotsky. The poet sought to portray an ordinary person in extreme conditions. Moreover, Vysotsky's character concept can be called an "apologia for the non-heroic hero", who is a real hero.

Keywords: Vladimir Vysotsky, Great Patriotic War, war songs, war films, Soviet historiography, censorship.

Великая Отечественная война – исполинская тема русской культуры, но особенно значима она для того, кто сам стал свидетелем этих грандиозных и трагических событий. Таков был Владимир Высоцкий, явившийся в этот мир «по приказу от 38-го», детским оком увидевший войну и принявшим ее как личное, коренное событие, многое определившее в его судьбе (см. «Балладу о детстве»). Большое влияние на становление Высоцкого оказали его отец Семен Высоцкий и отцов брат – Алексей, оба фронтовики, да и вообще у поэта было немало знакомых, принимавших участие в той войне. От них Высоцкий наверняка узнал и о другой стороне войны – «непарадной».

О военной лирике Высоцкого, с одной стороны, написано немало [Зайцев, 2003а, 2003б; Кулагин, 2004; Ничипоров, 2002; Сычёв,

2005; Уварова, 1999; Фомина, 2001; Шевяков, 2006; Шуралев, 2001]. Уже в первой филологической статье о творчестве Высоцкого среди тем заявлена и военная [Кормилов, 1983]. Песни «военного» цикла упоминаются в первом фундаментальном научном труде о поэтике Высоцкого [Скобелев, 1991], а также в первом научном сборнике статей (например, этому вопросу частично посвящено следующее исследование: [Бердникова, 1990]). С другой стороны, в огромном массиве научных публикаций о творчестве и биографии Высоцкого процент работ о военных песнях весьма невелик. А уж исследований по теме, заявленной в заголовке настоящей статьи, и вовсе нет (по крайней мере, отыскать их не удалось).

Определяющим особый взгляд на войну мог стать интерес Высоцкого к жизни простого человека, к

его внутреннему миру, к его поступкам в критической ситуации. Собственно, сам поэт в межпесенных комментариях не раз говорил о своем стремлении дать человека в переломный момент его жизни, в ситуации риска, на пороге смерти. Перефразируя расхожее определение реализма, творческое кредо Высоцкого можно сформулировать так: «обычный или – реже – необычный человек в весьма необычных обстоятельствах».

Что же необычного может быть в судьбе простого солдата? Например, то, что он попал в штрафной батальон («Штрафные батальоны»), или то, что он выживает после расстрела («Тот, который не стрелял»). Или то, что, вернувшись домой, он обнаруживает измену жены – в его доме уже живет другой («Я полмира почти через злые бои...»). Подобные случаи, если так можно выразиться, «несистемны», некоторые и вообще – феноменальны, но и они часть великой истории, именно через них поэту удобнее видеть всеобщее – историческое и онтологическое: «...сама военная лирика – “песни-ассоциации”, как он их называл, – всем строем чувств близка современному человеку. Сознание соборности, всечеловеческой общности обращено не только к современникам, но и в глубину времени» [Скобелев, 2012, с. 58].

Поэтому по большому счету пафос Высоцкого был созвучен пафосу официального (если так можно выразиться – подцензурного) со-

ветского искусства. Другое дело – сама проработка темы: здесь поэт вторгался в те области, которые не было принято широко освещать, делать на них акцент: штрафники, беспризорники, воюющие зеки... При этом наибольшую известность получили другие произведения Высоцкого, скажем так, литованные: «Братские могилы», «Мы возвращаем Землю...», «Мерцал закат, как сталь клинка...», «Песня о новом времени» («Как призывный набат...»), «Аисты» («Небо этого дня...»), «Бросьте скуку, как корку арбузную...», «О конце войны» («Сбивают из досок столы во дворе...»), «Песня о звездах» («Мне этот бой не забыть ничем...»), «Сыновья уходят в бой» («Сегодня не слышно биенье сердец...») и др. На мой взгляд, в этих произведениях Высоцкий находится в русле того осмысления Великой Отечественной, каковое было свойственно официальному «дискурсу». Выйти за рамки «стандарта», по крайней мере – на большой сцене, было небезопасно, и Высоцкий это знал.

В этой связи показательна судьба фильма 1970 года, увидевшего свет с названием «Проверка на дорогах». Кинолента, впоследствии удостоенная целого ряда премий (в 1988 году – даже Государственной премии СССР!), поначалу была признана идеологически вредной и пролежала на полке 15 лет. А все дело в том, что главный герой – бывший предатель, пособник фашистов, который решил кровью

искупить свою вину. В итоге он героически погибает, выполнив сложное задание. Казалось бы: в чем тут крамола? Неужели человек, однажды оступившийся, навсегда проклят? Как видим, ответ на этот вопрос советская цензура дала недвусмысленный, и, если бы не Перестройка, фильм, наверно, так и не был бы выпущен в прокат. Высоцкий, который сам сталкивался с подобной ситуацией запрета (при жизни поэта так и не вышел на большой экран фильм «Интервенция»), конечно, должен был создавать и петь свои военные песни с оглядкой: не вся правда о войне могла быть принята «в высоких кабинетах». Но одно дело – публичное выступление, совсем другое – песни для узкого круга. Здесь пелись и песни, которые показывали Великую Отечественную с неожиданных ракурсов.

Например, у поэта есть мало исполнявшая композиция «Я полмира почти через злые бои...». Насколько мне известно, сохранилось лишь две записи этой песни, и, конечно, она не исполнялась в больших залах. Причина этого, вероятно, связана с самоцензурой: по сюжету ролевой герой возвращается с фронта в родной дом, где его ждет (точнее – не ждет) изменившая жена. В доме все переустроено на новый лад, новый хозяин «...все вещи в доме переставил моем / И по своему все перевесил» [Высоцкий, 2011, с. 557]. Герой находит в себе силы, если не простить, то по край-

ней мере уйти, не устроив скандала. Понятно, что речи о трусости и быть не может: человек прошёл войну – ему ли пугаться «нового хозяина»? Истинные мотивы солдата раскрывают такие слова: «Извините, товарищи, что завернул / По ошибке к чужому порогу» [Высоцкий, 2011, с. 557]. Ключевое слово здесь – «чужой»: если до этого момента дом называется своим, то после данной фразы он как бы отторгается от ролевого героя – превращается в чужой и враждебный мир.

Если попробовать подобрать «аналог» этому тексту в массовой советской культуре, то это будет, пожалуй, песня «Врагу сожгли родную хату» на стихи Исаковского; но здесь жена не дождалась, потому что погибла, а не потому что изменила. В этом разница двух позиций, в этом – грань разрешенного / неразрешенного (хотя, к слову, и песня на стихи Исаковского тоже была некоторое время под запретом – как «депрессивная», что тоже симптоматично). Справедливости ради отмечу, что измена жены солдату всё же мелькала – на советском киноэкране: эта тема раскрывается, например, в проникновенном монологе бойца, которого играет Алексей Петренко в фильме «Двадцать дней без войны». Но, во-первых, это уже маячил закат брежневской эпохи (1976 год), а во-вторых, то, что было дозволено «разрешенному» Константину Симонову, который написал сценарий к киноленте, вряд ли бы простилось

«запрещенному» Владимиру Высоцкому...

Обратим внимание и на текст «Чем и как, с каких позиций...» (<1966>), иногда это стихотворение называется по другой строке: «Реже, меньше ноют раны...» – и иначе датируется. В этом произведении звучит если не злая ирония, то, по крайней мере, обида за начальную стадию войны – бездарно проигранную. Вопрос: «Почему мы от границы / Шли назад, а не вперед?» [Высоцкий, 2011, с. 393] – кажется почти риторическим: всем известно, почему. Но далее следует косвенная ссылка на официальную позицию, мол, власть нередко цинично оправдывает свои провалы: «Может быть, считать маневром / (Был в истории такой), – / Только лучше б в сорок первом / Дратся нам не под Москвой!» [Высоцкий, 2011, с. 393].

Однако всё же срабатывает то общее приятие народного подвига, которое было свойственно всем военных песням и стихам Высоцкого. То есть несмотря на все неприглядные моменты войны поэт всё равно считает ее священной: «Мы как женщин боя ждали, / Врывшись в землю и снега, – / И виновных не искали, / Кроме общего врага» [Высоцкий, 2011, с. 392]. После чего следует несколько четверостиший о героизме и самоотверженности советских солдат, о народном горе, сплотившем страну. Однако Высоцкий то и дело возвращается к «непарадной» стороне войны, точ-

нее – послевоенного времени: «Долго будут по вагонам – / Кто без ног, а кто без рук» [Высоцкий, 2011, с. 393]. Слово «побираться» опущено, но и так понятно, что инвалиды делают «по вагонам». Завершающий пуант – прямая речь одного из калек: так Высоцкий в субъектном плане делает текст мерцающим, двоящимся – перед нами и авторское высказывание (лирический субъект, близкий биографическому автору), и «общий голос народа», и речь вагонного инвалида, просящего милостыню.

Здесь Высоцкий, как бы между делом, поднимает один из самых трагических и позорных моментов послевоенной жизни страны: по воле Сталина московских инвалидов войны, потерявших конечности, сослали на периферию. Часто фронтовики попадали в нечеловеческие условия, другие, способные передвигаться, вынуждены были скитаться и побираться, чтобы как-то выжить. К слову, в книге А. Б. Сёмина «“Чужие” песни Владимира Высоцкого» среди прочих представлен вариант композиции «Я был батальонный разведчик...», обработанный Высоцким, где ролевым героем выступает как будто инвалид войны. Перед песней поэт делает своеобразное вступление: «Братья, сестры! Подайте пострадавшему после Севастополя, Сталинграда, Керчи и Вятки!» А завершается композиция так: «Спасибо, граждане! Спасибо, девушка! Спасибо, молодой человек!.. Спа-

сибо, старик! А ты, падла с пистолетом – что не подаешь?!... Гадюка, сволочь – инвалиду, да?!...» [Сёмин, 2012, с. 48-49]. Правда, здесь уже не высокая трагедия, а скорее травестирование; но, вероятно, это издевка не над ветеранами-инвалидами, а над бойкими попрошайками, надевающими на себя «героический образ».

Кстати, перед нами возможный претекст и рассматриваемого стихотворения, и песни «Я полмира почти через злые бои...», хотя и решенный в иной эмоционально-экспрессивной тональности. По сути, в «Батальонном разведчике» та же сюжетная коллизия: герой войны возвращается домой с фронта, где узнает о неверности жены. Хотя в оригинальном тексте Высоцкого не сказано, что ролевой герой – инвалид, но он вполне может быть с каким-то увечьем или ранением, ведь его «санитарным везли эшелонам». Конечно, в культуре – сколько угодно текстов, повествующих о возвращении мужа из опасного путешествия и сталкивающегося с неверностью жены, но Высоцкий «Батальонного разведчика» исполнял не раз, поэтому этот текст был в его ближайшем ассоциативном багаже.

В «Песне про снайпера» главный «крамольный элемент» кроется в расширенном названии: «Песня про снайпера, который через 15 лет после войны спился и сидит в ресторане». Несколько раз она прозвучала на публичных выступлениях

(4 из 10 записей), ведь по тексту трудно понять, что речь идет о «спившемся снайпере», да и непонятно, ветеран ли это Великой Отечественной или нет. Кстати, тема пьющих фронтовиков появляется у Высоцкого не раз, здесь подспудно поднимается еще одна острая проблема: спивающиеся герои войны. По рассказам моего деда-фронтовика, «фронтовые сто грамм» – лишь условное обозначение немаленького количества алкоголя, который выдавался перед атакой, да и не только. Многие победители приходили с войны, имея серьезную алкогольную зависимость, и не все, к сожалению, с ней справлялись. У Высоцкого бывшие солдаты Великой Отечественной выпивают нередко, по сути, почти каждый текст о послевоенном бытии фронтовиков связан с распитием алкоголя. В этом контексте, помимо «Песни о снайпере», можно назвать произведения: «Охота на кабанов», «Случай в ресторане». К этому ряду, наверно, можно отнести и стихотворение «Экспресс Москва – Варшава...», где нет прямых указаний на выпивку, но можно предположить, что неразговорчивому майору-фронтовику язык развязал именно алкоголь.

Эта проблема, как ни странно, поднималась и в советском кинематографе: разумеется, в период Оттепели. Показателен фильм 1965 года «Рабочий поселок»: герой фильма Леонид в исполнении Олега Даля потерял зрение на войне. Вернув-

шись домой инвалидом, он не может найти своего места в послевоенной действительности, его терзает, как бы сейчас сказали, «депрессия»: Леонид начинает пить, не заботясь о том, что у него есть семья. У фильма счастливый и назидательный финал: из армии возвращается давний друг Леонида Григорий, который помогает товарищу вернуться к нормальной жизни.

Еще одна «непарадная» черта в песнях Высоцкого – видимая «иностродность» некоторых солдат в армейском обществе (апология «неформатного» героя). Например, композиция «Я помню райвоенкомат...» (1970) повествует о молодом человеке, который, на первый взгляд, малопригоден для ведения боевых действий, см. характерные фразы: «В десант не годен – так-то, брат...», «Тебя – хоть сразу в медсанбат» и т. д. [Высоцкий, 2011, с. 220]. Однако эта с виду негероическая личность оказывается вполне достойной, проявляет себя не хуже других.

Впрочем, в советской кинематографической историографии данный ход не выглядит чем-то необычным. Коллизия песни Высоцкого напоминает сюжет фильма «Годен к нестроевой» (1968), где главный герой Володя Данилин тоже поначалу кажется малопригодным для армии. Однако новобранец доказывает, что может приносить пользу (ср. у Высоцкого: «А из меня – такой солдат, как изо всех» [Высоцкий, 2011, с. 220]). Более

того, с сюжетом фильма совпадает даже такая деталь, как интеллигентский статус героя. Утонченный музыкант Володя Данилин очень похож на студента из песни Высоцкого, ср.: «...Шумит окопная братва: / “Студент, а сколько дважды два? / Эй, холостой, а правда – графом был Толстой?”» [Высоцкий, 2011, с. 220].

Похожий герой встречается в известной песне «Маленький трубач» (1967), написанной на слова С. Крылова. Правда, здесь тема «маленького человека» на войне предельно героизирована: персонаж не просто оказывается полезным армии, но и проявляет отвагу, то есть, несмотря на скромную внешность («Куда такой годится маленький? / Ну, разве только в трубачи»), оказывается истинным героем.

Вообще тема «неказистого» воина явно интересовала поэта. Навскидку вспоминается фрагмент из песни «Сыновья уходят в бой»: «Кто сменит меня, кто в атаку пойдет? / Кто выйдет к заветному мосту? / И мне захотелось: пусть будет вон тот, / Одетый во всё не по росту» [Высоцкий, 2011, с. 168]. Предположу, что к таким «неформатным» героям поэт испытывает даже больше симпатии, чем к традиционным «стальным» воинам, потому что последних сама природа наделила бойцовскими качествами, а первым приходится преодолевать себя, совершать коренное внутреннее переустройство, чтобы

соответствовать званию солдата. То есть перед нами некий реверанс в сторону классической русской литературы с ее вниманием к «маленькому человеку», только герой Высоцкого не жалости заслуживает, а восхищения. Именно в боях такой «безвидный» человек раскрывает лучшие свои качества: «Война для Высоцкого символизирует высший духовный взлет и высшую реализацию личности» [Уварова, 1999, с. 281].

Наверно, можно привести и другие примеры из советского искусства, когда изначально негероический облик героя оказывается обманчивым: за скромностью, внешней неказистостью прячется волевой или самоотверженный человек. Мне важно здесь то, что и песня «Маленький трубач», и фильм «Годен к нестроевой» появились в конце 60-х, а песня Высоцкого «Я помню райвоенкомат...» написана в 1970 году, то есть оказывается, как будто в русле общей традиции, и, возможно, навеяна одним из указанных мною источников.

Есть у Высоцкого некоторые, скажем так, нетривиальные ходы, которые вряд ли позволили бы себе официальные историография, литература, кинематограф... Например, соединить научную фантастику и Великую Отечественную. В НФ есть такой жанр, который условно называется «попаданцы»: о людях, выброшенных в другое время или пространство. Такой же необычный ход использует Высоцкий в стихо-

творении «Ожидание длилось...» (1973): перемещаясь в автомобиле на Запад, герой попадает в своеобразный «временной провал» – слышит разрывы снарядов и свист пуль, видит раненых бойцов в бинтах... Становится понятно, что он попал в годы Великой Отечественной. Вряд ли что-то подобное могло быть в советской, скажем так, официальной литературе или, допустим, кинематографии. Вспоминается разве что фильм «Зеркало для героя», но он снят уже после смерти Высоцкого, да и персонажи здесь, переместившись во времени, попадают в послевоенное время – конец сороковых.

Еще один нетривиальный для советского художественного контекста ход – соединить тему Великой Отечественной войны с церковной тематикой. Нельзя сказать, что эта тема была табуирована (пример: фильм «Они сражались за Родину», где герой Бондарчука молится в окопе), вся соль была в контексте – как подать: или как простительный пережиток прошлого, или как свидетельство о существовании потустороннего мира. У Высоцкого контекст оказывается «скользким»: в «Песне о погибшем летчике» («Всю войну под завязку...», 1975) пилот садится на «райском аэродроме». Похожий прием использован в «Песне летчика» («Их восемь – нас двое...», 1968), здесь появляются, по формуле Высоцкого, «Бог, Дух и Сын», а также Архангел, да и пилоты-

фронтовики просят стать ангелами-хранителями. Этот сюжетный ход, к слову, почти в точности повторяет «церковный» фрагмент из песни Михаила Анчарова «Баллада о парашютах» (1964). Тему «Высоцкий и Анчаров» в контексте военных песен глубоко раскрыл А. В. Кулагин, который, кажется, первым обратил внимание на переклички «Песни о погибшем летчике» и «Баллады о парашютах» [Кулагин, 2004, с. 30-31].

В «Песне о погибшем летчике» есть и еще один интересный момент, который как будто тоже выбивается из «официального контекста». Ролевой герой говорит: «Я кругом и навечно / виноват» перед своими погибшими соратниками. А заканчивается песня еще неожиданнее: «Ну а я приземлился, / А я приземлился, – / Вот какая беда...» [Высоцкий, 2011, с. 303]. То есть герой как будто сожалеет о том, что вернулся живым с войны! Впрочем, и этот нестандартный ход не есть изобретение Высоцкого: в 1966 году Твардовский пишет стихотворение: «Я знаю, никакой моей вины...», где звучат похожие мысли. Это сходство первым заметил тот же А. В. Кулагин [Кулагин, 2013, с. 192-193].

Еще одна интересная военная тема, которую поднимает Высоцкий, – судьба штрафников. Первые два десятка исполнений композиции «Штрафные батальоны» приходятся в основном на домашние концерты (есть еще пара студий-

ных) – срабатывает самоцензура. Однако примерно с конца 1966 года ситуация кардинально меняется: песня выносится на суд массового слушателя. Правда, этот факт не отменяет мою версию о «неформатности» данной песни: на публичных концертах Высоцкий очень часто приводит лишь ее фрагменты, оговаривая, что это композиция написана «для фильма», что она – ролевая, что ее там «поет инвалид моим голосом» (причем эти оговорки повторяются от концерта к концерту почти слово в слово). В советском кинематографе тема штрафных батальонов была табуирована. Конечно, я не могу ручаться, что, например, во время Оттепели она нигде не отражена («всплывала» же тема несправедливых гонений в отношении попавших в плен – см. фильм «Чистое небо», 1961). Мне удалось найти лишь один советский фильм о штрафниках: «Гу-га» (1989), но он снят уже тогда, когда цензуры практически не было.

Итак, подведем итоги. С середины 60-х, когда Высоцкий вышел на большую сцену именно как автор-исполнитель собственных песен, он уже писал их не только для своего ближайшего круга, но для гораздо более широкой аудитории. А значит, самоцензура вольно или невольно определяла и подход к разработке материала. Да и в целом с годами лира Высоцкого избавляется от налёта «дворовости», уходит из круга «хулиганских тем». Меняется

и военная лирика: она всё более приближается к советскому идеологическому «канону». Собственно, принципиальных разногласий в оценке Великой Отечественной у Высоцкого и официальной историографии практически не было – просто у поэта было желание создать песенную «энциклопедию войны 1941-1945 гг.»: показать большое историческое событие в его масштабности, многогранности,

подчас противоречивости. В 70-е г. «непарадный» облик Великой Отечественной реже встречается в песнях и стихах Высоцкого, социальная острота военной лирики «притупляется»: таких вещей, как «Я вырос в Ленинградскую блокаду...» (песня 1961 года о беспризорниках в войну) или «Нынче все срока закончены...» (песня 1964 г. о воевавших зеках), поэт уже не создает.

Библиографический список

1. Бердникова О. А. «Среди нехоженых дорог одна моя» (Тема судьбы в поэзии В. С. Высоцкого) / О. А. Бердникова, Е. Г. Мущенко // В. С. Высоцкий: Исследования и материалы. Воронеж, 1990. С. 52-65.
2. Высоцкий В. С. Собрание сочинений в одном томе. – Москва : Альфа-книга, 2011.
3. Зайцев В. А. Окуджаву. Высоцкий. Галич: Поэтика, жанры, традиции. – Москва : ГКЦМ В. С. Высоцкого, 2003а.
4. Зайцев В. А. Жанровое своеобразие стихов-песен Окуджавы, Высоцкого, Галича о войне // Вестник московского университета. Сер. 9. Филология. 2003б. № 4. С. 40-59.
5. Кормилов С. И. Песни Владимира Высоцкого о войне, дружбе и любви. Русская речь. 1983. №3. С. 41-48.
6. Кулагин А. В. «Все судьбы в единую слиты»: военная тема в поэзии В. Высоцкого // Русская словесность. 2004. № 6. С. 29-35.
7. Кулагин А. В. Поэзия Высоцкого: Творческая эволюция. 3-е изд., переработ. Воронеж : Эхо, 2013.
8. Ничипоров И. Б. Образы природного мира в стихах-песнях В. Высоцкого о войне // Природа: материальное и духовное: Тез. докл. Всерос. науч. конф. «Пушкин. чтения – 2002». Санкт-Петербург, 2002. С. 209-213.
9. Ничипоров И. Б. Военные баллады Владимира Высоцкого. Режим доступа: <https://www.portal-slovo.ru/philology/37214.php>. (Дата обращения: 24.10.2019).
10. Сёмин А. Б. «Чужие» песни Владимира Высоцкого. Воронеж : Эхо, 2012. С. 48-49.
11. Скобелев А. В. Владимир Высоцкий: Мир и Слово / А. В. Скобелев, С. М. Шаулов. Воронеж : МИПП «Логос», 1991.
12. Скобелев А. В. Наш Высоцкий: работы разных лет / А. В. Скобелев, С. М. Шаулов. Уфа : ARC, 2012.
13. Сычёв Б. П. Сыновья уходят в бой: Авторская песня. Тема войны в творчестве В. Высоцкого // Литература в школе. 2005. № 7. С. 41-44.

14. Уварова С. В. Сопоставительная характеристика военной темы в поэзии Высоцкого и Окуджавы // Мир Высоцкого: Исследования и материалы: Сб. науч. тр. Вып. 3. Т. 1. Москва. 1999. 279-286.
15. Фомина О. А. Средства выражения военной темы в поэзии Высоцкого Мир Высоцкого: исследования и материалы. Вып. 5. Москва. 2001. С. 204-209.
16. Шевяков Е. Особенности хронотопа в стихотворениях Владимира Высоцкого о войне / Е. Шевяков // Грехнёвские чтения: Сб. науч. тр. Вып. 3. Нижний Новгород, 2006. С. 161-165.
17. Шуралев А. «Все судьбы в единую слиты»: военная лирика В. С. Высоцкого // Литература в школе. 2001. № 3. С. 23-25.

Reference List

1. Berdnikova O. A. «Sredi nehozhenyh dorog odna moja» (Tema sud'by v poezii V. S. Vysockogo) = "Among the roads which have not been walked along jne is mine"(The topic of fate in V.S. Visotsky's poetry) / O. A. Berdnikova, E. G. Mushhenko // V. S. Vysockij: Issledovanija i materialy. Voronezh, 1990. S. 52-65.
2. Vysockij V. S. Sobranie sochinenij v odnom tome = Collection of works in one volume. Moskva : Al'fa-kniga, 2011.
3. Zajcev V. A. Okudzhava. Vysockij. Galich: Pojetika, zhanry, tradicii = Okudzhava. Vysotsky. Galich: Poetics, genres, traditions. Moskva : GKCM V. S. Vysockogo, 2003.
4. Zajcev V. A. Zhanrovoe svoeobrazie stihov-pesen Okudzhavy, Vysockogo, Galicha o vojne = Genre peculiarities of poems-songs of Okudzhava, Visotsky and Galich about war // Vestnik moskovskogo universiteta. Ser. 9. Filologija. 2003. № 4. S. 40-59.
5. Kormilov S. I. Pesni Vladimira Vysockogo o vojne, družbe i ljubvi = Vladimir Visotsky's songs about war, friendship and love. Russkaja rech'. 1983. №3. S. 41-48.
6. Kulagin A. V. «Vse sud'by v edinuju slity»: voennaja tema v poezii V. Vysockogo = "All fates are in one": war theme in V. Visotsky poetry // Russkaja slovesnost'. 2004. № 6. S. 29-35.
7. Kulagin A. V. Pojezija Vysockogo: Tvorcheskaja jevoljucija = Visotsky's poetry: Creative evolution. 3-e izd., pererabot. Voronezh : Jeho, 2013.
8. Nichiporov I. B. Obrazy prirodного mira v stihah-pesnjah V. Vysockogo o vojne = Images of nature in poems-songs of V. Visotsky about war // Priroda: material'noe i duhovnoe: Tez. dokl. Vseros. nauch. konf. «Pushkin. chtenija – 2002». Sankt-Peterburg, 2002. S. 209-213.
9. Nichiporov I. B. Voennye ballady Vladimira Vysockogo = War ballads of Vladimir Visotsky. Rezhim dostupa: <https://www.portal-slovo.ru/philology/37214.php>. (Data obrashhenija: 24.10.2019).
10. Sjomin A. B. «Chuzhie» pesni Vladimira Vysockogo = "Alien" songs of Vladimir Visotsky. Voronezh : Jeho, 2012. S. 48-49.
11. Skobelev A. V. Vladimir Vysockij: Mir i Slovo = Vladimir Visotsky: World and Word / A. V. Skobelev, S. M. Shaulov. Voronezh : MIPP «Logos», 1991.
12. Skobelev A. V. Nash Vysockij: raboty raznyh let = Our Visotsky: works of different years / A. V. Skobelev, S. M. Shaulov. Ufa : ARC, 2012.

13. Sychjov B. P. Synov'ja uhodjat v boj: Avtorskaja pesnja. Tema vojny v tvorčestve V. Vysockogo = Sons start the battle: author's song. The theme of war in V. Visotsky's works // *Literatura v shkole*. 2005. № 7. S. 41-44.

14. Uvarova S. V. Sopostavitel'naja karakteristika voennoj temy v poezii Vysockogo i Okudzhavy = Comparative characteristics of war theme in Visotsky and Okudzhava poetry // *Mir Vysockogo: Issledovanija i materialy: Sb. nauch. tr.* Vyp. 3. T. 1. Moskva. 1999. S. 279-286.

15. Fomina O. A. Sredstva vyrazhenija voennoj temy v poezii Vysockogo Mir Vysockogo: issledovanija i materialy = Methods of expressing war theme in Visotsky's poetry. Visotsky's world: researches and materials. Vyp. 5. Moskva. 2001. S. 204-209.

16. Shevjakov E. Osobennosti hronotopa v stihotvorenijah Vladimira Vysockogo o vojne = The heculiaritis of chronotope in Visotsky's poems about war / E. Shevjakov // *Grehnjovskie chtenija: Sb. nauch. tr.* Vyp. 3. Nizhnij Novgorod, 2006. S. 161-165.

17. Shuralev, A. «Vse sud'by v edinuju slity»: voennaja lirika V. S. Vysockogo = "All fates are in one": war lyrics of V. S. Visotsky // *Literatura v shkole*. 2001. № 3. S. 23-25.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Вильчинский Антон Сергеевич – студент I курса магистратуры по направлению «Международные отношения» факультета Международных отношений и международного права ФГБОУ ВПО «Дипломатическая академия Министерства иностранных дел Российской Федерации». 119034, г. Москва ул. Остоженка, 53/2, стр.1.

E-mail: vilchinskiy97@inbox.ru.

Гавриков Виталий Александрович – доктор филологических наук, профессор кафедры государственного, муниципального управления и управления персоналом Брянского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ. 241050, Брянск, ул. Горького, 18А.

E-mail: yarosvettt@mail.ru.

Зайцев Александр Владимирович – доктор политических наук, профессор кафедры философии, культурологии и социальных коммуникаций ФГБОУ ВО «Костромской государственной университет» 156005, Россия, г. Кострома, ул. Дзержинского, д. 17.

E-mail: aleksandr-kostroma@mail.ru.

Кучина Татьяна Геннадьевна – доктор филологических наук, профессор кафедры русской литературы ФГБОУ ВО «Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского». 150000, г. Ярославль, ул. Республиканская, д. 108/1.

E-mail: tgkuchina@mail.ru.

Летина Наталия Николаевна – доктор культурологии, доцент, профессор кафедры культурологии ФГБОУ ВО «Ярославский государственный педагогический университет». 150000, г. Ярославль, ул. Республиканская, д. 108/1.

E-mail: liotina@yandex.ru.

Ли Сяотао – доктор филологических наук, профессор факультета русского языка Института иностранных языков Юго-Западного университета. г. Чунцин, КНР. 400715, КНР, г. Чунцин, район Бэйбэй, ул. Тяньшэн, д. 2.

E-mail: lxt928lxt@163.com.

Никкарева Елена Викторовна – старший преподаватель кафедры журналистики и издательского дела ФГБОУ ВО «Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского». 150000, г. Ярославль, ул. Республиканская, д. 108/1.

E-mail: enikkareva@mail.ru.

Се Чжоу – доктор филологических наук, профессор, директор Центра по изучению русскоговорящих стран (ЦИРС) Юго-Западного университета при Министерстве образования КНР, декан факультета русского языка Института иностранных языков Юго-Западного университета г. Чунцин, КНР. 400715, КНР, г. Чунцин, район Бэйбэй, ул. Тяньшэн, д. 2.

E-mail: xiezhou1234@163.com.

Сосновцева Степанида Анатольевна – кандидат филологических наук, доцент ФГБОУ ВО «Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского». 150000, г. Ярославль, ул. Республиканская, д. 108/1.

E-mail: stepanida.vik@mail.ru.

Цзян И – доктор юридических наук, профессор Института России, Восточной Европы и Центральной Азии, Китайской Академии общественных наук (КАОН). 100007, КНР, Пекин, Чжан Цзычжун, улица №3.

E-mail: jiangyi@cass.org.cn.

Шаравьёва Ирина Викторовна – кандидат филологических наук, доцент Института филологии, иностранных языков и медиакоммуникации ФГБОУ ВО «Иркутский государственный университет». 664025, Иркутск, Иркутская обл., ул. Ленина, д. 8.

E-mail: nevergiveup81@mail.ru.

Эпштейн Виталий Анатольевич – кандидат социологических наук, доцент кафедры мировой экономики и международных отношений Института бизнеса и делового администрирования Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, 119571, г. Москва, Проспект Вернадского, д. 82-84.

E-mail: epshteinv@gmail.com.

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Vilchinskii Anton Sergeevich – 1st year master-course student of International relations department, International relations and international law faculty of Russian Federation Foreign Affairs Ministry Diplomatic Academy. 119034 Moscow, Ostozhenka st. 53/2, str. 1.

E-mail: vilchinskiy97@inbox.ru.

Gavrikov Vitaly Aleksandrovich – doctor of philological sciences in philology, professor of state, municipal management and personnel management department of Bryansk affiliate of Russian academy of national economy and state service at President of RF. 241050, Bryansk, st. Gorky d.18.

E-mail: yarosvettt@mail.ru.

Zaitsev Aleksandr Vladimirovich – doctor of political sciences, associate professor, professor of the department of philosophy, cultural studies and social communications, Kostroma state university. 156005, Kostroma, Dzerzhinsky street, 17.

E-mail: aleksandr-kostroma@mail.ru.

Kuchina Tatjana Gennagjevna – doctor of philological sciences, professor of Russian literature department of Yaroslavl State Pedagogical university named after K.D. Ushinsky. 150000, Yaroslavl, Respublikanskaya st., h. 108/1.

E-mail: tgkuchina@mail.ru.

Letina Natalya Nikolaevna – doctor of cultural studies, associate professor, professor of culture science department of Yaroslavl State Pedagogical University named after K. D. Ushinsky, 150000, Yaroslavl, Respublikanskaya st., h. 108/1.

E-mail: lietina@yandex.ru.

Li Xiaotao – doctor of philology, professor of the faculty of the Russian Language of the Institute of Foreign Languages of Southwest University. Chongqing, the People's Republic of China. Tiansheng road, № 2, Beibei district Chongqing Municipality, China, 400715.

E-mail: lxt928lxt@163.com.

Nikkareva Elena Viktorovna – senior lecturer of journalism and publishing of Yaroslavl State Pedagogical University named after K.D. Ushinsky 150000, Yaroslavl, Respublikanskaya st., h.108/1

E-mail: enikkareva@mail.ru.

Xie Zhou – doctor of philological sciences, professor, director of the center for Russian-Speaking Countries Studies (CRCS) in SWU at the Ministry of Education of the People's Republic of China, Dean of the Faculty of the Russian Language of the Institute of Foreign Languages of Southwest University in Chongqing, the People's Republic of China. Tiansheng road, № 2, Beibei district Chongqing Municipality, China, 400715.

E-mail: xiezhou1234@163.com.

Sosnovtseva Stepanida Anatoljevna – candidate of philological sciences, associate professor of Yaroslavl State Pedagogical University named after K. D. Ushinsky. 15000. Yaroslavl, Respublikanskaya st., h. 108/1.

E-mail: stepanida.vik@mail.ru.

Jiang Yi – doctor of in law, professor of institute of Russia, Central Asia and East Europe, Chinese Academy of Social Sciences (CASS). 100007, China, Beijing, Zhang Zizhong, Street №. 3.

E-mail: jiangyi@cass.org.cn.

Мир русскоговорящих стран

Sharavjova Irina Victorovna – candidate of philological sciences, associate professor of philology, Foreign languages and mediacommunication Institute, Irkutsk State University. 664025, Irkutsk, Irkutskaya obl., Lenin st. h.8.

E-mail: nevergiveup81@mail.ru.

Epshteyn Vitaly Anatolievich – candidate of sociological sciences, associate professor of the Department of World Economy and International Relations of the Institute of Business and Business Administration of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, 119571, Moscow, Vernadsky Avenue, 82-84.

E-mail: epshteinv@gmail.com.

**УСЛОВИЯ ПУБЛИКАЦИИ СТАТЬИ В НАУЧНОМ ЖУРНАЛЕ
«МИР РУССКОГОВОРЯЩИХ СТРАН»
И ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ РУКОПИСЕЙ**

Компьютерный набор рукописи статьи на русском или английском языках, предназначенной для публикации в научном журнале, должен строго соответствовать следующим требованиям.

1. Одна страница текста формата А4 должна содержать не более 1900 знаков с учетом пробелов;

2. Поля: верхнее – 2 см, нижнее – 2 см, левое – 2,5 см, правое – 1,5 см; от края до колонтитула: верхнего – 2 см, нижнего – 2 см; абзацный отступ – 1,0; гарнитура Times New Roman; кегль 14; интервал 1,5.

3. Электронный вариант статьи выполняется в текстовом редакторе Microsoft Word и сохраняется с расширением doc.

4. Рукопись должна быть выполнена в соответствии со следующими критериями:

4.1. Индекс УДК.

4.2. Отрасль науки и шифр специальности, по которым написана статья (23.00.02 – Политические институты, процессы и технологии, 08-00-05 – Экономика и управление народным хозяйством (региональная экономика), 13.00.01 – Общая педагогика, история педагогики и образование, 13.00.05 – Теория, методика и организация социально-культурной деятельности, 13.00.08 – Теория и методика профессионального образования).

4.3. Сведения об авторе: Ф. И. О. автора (в том числе и в транслитерированном виде), контактный мобильный телефон, e-mail; ученая степень и звание, место работы (полное официальное название организации) и должность, адрес организации с индексом.

4.4. Название статьи на русском и английском языках.

4.5. Аннотация

– должна быть написана на русском и английском языках;

– должна содержать описание основных целей и задач исследования; в общих чертах, без углубления в детали, описывать ход проведения исследования;

– содержать описание наиболее значимых результатов исследования с указанием на их важность;

– в аннотации не должно быть ссылок на литературу и специальных аббревиатур; не должны повторяться сведения, содержащиеся в заглавии;

– в тексте аннотации следует употреблять значимые слова и словосочетания из основного текста статьи;

– текст должен соответствовать всем нормам и правилам соответствующего языка и не содержать стилистических, грамматических, орфографических и пунктуационных ошибок;

– объем каждой аннотации должен составлять от 210 до 250 слов.

4.6. Ключевые слова – не менее 7 и не более 12 (на русском и английском языках).

4.7. Идентификационный номер автора в ORCID.

4.8. Текст статьи.

4.9. Библиографический список (указывается в алфавитном порядке)

Библиографические ссылки на использованные источники необходимо указывать в тексте заключенными в квадратные скобки (например, [1], или [1, с. 27], или [1, с. 27-48]), Библиографический список должен быть оформлен по ГОСТу Р 7.0.100-2018. «Библиографическая запись. Библиографическое описание. Общие требования и правила составления» сплошной нумерацией, 14 кеглем, через 1,5 интервала и размещен после текста статьи. Каждый

источник, указанный в списке литературы, должен иметь ссылку в тексте. Редакция будет отдавать приоритет статьям, соответствующим следующим условиям: количество ссылок должно содержать не менее 25 наименований, не менее 20 источников за последние 3 года. Ссылки на свои работы – 10 %. Ссылки на источники на иностранном языке – не менее 50 % приветствуется. Во всех источниках должны быть проставлены: страницы, год выпуска, город и издательство.

5. Примечания и постраничные сноски в статье не допускаются!

6. Таблицы, схемы, диаграммы, гистограммы должны быть оформлены в контрастной шкале серого цвета. Для рисунков используется gif-формат. Редакция не улучшает качества рисунков и не производит исправления ошибок, допущенных в рисунке. Каждый рисунок, таблица, схема должны иметь порядковый номер, название и объяснение всех условных обозначений. Все графы в таблицах должны быть озаглавлены. При обнаружении ошибок в рисунке, схеме, таблице редакция оставляет за собой право на удаление рисунка и текста, имеющего к нему отношение. Под таблицами и рисунками необходимо указывать источник, из которого взят рисунок или таблица (например: автор, книга, журнал и т. д.).

7. Единицы измерения приводятся в соответствии с международной системой единиц (СИ).

8. Если статья написана на основе эксперимента, то ее необходимо оформить следующим образом:

- введение;
- обзор литературы;
- методы исследования;
- результаты и дискуссия;
- заключение;
- благодарности;

Рукопись, предназначенная для публикации, будет принята к рассмотрению ре-

дакцией только в случае получения по почте заполненного и подписанного лицензионного соглашения в двух экземплярах (форма размещена на сайте).

Объем статьи должен быть не менее 10 страниц и не превышать 20 страниц текста формата А4, набранного в соответствии с вышеупомянутыми требованиями.

Если присланные материалы не отвечают хотя бы одному из выше перечисленных требований, а также в том случае, если файл статьи заражен компьютерным вирусом, редакция не будет рассматривать статью к публикации.

Статья в журнал проходит рецензирование и получает рекомендацию двух членов редакционной коллегии и передается с рецензиями редактору журнала для включения статьи в номер журнала, содержание которого утверждается на редколлегии. Редакция оставляет за собой право отправлять рукописи статей на независимую экспертизу.

При наличии серьезных замечаний по статье в рецензии, статья будет отклонена и автору будет рекомендовано доработать статью в соответствии с замечаниями рецензента.

Авторский экземпляр журнала автор получает по почте согласно оформленной подписке. Оформить подписку можно от одного номера журнала в год.

Статья, одобренная и рекомендованная рецензентом журнала, может быть опубликована в течение года.

Аспиранту для публикации статьи без подписки на журнал необходимо предоставить редактору журнала:

- справку из отдела аспирантуры;
- выписку из решения кафедры или иного структурного подразделения о необходимости публикации статьи, заверенную организацией;
- отзыв научного руководителя на статью, заверенный его организацией.

**CONDITIONS OF PUBLICATION OF THE ARTICLE
IN THE SCIENTIFIC JOURNAL
«WORLD OF RUSSIAN-SPEAKING COUNTRIES»
AND REQUIREMENTS FOR MANUSCRIPTS**

1. The articles are sent to the editorial board in electronic and printed forms (1 copy).

2. Requirements for typography:

– 1 page of A4 format must contain no more than 1900 symbols including spaces;

– margins: upper – 2 cm, lower – 2 cm, left – 2,5 cm, right – 1,5 cm; from the edge to the catch letters: upper – 2 cm, lower – 2 cm; paragraph indent – 1,0;

– font type Times New Roman; type size 14; line spacing 1,5.

3. The electronic version of the article is written using word processor Microsoft Word and is saved in format.doc.

4. Requirements for the manuscript:

4.1. UDC index.

4.2. The field of science and the specialty code of the article.

4.3. Information about the author:

– surname, first name, patronymic name (if applicable);

– address with postcode;

– contact phone number;

– e-mail;

– scientific degree and status;

– job title;

– place of work (with legal address and postcode).

4.4 Title of the article, abstract, keywords in Russian and in English.

4.5. Summary of the article – minimum 210 words.

4.6. Keywords – 12.

4.7. The text of the article.

4.8. Bibliography (in alphabetical order).

5. Bibliography references to the sources used and commentaries must be given in the text in square brackets (for example, [1] or [1, p. 27], the bibliography and commentaries must be done in accordance with the GOST 7.1-2003. «Bibliographic Record. Bibliographic Description. General Requirements and Rules» (example can be found at <http://vv.yspu.org/>).

6. Tables, schemes, diagrams must be black and white, without colour background, cross-hatching is acceptable.

Typography of Tables and Pictures:

– each picture must be numbered and have a caption. Captions must not be part of the picture;

– pictures must be grouped (i. e. they must not «fall apart» when moved or formatted);

– pictures and tables the size of which requires landscape layout must be avoided;

– captions and symbols on graphs and drawings must be clear and easy to read;

– the text of the article must contain references to the tables, pictures and graphs.

The editorial staff do not improve the quality of pictures and drawings, do not correct the mistakes made in them. Every picture, table or scheme must be numbered, have a title and explanation of all symbols. All columns in the table must be entitled. If there is a mistake in the picture, scheme or table, the editorial board has the right to delete the picture and the relevant text.

7. The following materials should be attached to the manuscript ready for publication:

– 2 copies of completed and signed author's contract.

– An envelope with stamps in order to send one copy of the contract back to the author.

8. The size of the article must not exceed ten A4 pages of the text typed according to the abovementioned requirements.

9. If the submitted materials do not meet at least one of the abovementioned requirements and in case the file contains a computer virus, the editorial board will not consider the article for publication.

10. The submitted article undergoes reviewing, gets recommendation of two members of the editorial board of «Social and political researches» and then is given to the editor to be included into the issue of the journal the content of which is approved by the editorial board.

The editorial board has the right to subject the article to an independent expertise.

Мир русскоговорящих стран

俄语国家评论

World of Russian-speaking countries

Научный журнал

2020 – № 1 (3)

Главный редактор Е. М. Болдырева

Шеф-редактор Се Чжоу

Ответственный редактор С. А. Сосновцева

Макет и литературная редакция – К. С. Лапшина

Текст на иностранном языке печатается в авторской редакции

Переводы на английский язык – С. Л. Круглова

Объем 7,5 п. л., 7,1 уч.-изд. л. Формат 60×90/8..
Заказ № 30. Тираж 500 экз.

Дата выхода в свет: 13.04.2020

Цена свободная

Издатель

ФГБОУ ВО «Ярославский государственный педагогический
университет им. К. Д. Ушинского»
150000, г. Ярославль, Республиканская ул., 108/1.

Отпечатано в типографии ФГБОУ ВО «Ярославский государственный
педагогический университет им. К. Д. Ушинского»
Адрес типографии: 150000, г. Ярославль, Которосльская наб., 44